

ИВАН БАСАРГИН

СИБИРИАДА

РАСПУТЬЕ

Иван Ульянович Басаргин

Распутье

Серия «Сибиряда»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69163327

И. У. Басаргин. Распутье: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2023

ISBN 978-5-4484-3709-0

Аннотация

«Распутье» – третий роман неоконченной тетралогии «В горах Тигровых» известного дальневосточного писателя Ивана Ульяновича Басаргина (1930–1976). «Всю жизнь я готовился написать эти романы, всю жизнь я по крохам и крупичам создавал мысленно свои будущие образы... Всё это жило во мне, родилось во мне», – отмечал автор. Третий его роман получил заглавие «Распутье», отражая эпоху великих потрясений начала XX века, переломное время войн и революций. В романе тесно переплетаются судьба простого человека из народа с судьбой страны, особое место занимают сказания коренных народов края (нанайцев, удэге, тазов), поверья, предания, приметы. Но самую значительную часть произведения занимают картины Первой мировой и Гражданской войн, породивших в людях ощущение страшного распутья.

Содержание

О творчестве Ивана Басаргина	6
Часть первая. Августовские грозы	11
1	11
2	20
3	27
4	34
5	42
6	52
7	72
8	75
9	101
10	115
11	124
12	128
13	139
14	147
15	150
16	160
17	175
Часть вторая. Росстань	183
1	183
2	205
3	219

Конец ознакомительного фрагмента.

Иван Басаргин

Распутье

© Басаргин И. У., наследники, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

*** * ***

О творчестве Ивана Басаргина

Имя талантливого писателя Ивана Ульяновича Басаргина (1929–1976) хорошо известно приморцам старшего поколения. В начале 1970-х гг. читатели сразу приняли его «Сказ о Чёрном Дьяволе», повесть «Акимыч – таёжный человек» и замечательные рассказы о других обитателях таёжной глубинки. Однако Басаргину хотелось реализовать свой самобытный дар в крупных литературных формах. Им была задумана тетралогия, которая охватила бы столетний период (с середины XIX до середины XX в.) движения крестьянской вольницы на восток и укоренения на далёкой окраине. Поразительно, как быстро были написаны первые три романа («В горах Тигровых», «Дикие пчёлы», «Распутье»). Первый вышел при жизни писателя в 1975 г. Судьба второго оказалась печальной: тираж был уничтожен, поскольку подлинная история дальневосточных староверов не соответствовала идеологическим догматам советской эпохи. Формальным поводом послужило наличие в тексте старых (китайских) географических названий. Работа над третьей книгой, несмотря на тяжёлую болезнь автора, была завершена 27 апреля 1974 года.

Сегодня поклонники творчества Басаргина получили возможность ознакомиться с романом «Распутье». Колоритные характеристики персонажей основаны прежде всего на лич-

ных наблюдениях писателя, хорошо знакомого со старообрядческой средой, выходцем из которой он являлся. Примечательно, что Басаргин не идеализирует этих ревнителей «древлего благочестия». Пожалуй, впервые нам представлена столь неоднозначная картина потаённой жизни приморских староверов. Чего стоит трагическая и одновременно страшная фигура Степана Бережного, отца главного героя. В этом человеке уживались добро и зло. Он сам вынес себе приговор: «Жил не во славе и умираю не в чести».

Действие в романе ограничено сравнительно небольшим периодом, включающим Первую мировую и Гражданскую войны, но уже в самом начале повествования видно, насколько глубокими были противоречия в российском обществе той поры. Даже в такой, казалось бы, сплочённой среде, как старообрядцы, автор находит антиподов. С одной стороны, это бескомпромиссный пацифист Алексей Сонин, а с другой – Макар Сонин, убеждённый сторонник большевиков: «Эти люди праведны, они врать не умеют».

В центре романа судьба главного героя Устина Бережного, озабоченного извечным поиском правды и справедливости. Он блестяще проявил себя в сражениях Первой мировой: стал Полным георгиевским кавалером, дослужился до офицерского чина. Эти страницы романа могут служить замечательным историческим источником. По замыслу автора Устин воюет в составе Уссурийской («дикой») дивизии под командованием генерала Хахандокова. Подлинная фа-

милия генерала – Хагондоков (Хагундоков). В 1898–1901 гг. он служил в охранной страже КВЖД, а в 1917 г. был губернатором Амурской области и наказным атаманом Амурского казачьего войска. Таким образом, на определённом этапе его жизнь была связана с Дальним Востоком. Охранников КВЖД в народе называли «хахандоковскими солдатами». В 1914–1915 гг. генерал командовал 2-й бригадой Туземной конной дивизии. Эти казаки-конники были известны как «дикая дивизия», так что, создавая биографию своего героя, писатель умело использовал реальные факты.

Параллельно с картинами боевых действий Басаргин показывает мирную жизнь в глубоком тылу на берегу Восточного океана. И здесь люди также размышляют о жизни и смерти, о предназначении человека, об идеальном государственном устройстве и обсуждают программу большевиков, в том числе статьи Ленина. А рядом с их жизнью идёт скрытая жизнь «наших братьев меньших», где, чтобы выжить, сильный убивает слабого, но на поверку выходит, что человеческое сообщество устроено так же, хотя люди не говорят, что они произошли от волков и тигров, а говорят, что их создал Бог.

На этом фоне выделяется образ «естественного человека» Арсё Заргулу, ороча из рода Красного волка, побратима старообрядцев – Устина Бережного, Петра Лагутина, Романа Журавлёва (Журавушки). Его философия, на первый взгляд, проста: «Кто берёт от земли больше, чем может съесть, тот

хунхуз». Однако именно Арсё, чтобы помочь партизанам, продаёт корни с заветной плантации женьшеня, спрятанной на чёрный день.

Роман представляет собой широкомасштабное полотно с множеством персонажей. По воле автора на фронтах Первой мировой Устин Бережнов впервые встречает будущих белых атаманов Ширяева, Колмыкова и будущего красного командира Гаврилу Шевченка. Они станут активными действующими лицами во второй части романа, посвящённой Гражданской войне на Дальнем Востоке. Как видим, наряду с вымышленными персонажами в сюжетную ткань произведения Басаргин вводит реальных исторических лиц, известных жителям края не только по учебнику истории, но и по рассказам местных старожилов. Несколькими умелыми штрихами писатель набрасывает портрет Константина Пшеницына, одного из руководителей партизанского движения в Приморье, видного партийно-государственного деятеля, репрессированного в 1937 г. Намёк на трагическую судьбу Пшеницына можно усмотреть в его описании – «красавец-мужчина с грустными-прегрустными глазами».

В конце романа автор приводит Устина Бережнова к большевикам. Басаргину удаётся не погрешить против истины, заставив «покраснеть» бывшего убеждённого монархиста. Не последнюю роль в такой метаморфозе сыграл фактор японской интервенции. Басаргин – прекрасный психолог, хорошо понимающий мышление русского крестьянина. Не

случайно его Устин не уступает дорогу вооружённому японскому отряду: «...им никто не дал права размахивать мечами на нашей земле». Именно в этом вопросе наметились непримиримые разногласия между «красными» и «белыми», опиравшимися на поддержку интервентов.

Безусловно, творчество Басаргина развивалось под влиянием литературного наследия «золотого века» русской литературы, а также классиков советской эпохи, в частности А. Н. Толстого, А. А. Фадеева и особенно М. А. Шолохова. Устин Бережнов очень близок Григорию Мелехову из «Тихого Дона». Личность каждого из них сформировалась в специфическом пространстве обособленной группы русского народа – казаков (Григорий) и старообрядцев (Устин). Обоих героев роднят метания в поисках истинного пути. В тексте приморского писателя есть свой «любовный треугольник»: Устин и Груня, Саломка и Устин. Познакомившись с романом «Распутье», читатель не разочаруется: это оригинальное произведение, которое не затеряется в потоке популярной исторической прозы. Роман раскрывает новые грани самобытного таланта приморского писателя, чья жизнь была до обидного коротка.

Л. Е. Фетисова

Часть первая. Августовские грозы

1

Земля и небо, небо и земля. Дружить бы, жить бы, но, похоже, и боги не живут в мире. То жарища – не продохнешь, то такая сорвется гроза, что ходуном ходит земля, качаются сопки, дыбится тайга, всё в грохоте и смятении; звери бегут в поисках пристанища, птицы летят в свои гнезда. Знобко в тайге, тревожно в тайге...

Ещё тревожнее людям. Они стремятся убежать под крышу дома, откреститься от Ильи Пророка, чтобы он не пустил огненную стрелу в грешника. Ведь все, хоть чуть, да грешат. Грозы мимолетны. А вот война, войны, не проходят, как грозы...

Ушёл Устин на войну. Саломка, жена его, часто выходит на тоскливый пригорок у реки, подолгу стоит. Бывает, что змеятся молнии, рыкают громы, секут её дожди – не уходит. Всё смотрит на запад, на заход солнца. Прошла гроза, обдул тайгу ветер, солнце подсушило таёжный тракт, запылила дорога. Идут и идут парни на войну. Молодые, задорные, есть и злые, затаённые. Но больше смешливых. Не кручинься, мол, молодница, поклон Устину передадим, дай добраться до германца, мы его враз шапками закидаем. Смеются, а в глазах

страх. Смеются, а в глазах злоба. Шутникам не верь, они всегда были в миру опасны как царю, так и отечеству. Смеются, а сами сердито сосут едкие самокрутки. Косматы, патлаты, души врасхрист. Прощаются взглядами с тайгой, землей, небом. Тревожатся: впереди война, впереди неизвестность... Шибко и за всех тревожится Саломка – добрая, тихая, пугливая, как косуля, готова всех обнять, над каждым поплакать. Но молчит, кусает пунцовые губы, останавливает плач.

Идут, маленькими ручейками вливаются в бурный поток, чтобы неудержимым водопадом ринуться в карусель войны. Нет, не надсмеаются над наивной Саломкой, наоборот, кланяются в ноги, что любит, что ждет, зовет к себе. Идут, чтобы из человека превратиться в штык, боевую единицу, роту, полк, армию, – потерять свое лицо, свое имя. Идут трусливые, идут смелые, но те и другие боятся. Боятся за себя, за свои семьи, за свою землю.

Война...

Там Устин. Там ее брат Макар. Будто это было вчера, видит Саломка, как она отпустила серебряное стремя, Коршун взял с места в галоп и скоро растаял за пылью. Унес Устина на войну. Не плакала Саломка, может быть, еще не научилась плакать, не успела осознать, какая пропасть разделила их. Ушла на пригорок, упала на колени, воздела руки к небу:

– Господи, защити! Господи, оборони от лютой смерти! Прости ему все согрешения – вольные и невольные! Пресвятая Дева Мария, заступись! Святителю Христов Никола, не

дай умереть без покаяния!

Молила со стоном, молила от чиста сердца...

Прошел обоз, но не ушла Саломка с печального пригорка, ждет, чтобы проводить унылым взором обозы новобранцев. На погост идет. Пока живы, но зов войны и их поглотит, как поглотил Устина. Ни весточки, ни писульки. Значит, погиб. Пора молиться не за здоровье, а за упокой. Погиб... И теперь уж без слов, а только глазами просит Саломка мужиков прознать про Устина. Отворачиваются мужики от просящего взгляда, пожимают плечами. Что передать, понятно, но где и кому?

Всё реже и реже будят тишину переливы мирской гармонии. Ушли гармонисты на войну. Всё тише и тише крики и стенания. Слезы выплаканы, крики осели в сопках. Скоро пошли задубелые и матерые мужики. Эти не говорят лишних слов, не собираются закидать шапками германцев. Первые не закидали, видно, шапок не хватило, а уж вторым и подавно не закидать. Молчат и о победах. Побед пока не было, была лишь кровавая мешанина, о ней слышали, она напоминала о себе извещениями о смерти солдат...

Прошел еще десяток подвод. Телеги отстучали колесами по камням и скрылись за поворотом. Солнце клонилось к закату. Припало к горам, осело за сопки. И вдруг полыхнуло жуткое зарево. Закат вспенился кровью. Спал закип. Минута. Еще минута. Заходили грозные сполохи, будто кто

взорвал закат изнутри, он брызнул искрами кипящей стали, подмял под себя бирюзовую синь, охватил огнем полнеба. Края туч замалинились. По ним прошли цвета побежалости. Кажись, потух. Но нет, там, где был закат, заметались молнии, загрохотали громы. Молнии секли и поджигали вершины сопок, громы дробили каменные крепиды, вгрызались в землю.

Всё замерло и затаилось: не пискнет пичуга, не рыкнет зверь, не плеснется рыба в реке.

От заката в небо поползли кровавые лучи. И ползли, и ползли... Охватили полнеба, всё небо... И враз потухли.

Попятилась от жуткого заката Саломка, увидев в этом зареве страшное знамение, подхватила подол сарафана, бросилась в деревню, чтобы рассказать людям о неземном видении. Но люди тоже его видели, они высыпали из домов, с перекошенными от страха лицами смотрели на запад. Там еще раз блеснула молния, ударил раскатисто гром, казалось, от него сейчас валом падет тайга. Из грозовых туч выкатился большой сияющий шар и тихо поплыл над тайгой. Все разом бросились в дома. Завыли собаки, замычали коровы. Шар лопнул. Стало темно и серо.

Бра́тия собралась в молельне, чтобы помолиться и рассудить, что это было за знамение.

– Не к добру, – мрачно обронил Степан Бережнов. – Не к добру!

– А было ли оно, добро? Рази война – это добро? Не к

добру... – протянул Алексей Сонин. – К гибельности рода человеческого дано то знамение. Кто не утратил разум, тот должен, как один, восстать супротив войны.

– Вчерась Журавушка видел на кладбище Ивайловки собаку Макара Булавина (царство ему небесное) Бурана, или как наши его прозвали – Черного Дьявола, – проговорил Исак Лагутин. – Тоже он появился не к добру. Как быть? Как жить?

– Не давать наших ребят в царскую армию, – тянул свое Сонин.

– Нишкни! Изменщик! Молчать! Всем двоедушникам дадим укорот.

– Ежли кто двоедушник, то это ты, Степан Алексеевич. Любая война – это есть зло. Не хмурься. Выступал и буду выступать против войны. И не от бога эта война, а от дьявола. Надо еще поразмыслить, от кого дан нам царь?

– Молчать! – рыкнул Бережнов и перекрестился.

Черного Дьявола тоже устрашило кровавое зарево и непонятный огненный шар. Но не побежал. Ему бежать некуда. Его дом – тайга. Лег на жухлые травы, пристально смотрел на закат. А когда начало смеркаться, то расслабил тело, положил голову на лапы и забылся в собачьем раздумье.

Он уже много дней петляет по тайге, кого-то ищет. А кого? Последнего друга забрало море: ушел корабль с новобранцами, а с ними и Федор Козин, на германский фронт. А где же первый? Вчера был у него на кладбище. Что-то удер-

жал собачий ум о Макаре.

Поднялся и снова затрусил в сторону Ивайловки. Вышел на кладбище... Вот дрогнула в небе первая звездочка. Широкая долина реки Улахе сузилась от сумерек. Черный Дьявол сел на хвост у могилы Булавина, поднял голову и густо завыл.

Завыл, когда зашло солнце. Звери, люди слышали его вой. В Ивайловке застучали калитки, послышались тревожные голоса. Третий раз вот так воет Черный Дьявол: первый раз услышала такой же вой толпа, когда погиб Макар Булавин, второй – когда пароход увез на войну его друга Федьку Козина, и этот, которым Черный Дьявол оплакивал свою нескладную судьбу.

Вой напугал людей. В этом вое они слышали предвестие напастей: мора, болезней, смерти...

Хомин, а с ним несколько охотников схватили винтовки и бросились на вой, чтобы убить бесовскую собаку, чтобы остановить те беды, какие могли свалиться на людей. Не добежали. Остановились. Зашевелились волосы под картузами. Не сговариваясь, повернули в деревню.

Наступала ночь, а с ней одиночество, тревога. Умолк Черный Дьявол. Затрусил по распадку. В полночь остановился под старым раскидистым дубом, лег и задремал. Всё, что связывало его с людьми, осталось за сопками. Метались собачьи сны, шепталась тайга, шуршали звезды.

Вой Черного Дьявола услышала и Саломка, и, может быть,

впервые к ней пришла такая тоска по утраченному, боль душевная, страх за судьбу Устина... Жалела она его и раньше, но как-то не так сильно. Ушла в дом, чтобы на печи забиться в тихом плаче, неслышном стоне. Строг и жесток свекр, не терпит бабских причитаний. За это ненавидела Саломка свекра, даже дыхание его было ей противно. Но молчала.

Черный Дьявол трусил по тайге. Уходил к темной громаде Сихотэ-Алинского перевала. Уходил надолго. Там меньше гнуса, там ближе звезды, которым Черный Дьявол может без опаски изливать свою тоску, выплакивать свою боль. Они услышат, они поймут его крик, пусть не помогут, но поймут.

Выбежал на сопку. Перед ним лежала ночная тайга. В распадках тьма, над тьмой латки туманов, тихие, дремлющие, а под туманами вскрики, чьи-то осторожные шаги, шорохи, опасливые звуки. Но Дьявол не шарахался, не бросался от шорохов и вскриков. Он знал свою силу, никого не страшился.

Тучи закрыли звезды. Черный Дьявол поднял голову и послал вой черному небу, черной тайге. Вой, вылизывая ложки и распадки, прокатился по тайге, взлетел на сопку, растаял в тучах...

Мечутся люди. И им бы завывать, излить в плаче горе. Но люди не волки, молча переносят боль, страхи и тоску. Черный Дьявол своим воем всё сказал, и его поняли звери и зверюшки. В крике душевном разобрались. А вот люди? Не хочет понять душевных страданий Саломки Степан Береж-

нов. Не хочет увидеть, что его сноха, может быть, только сейчас начала по-настоящему любить Устина, тосковать уже как по родному человеку. Вот она мышонком выскользнула за дверь в ночь, чтобы послать свою мольбу небу, выплакаться без посторонних глаз. Спросить бога, почему молчит Устин. А следом свекр. Зашипел змеей подколенной, схватил невестку за толстую косу, намотал на руку, начал бить по щекам.

– Мужа на войну, а сама за ворота? Убью, стерва!

Задыхнулась Саломка в немом плаче. Такое сказать? Рванулась. Упала. Закричала:

– Ты, ты послал Устина на войну! Ты убийца, волк, самоед! Ты страшнее Черного Дьявола. Слышишь, воеет. Он душу твою оплакивает. Мама-а-а-а!

– Такое отцу!..

Избитую, внес в дом, бросил на лавку...

Шагнул во тьму Федор Силов... Известный всей тайге рудознатец, искатель редких камней. Он пока не ушел на войну. Его сумел отстоять Эдуард Эдуардович Анерт¹, знаменитый геолог. Доказал верхам, что такие рудознатцы, как Силов, много нужнее здесь, чем на войне. Перевел его на казённую разведку, чтобы застраховать от фронта.

Шагнул и застыл. Силов тоже узнал голос Черного Дьявола. Шагнул и замер. Замер и затревожился... От этого воя и

¹ Анерт Эдуард Эдуардович (1865–1945) – горный инженер, геолог, автор труда «Богатства недр Дальнего Востока».

ему стало тоскливо и неудобно, и, чтобы отогнать тоску, он вскинул винчестер и трижды выстрелил в небо.

Черный Дьявол трусил по тайге через ночь на восход солнца. Брел через речки и речушки. И так день, ночь, еще день и еще ночь. Уходил подальше от людей. А куда, он и сам не знал. Зов предков-волков звал его в таежные дебри. Встречных обходил. Кто они? Может быть, бандиты, каким был его злой хозяин Безродный, а может быть, добрые люди, как Маркар Булавин, Федор Козин. Инстинкт заставлял держаться подальше ото всех.

Пришел на речку Кривую, поднялся на взлобок², провыл в надежде услышать ответный вой собратьев. Но его не было.

Треснул сук под лапой тяжелого зверя. Ветер донес запах тигра. Пес зарычал, напрягся. Но не побежал, как это делал раньше. И для тигра было внове, чтобы волк рычал на него. Вылетел на поляну, ударил себя хвостом по бокам, поднял шерсть на загривке и зарычал, да так, что качнулись кусты, показал большие тусклые клыки. Дьявол не дрогнул; сильный, матёрый, готов был дать бой тигру. И тигр сдался, еще раз ударил себя гибким хвостом, зевнул, медленно пошел в сопку.

Лег Дьявол на землю и закрыл глаза. Зовущий вой поднял его. Бросился на зов. От него шарахались звери. Подал знак. Ему ответила волчица. Она звала в свое логово, звала на помощь...

² Взлобок – невысокое крутоватое общее возвышение местности.

2

Арсё Заргулу, ороч из рода Красного волка, душевно метался. В этом году он дал слово духу гор, что покажет своим побратимам Устину Бережнову, Петру Лагутину, Роману Журавлёву заветную плантацию – те корни женьшеня, место которых знал только он. Война помешала выполнить завет. Остался в родных местах из троих лишь Журавушка. Но честно ли будет, если он ему одному отдаст то богатство? Не обидится ли дух гор за порушенное обещание? А потом, Журавушка... Сдержит ли он слово, что никому больше не покажет то место? Жадноват. Сейчас стал покладистее, но так ли уж изменился, чтобы не разгорелась жадность от дорогих корней? Голова кругом. Великий охотник Тинфур-Ламаза, пуля которого никогда не летела мимо, говорил: «Будет большая беда у твоего народа, твоих друзей – веди их на заветное место, отводи их беду. Сообща отводите. В одиночку беду не отвести...» Но можно ли отвести такую беду, как война? Ведь старый удэгеец считал большой бедой голод и только голод.

Ушел Арсё в сопки, чтобы там разобраться в душевной путанице. Спросить совета у духа гор. Сел на вершинке сопки, там же, откуда слал вой, свое собачье горе Черный Дьявол. Задумался. Арсё – человек, а не собака, у него горе глубже, тоска шире. А ко всему он стал другим, чем был де-

сять лет назад. Многому научили русские, многое подсказала жизнь. Любить и ненавидеть – этого еще мало, а вот разобратся надо, кто виноват, что идет война. Если первыми напали германцы, то они плохие люди, если русские, то, значит, у них плохой царь. И за что должны умирать на войне его побратимы, Устин и Пётр? Разве земли мало? Разве в тайге звери перевелись? Если мало земли у тех же германцев, так пусть идут сюда без оружия, ставят дома рядом с русскими, удэгейцами, орочами и мирно живут. Земля большая, на всех должно хватить, зачем же убивать человеку человека? Хунхузы³ – это понятно. Те во все времена жили разбоем, но если бы все люди объявили войну хунхузам, то давно бы их не было.

Права мать Петра, знаменитая лекарка баба Катя, что все люди – братья, только веры они перепутали; а может быть, затем и перепутали, чтобы ради своей веры убивать друг друга. Но это уже не от богов, это идет от главных хунхузов, которым нужна та война. Ведь не убивает Журавушку Арсё, больше того, дружат, хотя верят в разных богов. У Журавушки бог живет в небе, один в трех лицах, а у Арсё их много, и все живут на земле.

Грустно смотрел, щура глаза, на изломанную линию горизонта, на родную тайгу, в которой родился, в которой и умрет. Все умрут. Без войны умрут. Так зачем же торопить смерть?

³ Хунхуз – китайский разбойник.

И здесь, под жарким августовским солнцем, прошли неуверенность, растерянность, снова вернулись силы. Глаза стали яснее, сильно захотелось жить, творить добро для людей. Может быть, дух гор влил силы в Арсё? Всё может быть. Арсё давно приметил, что духи гор, воды, неба, земли добрее и покладистее небесного бога русских. Они не грозят, зря не наказывают, не судят человека за грехи. Обманщику и двоедушнику они могут не показать корни женьшеня, помешать добыть зверя, за большое зло послать болезни. Русский же бог грозит и пугает за каждую проделку, а сам, похоже, грехов не боится. Войну затеял. Людей убивает. Духи гор карают тех, кто начинает войну, как покарали когда-то Хаули и все народы.

– И боги, и духи – все они, как люди, ошибаются, – проговорил Арсё и поднялся с валежины. Твердо решил вести друга и показать дорогую плантацию.

В тайгу ушли корневщики⁴, ушли на самую мирную охоту на свете – искать свое счастье, свой панцуй⁵. Мирную... Но далеко не мирно вели себя хунхузы. Они ловили на тропах тех, кто пытался уйти от дани, ловили и убивали. Заговорили о банде Кузнецова, который сумел собрать вокруг себя дезертиров. Эта банда убивала людей за кусок хлеба. Были случаи нападения на деревни. Объявил себя императором

⁴ Корневщики (корнёвщики) – собиратели корней женьшеня. И. У. Басаргин в одном из интервью делает ударение в слове «корневщики» на последнем слоге.

⁵ Панцуй – женьшень, корень жизни.

тайги свирепый Юханька, тот Юханька, который несколько лет работал у Хомина, кажется, и сейчас продолжал поддерживать с ним связь. Разослал по деревням приказ, сколько дани должна выслать та или иная деревня.

В ответ на этот приказ деревни ощетинились винтовками и берданами⁶. Степан Бережнов, бывший волостной старшина, а ныне наставник Каменской староверской общины, не снимая с себя сана, начал создавать боевую дружину для борьбы с хунхузами. На его призыв откликнулись стар и мал. Юханька узнал, что Бережнов создал дружину, и в ответ на это объединил свой отряд с отрядом Кузнецова. Решили напасть на Каменку, взять в плен или убить Бережнова. Голодные и затравленные дезертиры согласились с предложением Юханьки. Все знали, что, возьми они Каменку, то можно будет много лет жить безбедно. Уж у кого, у кого, а у староверов золотишко водилось, а там еще и скот, лопотина, едома – живи не тужи!

Но глуп и доверчив оказался Юханька. Не знал он, как хитер Степан Бережнов. В тайгу бежали «дезертиры» Красильников и Селедкин. Скоро они влились в банду Юханьки, стали глазами и ушами Бережнова, а когда банда пошла войной на Каменку, исчезли, и в заполохе никто не заметил их исчезновения.

⁶ Бердана – общее название двух систем однозарядных винтовок под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, состоявших на вооружении в Российской империи во второй половине XIX века.

Бережнов ждал бандитов. Дружинники в коротком бою разбили Юханьку и Кузнецова. Хунхузы и бандиты бежали. Их не преследовали. Бережнов был уверен, что снова на много лет обезопасил русские деревни в этой долине. Но дружину не распускал. Более того, приказал выставлять дозоры у каждой деревни.

Объезжая деревни, он шурил глаза, о чем-то думал... Уж не о том ли, что скоро, может быть, сбудется его мечта и он силами своих дружинников сможет поставить в тайге таежную республику? Но пока молчал.

После того-то боя и задумался Арсё: если его убьют, то никто не узнает о плантации женьшеня, которая в будущем могла бы выручить людей из беды. Мир зыбок, мир зол, мало ли что еще может случиться! Решил показать плантацию Журавушке. Поверил побратиму. Да и нельзя в тайге жить без веры. Он слышал однажды, как Бережнов сказал: «Коли командир не верит солдатам, то он обязан застрелиться, а на худой конец, подать в отставку. Человек, который не верит человекам, уже не человек, а труп...»

Примерно такое же говорил Тинфур-Ламаза. Он будто предчувствовал смерть, завел Арсё и его друга на плантацию, сказал:

– Об этой плантации знали сотни и все верили друг другу. Но теперь из той сотни остался я один. А один не смеет хранить тайну предков. О ней должны знать многие. Теперь знаете вы. Первый корень здесь посадил мой пращур, когда

еще жила Хаули. Вот он, смотрите. Почему до сих пор не нашли эти корни пришлые люди? Потому что их охраняют духи гор. Зачем посажены эти корни? На случай большой беды. И здесь была большая беда, когда тряслись горы, будто они простыли, выплевывались из речек воды, будто в ложе не хватало места, пришел голод. Не пришли в тот год в наши реки горбуша, сима, кета, ушли из тайги звери. Долго шли грязные дожди. Зимой был большой снег. Люди начали умирать. Весной, когда сошел снег с гор, вождь нашего племени привел людей на плантацию. Накопали много корней, унесли их в Китай, отвели смерть и голод. Это было двести лет назад. Мы снова посадили корни здесь. Бельды и ты, Арсё, живы будете – вместе с духами гор охраняйте эту плантацию, умрет один – будет жить второй. Умрет второй – будет жить третий. Случится беда, вы приведете сюда честных людей и выкопаете эти корни. Но не все, старый корень нельзя трогать: дух гор обидится и накажет вас и весь ваш род. Теперь тайну этой плантации знаем мы трое. Вы можете стать джангуйдами⁷ – купцами, но тогда вы обесчестите себя и потеряете свое лицо. Корни не ваши, они для всех народов. Но я верю, что останетесь людьми. Если не останетесь, то зачем же жить?

Убит хунхузом Тинфур-Ламаза. Вырезали семьи Бельды и Календзюги Тарабановы, семью Арсё тоже. Остался жив только он...

⁷ Джангуйда – хозяин (лавки, магазина, предприятия).

Арсё встретил Журавушку, сказал:

– Я поведу тебя в тайгу, чтобы передать тебе тайну предков. Человек и смерть всегда ходят рядом. Как только человек рождается, рядом с ним становится смерть, не отстаёт ни на шаг. Потом будет царство безмолвных душ, а со всем этим уходит и память. Ты будешь после моей смерти моей памятью.

3

Солнце выплыло из-за гор после крепкого сна – большое, румяное, косило глаза на заспанную землю, умытую росами, приостывшую за ночь. Окасило лучами тайгу, как ливнем, родило в росах радугу. Качнулись туманы, духмяный пар пахнул от земли, от листовой прели. На все голоса, еще дружнее, зацвенькали пичуги, славя день, солнце и жизнь. Запорхали бабочки. Гулко и ёмко хлюпала роса по листве, стекая с деревьев. Земля и солнце, солнце и земля! В дружбе, в доброте. И как не впасть в анимизм человеку и не обожествить всё это? Кто объяснит, кто ответит, отчего, из чего на земле столько оттенков и красок? Кто и как их родит?

Взять весну, она первая украшает землю цветами. Здесь и горицвет, и ветреница, и ландыш, что источает неповторимый аромат. Летом выбрасывает цветок пион, сколько в нем красок, сколько оттенков! Или шиповник, который впитал в себя все рассветы и закаты земные. Или эта легкая зоревость на цветах женьшеня, блёклая, скромная, но сколько силы в корнях! А ведь все растут рядом, берут соки, впитывают краски из одной земли. Или бабочка... Кто ей дал столько красок? Нет, всё это чуду подобно. Всё это не подвластно пониманию человеческому. А что ему подвластно? Вот Алексей Сонин, право же, начал загибать в сторону старик, кричал на совете:

– Человек – это тоже чудо земное! Это диво, кое не нашло своей стези! Не поняло, что оно есть и будет едино с землей, тайгой, зверем. Ежли оно и разделило себя, возвеличило себя, то только во вред себе. Не бог создал человеков, а человеки создали себя и бога. Все идет от земли, от природы. Несть ничего выше на свете, чем природа. Оглянитесь, что творит человек! Мы с вами пришли сюда, когда здесь шумела тайга, когда здесь рыкали звери за околицей, что же осталось сейчас? Мы уже зверя добываем за несколько верст от деревни, скоро будем ходить в глухомань. Ежли бы бог создал человека, то он бы должен дать ему и разум. Ан нет, созданный богом человек не носитель добра, а носитель зла. Всё рубит, всё губит. Дальше будет еще хуже.

– Тогда от чего же произошел человек?

– От чего-то неведомого, но только не от бога. Ежели бог создал человеков, то он при создании должен был отнять у них зло, войну, научить делать землю садом, а не разбитым ковчегом. Куды ни глянь, там и чинит зло человек. А уж стрелять в человеков – это не от бога, а от неразумности людской.

Кончился этот крик тем, что Сонины высекли, отлучили от братии, наложили жесткую епитимью с постом и поклонами, закрыли в бане для просветления ума. До чего договорился: отринул бога, а с богом выплеснул и человека.

Сонин сидел в бане и вспоминал великого деда Михайло Бережнова, который когда-то говорил:

– Все люди смертны, но бессмертен Творец. Смертен человек, но бессмертны его дела. Кто Творец всего сущего? Тому объяснения нет. Но только не бог, ибо бог, ежели бы он создал такое, то он мог бы легко создать землю обетованную, сделать людей добрее и чище. Но он и этого не может. Так как же он смог создать такое диво, как человек?! Тайна создания человека и всего земного мне неведома, хоша я и прожил полтора века, прочел тыщи книг, познал тайну Вселенной и течение звезд. Но вы будьте везде подвижниками добра, а не зла. Забудьте о своих стяжаниях, отдайтесь до конца людям; забудьте свои беды, живите бедами своего народа. Помните, что все рождены духом земли, должны и жить во имя земли. В лучине тепла немного, но и она может согреть руки. Один человек не сила, но и он может повести людей за добром. Нет и не может быть выше и чище человека, творящего добро. Бог забыл о добре, вы его должны воскресить, стать бессмертными. Аминь.

– Значит, ты, деда, отрекаешься от бога? Отрекаешься уже на смертном одре? – спросил его внук, Степан Бережнов – сверстник Алексея Сонины.

– Отрекаюсь и не боюсь суда божьего. Бога нет, но есть неведомый для меня Творец. Кто он? Это вам доведется познавать. Человек был зверем, но обрел каплю разума, стал человеком. Но тот разум пустил по худому руслу. Значит, он убьет себя и все живущее. Есть Творец, а мы все его подмастерья. Помогать надо Творцу. Аминь.

Вспомнил тот давний разговор Алексей Сонин, тяжело задумался: «Кто же я? Никто! Трусливый подмастерье, даже не бунтарь-одиночка, каким был Макар Булавин... Запутан мир человека. Страшен мир человека. Всякий норовит наступить на глотку другому. А зачем? Господи, как все сложно! Если бы знать правду о боге! Знать правду о Творце всего сущего! Пошел бы за ним без оглядки. Всё во тьме, всё в нетях⁸. Нет, всё это сказания. Тот бог, кто остается человеком, кто во имя народа отдает себя, свою душу, чувствует боль людскую, доброту свою сеет не жалеючи. Где же правда? Человек убивает человека. Человек ненавидит человека. Человек человеку – враг, а не друг. Сказал супротив – стал чужим. А рази у меня своего ума нет?! Рази я ослеп и перестал думать?! Ежли я говорю неправду, то докажи то словами, делом, а не силой. Просто будь человеком...»

Метался Сонин. Знал, что ему на этот раз простят, что пошел против своих, простят, потому что он человек с вывертом, с чудинкой, перешумит и успокоится, мол, это не Макар Булавин.

Человек – это диво. Но пока что это диво воевало, ругалось, дралось, и всяк защищал свою думку. Возможно, глупую, но свою.

...Черный Дьявол подошел к негаданной подруге. Наделю назад здесь прошел отряд хунхузов. Зазевался волк и был убит. Оставил волчицу одинокой. Теперь ей на помощь при-

⁸ В нетях – в неизвестности.

шел Черный Дьявол. На то, что он черен, волчица не обратила внимания. Она лишь поняла, что он ей друг и помощник. Вышла на лужок, настороженно поблескивая глазами, потянулась к Дьяволу, прогибая спину.

Познакомились. Свои «люди». Затрусили в сторону логова.

Четыре волчонка настороженно встретили гостя. С рычаньем шмыгнули в нору. Дьявол втиснулся следом. Вытащил волчат из норы. Тут же начал расширять логово. Волчица лежала в стороне и спокойно посматривала на Дьявола.

Перед закатом повела Черного Дьявола на охоту, чтобы попутно рассказать, кто где живет, с кем дружить, на кого нападать. Повела его к границе тигровых владений. Она очень боялась тигрицы. Хотела увести выводок подальше от страшной соседки, но страшилась растерять волчат в дальнем переходе. Терпела и растила волчат. Учила их: «Вот здесь живет сохатый, злюка и забияка. Не трогали мы его, но он сам уже много раз напал на волков, даже если мы его обходили. Пытался забить меня, заколоть рогами-сохой. За сопкой есть солонцы, туда во множестве приходят косули, изюбры – бери любого. В дубках живут кабаны, но лучше их не трогать: табун охраняет огромный секачина, чертом бросается в бой. Вон в тех пихтачах живут кабарожки, там их тьма-тьмуца. Можно брать на тропах. За той скалой, тем же распадком бродит бурый медведь, копает медвежьи корни, но не прочь прихватить и дичину. Дважды пытался на-

броситься на вас, едва отогнала черта косматого. Не живется зверине мирно.

Теперь нас двое, может быть, прогоним злодея, спустим ему штаны...»

Черный Дьявол потоптался на вершинке сопки, как будто раздумывал, куда повернуть. Взял влево, туда, где должен пастись злока-сохатый. Если он раньше не убил волчицу, то может убить сегодня, завтра. Надо наказать врага.

Волчица беспокойно зарычала, она поняла намерения друга. Но Дьявол не послушал ее, пошел по следам сохатого. Чем меньше врагов, тем сон спокойнее. Черный Дьявол не любил, когда его тревожили по пустякам.

Сохатый вышел пастись в пойму реки Кривой. Он услышал скрадывающие шаги волков, вскинул рога, зло тряхнул бородой, пошел навстречу опасности. Набычился, ударил копытом о землю так, что она дрогнула, темной громадой ринулся на Дьявола. Сейчас перебьет страшными копытами хребтину, измочалит рогами. Потом долго будет яриться над телом врага, наслаждаться победой. Таких побед у сохатого было много, он еще в молодости убил первого волка, а потом, когда заматерел, то и вовсе перестал их бояться. Главное, не показывать спину врагу – и ты победишь.

Поодаль паслись косули. Эти давно живут под защитой сильного. Если что, сохатый прогонит врагов. Вскинули точеные головки, тревожно смотрели на волков и сохатого, готовые в любую минуту сорваться и ускакать в сопки.

Черный Дьявол шел на сохатого. Сблизились. Сохатый метнулся на Дьявола, выбросил вперед копыто, но пес-волк увернулся. Копыто вонзилось в березку и переломило ее, как хворостинку. Черный Дьявол с ходу цапнул за бок гиганта, из рваной раны хлынула кровь. Сбил спесь с противника. Сохатый круто развернулся, но чуть припоздал, Дьявол успел хватить зверя за другой бок. От боли и гнева лесной великан вздыбился, взревел трубно и тревожно. Косули бросились в сопку. Сохатый сделал гигантский прыжок, другой, легко оторвался от Черного Дьявола, ломая кусты и сухостоины, ринулся по пади. Волчица было бросилась преследовать сохатого, но Дьявол рыком остановил ее. Сам сильный, он уважал сильных. Для них хватит в тайге и слабаков. Вон лает гуран⁹, по голосу слышно, что старик, ярится, чтобы кого-то напугать. Его и брать! А нет, то пугнуть вон тех излюбров: волчица погонит их, а Черный Дьявол забежит на скалу-отстой¹⁰, там и вырвет желанную добычу. Сохатый же теперь навсегда уйдет из этой долины.

⁹ Гуран – распространённое на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири название самца косули.

¹⁰ Отстой, скала-отстой – утес, скала или каменный выступ, на который можно вспрыгнуть или попасть по узкому гребню.

Арсё и Журавушка чуть свет ушли в тайгу. Куда и зачем? В тайге не принято спрашивать. Идут, значит, надо. До солнца перевалили десяток сопок, росистых, в осеннем разноцветье. Присели отдохнуть. Арсё выхватил из ножен большой острый нож, поднес его к губам побратима, приказал:

– Клянись своим богом, нашей дружбой, побратимством, что ты под ножом хунхуза не выдашь той тайны, которую я тебе открою! А если выдашь, если струсишь, то вот этим ножом я тебя и убью! Клянись!

– Ты сегодня какой-то не такой. Ну, обещал мне показать диво земное, так зачем же клятвы? – пожал узкими плечами Журавушка. – Внял, внял, клянусь всеми святыми, Христом богом, нашей дружбой, отцом и матерью, что не выдам тайны, которую ты мне откроешь. А ежели выдам, ежели струшу, то убей, – размашисто перекрестился на солнце, которое начало выползать из сопки.

– Верю. Пошли дальше. Идти нам далеко.

Арсё теперь жил в семье Журавлевых на правах члена семьи. Но как инородец жил не в доме, а в пристройке. Работал, как все; ходил на охоту с Журавушкой – всё в один котел. Арсё из того котла брал мало: ему бы купить дабы¹¹ на шта-

¹¹ Даба – китайская грубая хлопчатобумажная ткань, крашенная преимущественно в синий цвет.

ны, сатину на рубашку, а кожу сам мял, сам шил из нее обувь и дошки. Водились и деньги в кармане. Грех жаловаться на судьбу. Да и отец Журавушки, Мефодий Журавлёв, был с ним ласков, добр. Не обижал, во всём доверял Арсё. А лаской и доверием можно и черта сделать работником. Доброта так и вовсе без осечки срабатывала. Она во все времена для всякого сущего на земле была надобна, как хлеб насущный. Что говорить, даже зверь, и тот понимает доброту.

Например, в прошлом году Арсё и Журавушка принесли домой медвежонка, он был не больше овчинной рукавицы. Выкормили, выпестовали, он стал для них защитником и другом. Но тот медвежонок люто ненавидел соседей и ровесников Журавушки – Красильникова и Селедкина. Они однажды вместо меда подсунули ему горчицу. Зверь с тех пор, едва заслышав их шаги, бросался в бой. Пришлось ради этих двух перевёртышей посадить Бурку на цепь.

– Нет, его тоже люди. Нельзя ему сидеть на цепи. Он вольный, а цепь – уже неволя. Я всегда против, чтобы держать в неволе зверей. Отпускай, пусть идет с нами, пусть сам решит, какой дом ему ближе.

Августовская теплынь разлилась над тайгой. Появились на листве первые золотинки, как седина на висках. Арсё грустно заметил:

– Скоро уснет тайга.

– А весной оживет. Тайга не человек, она может уснуть, но она не умирает, – согласился Журавушка.

– Человек тоже не умирает. Умер один, на его место встал другой. Тайга вечна, но не вечно отдельное дерево. Так и люди.

– Ты стал как наш покойный дед Михайло рассуждать, – удивился Журавушка. – Он тоже говорил, что невечен человек, а человечество вечно. Но говорил и другое, что, чем образованнее будет человек, тем быстрее он себя загубит. Как это понимать?

– Алексей Сонин тоже хотел бы это понять, стараюсь это понять и я. Вы сюда принесли ружья. Хорошо. Мы жили со стрелами. Плохо. Ружья против зверей, ружья против людей. Далеко стреляет, сразу убивает. И хорошо, и плохо. Зверей стало меньше, людей стали убивать больше. Так можно убить и последнего.

А солнце чистое, небо высокое с родниковой прозрачностью, как глаза ребенка.

Следом за Арсё и Журавушкой шел Бурка, фыркал, пытел, обижался на людей, которые перестали его кормить, обращать на него внимание, а собирали сбитые ветром кедровые шишки, еще смолистые и не столь зрелые, но есть которые уже было можно. Пасся на грибах, всё больше и больше отставал от людей.

– Скоро загудит тайга от любовных песен, – кивнул Арсё на изюбра, который изваянием застыл на взлобке. – Не стреляй, когда наши идут на охоту за женьшенем, они никого не стреляют, даже ружей не берут.

– Почему ты взял?

– Спросил духа гор, он разрешил, – на полном серьезе ответил Арсё. – Когда приходит любовь, то не только звери, но и люди теряют головы. Устин один раз потерял, до сих пор еще не может найти. Я знаю, он жив. Но не знает, о чем писать Саломке, которую еще не успел полюбить. Почему ты не полюбишь? Я бы водился с твоим сыном, сделал бы из него охотника.

– Ты сам говорил, что нельзя поторопить время, как нельзя поторопить солнце. Так же нельзя торопить и любовь. А любить в такое время, когда умирают тысячи?

– Я тебе рассказывал про Хаули и Айжинь¹². Он полюбил в не менее страшное время, ради любви пошел на предательство даже. А ты... Ты прав, в тебе еще не проснулась любовь. Август, почему бы в это время не реветь изюбрам? Но не режут, потому что не проснулась любовь.

– Люди – не звери. Сейчас я, что бы ни случилось, один. Встал, отряхнулся и ушел в тайгу. А когда за спиной семья – того не сделаешь. И потом, кого я люблю, та меня никогда не полюбит. А кто меня любит, тех я не люблю.

– Ты, как брюхатая баба, – это хочу, это не хочу. Смешной. Но, может быть, ты и прав. Видел я вчера дурной сон: будто мы ушли в тайгу, ушли от людей и людского зла и живем

¹² Хаули, Айжинь, Кваюнга – вероятно, герои варианта легенды о Куань-Юне, записанной В. К. Арсеньевым на территории современного Кавалеровского района. (См.: *Арсеньев В. К. Собр. соч. В 6 т. Т. III. Владивосток: Рубеж, 2012. С. 53–62.*)

одни, как живет сейчас один Черный Дьявол.

– Сон дурной, не выпала бы нам судьба Черного Дьявола! Солнце всходит и заходит в назначенный богом срок, оно всем нужно, а если нас не будет, то ничто не изменится на этой земле. Человек не может заказать себе судьбу. Одним она несет мед, другим горечь. Устинова любовь обернулась горечью.

– Мед приносят пчелы, они добры и щедры, а горечь приносят злые люди, как Степан Бережнов.

– Не понимаете вы Степана Алексеевича. Бережнов – добрый человек. Но он, как волк, всадил лапу в капкан и вырвать не может. Всё, что он делает, делает для процветания братии. Обрати на то внимание, Арсё: мирские, особенно беднота, Бережнова считают за родного отца-благодетеля. Два срока был волостным. Беднота отдала за него свои голоса, мирские его поддержали, а наши голосовали против. Почему? Потому что он готов голову на плаху положить за чистоту нашей братии. На третий срок прокатили всё ж. Мартюшев стал волостным. Нашим послабление, а мирские воем воют. Бережнов для себя ничего не взял, а Мартюшев рвет кусок хлеба изо рта. Бережнов разбил Устина и Груню во имя чистоты братии. Бережнов убил убийцу Тарабанова – во имя того же. Он делает всё, чтобы на братию нашу и тень не пала. Мартюшеву на то наплевать. Мартюшев против Бережнова – пичуга. Бережнов затаился, как тигр перед прыжком. Создал дружины, будто против хунхузов. Но зри дальше. Эти дру-

жины созданы не столь против хунхузов, сколь для будущего. Война, цари ослабнут, народ подымет бунт. Начнется заваруха. Бережнов не будет стоять в стороне. Он пустит в бой свою дружину и попытается поставить здесь вторую Выговскую пустынь. Внял, кто и что Бережнов? Он даже разрешил читать мирские газеты и книжки, чтобы следить за делами расейскими! Бережнов хитрый, как волк.

– Может быть, и волк. Волков тоже люди оговаривают, но они, хочешь знать, добрее людей. Значит, мне надо разобраться в делах Бережнова, как и людям в делах волчьих. Я часто смотрел на работу пчел, как у них все к месту: куча пчел и одна матка...

– Но когда они без матки, то уже страшно: всё идет врасхрист. Пчелы живут по велению Бога, а люди по велению разума и сердца. Взять царя, кто он? Дед Михайло говорил, что это такой же смертный, у которого может болеть живот, голова, сердце. Он может ошибаться, грешить, просто быть недоумком. Но он царь. Все знают, что глуп, но никто не смеет того сказать. У каждого голова одна, потерять ее боятся. И выходит, что ни человек, то своя губерния. Царь затеял войну, а люд против нее. Но идет воевать, потому как царь приказал. Сколь долго будет слушать царя народ, то сказать трудно.

– Ты против войны, потому как там воюют твои побратимы? Да?

– Может быть, и так. Живи дома побратимы, то мог бы

судить по-другому. Ведь человек дотоле может быть «за», пока его что-то больно не шабаркнуло¹³.

– Почему Бережнов за войну?

– Я уже тебе сказал, что ждет, когда ослабнут цари, чтобы самому стать таежным царем. Глупо, но поди докажи то Бережнову. Считает себя правым.

– Бережнов говорит, что войны посылает ваш бог, – пытал Арсё.

– Когда это выгодно ему, то может и такое сказать. Но дед Михайло говорил другое, что, мол, войны – богопротивное дело. Люди начинают их, прячась за бога, как паук за божничку. Он еще говорил, что, мол, войны будут до тех пор, пока люди не заговорят на одном языке, пока будут разные веры, пока не порушатся границы. Он же говорил, что Россию будут воевать многие народы и государства, потому как кусок жирен и каждый бы хотел им поживиться. Но Россию никто не победит, потому как при беде дружнее нет народа.

– Но ты ж против войны, – поймал на слове Арсё.

– Против, потому как эта война противна народу, а кто почал ее первым, того не ведаю. Но война явно не к месту и не ко времени. Помнишь, капитан Арсеньев рассказывал о нашествии монголов на Русь и другие земли? После всего он говорил, что, мол, скоро, и очень скоро, может случиться такая же война с манзами¹⁴. Арсеньев – грамотей, не должен

¹³ Шабаркнуть – ударить.

¹⁴ Манзы – китайцы, проживающие в Уссурийском крае или временно пребы-

он ошибаться. И кто посчитает манз слабыми, тот и будет бит.

– Это я помню. Капитан не любит манз, гоняет, ругает, что рушат тайгу, зря губят зверя. Все они живут одним днем, потому что это чужая земля. Почему русские не прогнали до сих пор этих грабителей?

– Это надо спросить царя. А сейчас и вовсе стали наглыми. Чуть что, так жгут наши стога, угоняют скот. Если бы не дружина Бережнова, то и деревни бы сожгли.

Так шли, спорили, следом косолапил Бурка, но друзья понимали, что скоро он оставит их. Вышли в верховья речки Кривой. Здесь было тихо и мирно. Арсё и Журавушка поднялись на сопку и долго смотрели на догорающую оранжевую зарю. Что делается там, на западе? Живы ли побратимы?

А на западе горела земля. Земля, исхлестанная снарядами, иссеченная пулями, изрытая окопами. Раненая земля, страдающая земля. Здесь и солнце всегда тускло-красное от порохового дыма, гари и пыли. Обычное дело, война. Война – тоже работа, кровавая работа.

Устин Бережнов, как и все уссурийцы, влился в мощную Уссурийскую дивизию под командой генерала Хахангдокова. Устин стал кавалеристом, Пётр Лагутин и Федор Козин – артиллеристами при легких пушках. Батальоном командовал капитан Ширяев.

В ту же Уссурийскую дивизию, более того, в тот же взвод попал и Гаврил Шевченко. При встрече с Устином предупредил:

– Ты меня не знаешь, я тебя тоже. Ты не стрелял в казаков, я не был каторжником. Как я сюда попал? Раньше был знаком с прапорщиком Колмыковым, пришел добровольцем, взяли – и документов не спросили.

– Где Коваль и Шишканов, что с каторги бежали, они же без документов?

– Те определилась в пехоту. Прикинулись дурачками, мол, бродяги, не помнящие родства, желаем воевать за царя и отечество. Лучше воевать, чем заживо гнить на каторге, тут уж альбо грудь в крестах, альбо голова в кустах. Свобода,

чего же еще желать!

Каввзвод Колмыкова состоял из необученных солдат-кавалеристов. За три недели чуть поднаторели рубить саблями, а стрелять все могли. Люди таёжные, без ружья и спать не ложились. Поручик Иван Шибалов, командир кавалерийской роты, заметил Устина Бережнова: тот и рубил неплохо, и стрелял на зависть всем, конь тоже у него сильный и послушный хозяину. После стрельбы подошел, хлопнул по плечу:

– Молодец! Таких не скоро убивают. Умение придет с боями.

Но все это было уже позади, кажется, давным-давно, потому что день на войне можно измерять годами.

Вот и в тот день, когда побратимы смотрели на закат, а здесь еще вовсю полыхало солнце, кавроta Ивана Шибалова затаилась в бálке, чтобы в ночь проскочить линию фронта, ворваться в деревню, где, по данным разведки, находился штаб. Если захватить штаб не удастся, то хотя бы разгромить, забрать документы.

Рядом с Устином лежал Гаврил Шевченко, у которого, как и у Устина, на счету уже несколько боев, ворчал:

– Отчего у меня перед боем поджилки трясутся?

– Об этом же я хотел спросить тебя.

– Сравнил! Ты черт против меня. Тебя уже знают германцы и шарахаются, как от чумы. Ты и пуль не боишься. Заговорённый, что ли?

– Не боюсь, тоже мне сказанул, Гаврило. Боюсь, и еще как!

Я в первых боях от каждой пролетевшей пули так втягивал в себя шею, что думал, она вместе с головой окажется в животе.

– Значит, и ты трусишь?

– Не трушу, а боюсь – разница есть. И кто тебе скажет, что он ничего не боится, не ходи с тем в разведку, первый побежит. Все боятся, но только ту боязнь глубоко в душе прячут.

О первых боях Устин позже скажет: «Первый бой, в который я шел, был похож на кошмарный сон, на небытие, с таким же кошмарным пробуждением. Я слышал только грохот боя, да и то будто издалека, я не видел друзей, не чувствовал своего тела. Мелькали лица, искаженные страхом. Ты за чертой жизни, за чертой человеческого понимания. Конечно, в своих не стрелял, своих не рубил, падала сабля на шишкатые шлемы. И вот бой закончился. Я был в липком поту, каждая жилочка дрожала. Начала проясняться голова, глаза начали видеть, из тьмы возвращался к свету. А кругом трупы, головы, как арбузы на бахчах. Увидел, что этот курнос, тот рыж, другой чёрен, третий светловолос, а в бою все они были на одно лицо. Потом еще был бой. Здесь я уже чуть стал видеть и слышать. Понял, что кому быть повешенным, тот не утонет. Поверил судьбе. А когда их прошло с десятков, то уже не рубаешь зазря, выбираешь, кого половчее ссадить с коня, в кого точнее пустить пулю, и люди уже стали не на одно лицо. Ты видишь бой, чувствуешь его, и уже не кто-то свыше ру-

ководит тобой, а руководит твой разум. Такого трудно убить. Ведь в первых боях чаще умирают трусы, есть с чего. И есть с чего быть трусом: первое, что тебя могут убить, второе, что ты кого-то убиваешь. Убивать ведь тоже страшно. И вот, кажется, ты поверил в фортуны, прошел липкий страх, но боязнь осталась навсегда. И останется навсегда...»

После первого боя поручик Шибалов подошел к Устину, который стоял над трупом немца, положил руку на плечо, тихо сказал:

– Ну вот и выжили. Не погиб в первом сабельном бою, во втором не погибнешь. Только шальная пуля может сковырнуть, но они не столь часты. Обойдут нас. Рубил ты чисто, стрелял метко.

– А вы разве видели бой? – удивился Устин.

– Видел. У меня уже есть привычка видеть бой. Мальчишкой безусым воевал в японскую. Служил в роте разведчиков. Думаю, что после этой стычки назначат нас в разведку. Отсеются слабые, останутся сильные.

Устина тошнило от запаха крови, вывороченных человеческих внутренностей. Поборов рвоту, не поднимая головы, он побрел с поля боя. Подойдя к своей роте, опустил на траву, его верный Коршун остановился рядом, начал тереть губами плечо, стянул картуз, явно заигрывал.

– Ладно, Коршун, дай душой отойти.

– Он тем и занят, чтобы душу твою на место поставить. Умнящий у тебя конь, Устин Бережнов, – проговорил сбо-

ку боец их каввзвода Костя Туранов. – Ишь, хочет хозяина развеселить. Давай дружить, быть в боях вместе, Бережнов.

– Давай, – вяло ответил Бережнов.

Одну шинель бросили на потники, второй укрылись. Тут же уснули.

Солнце клонилось к западу. Скоро оно упадет в степь и уснет в душистых травах. Придет ночь, командир роты Шибалов подаст команду «На конь!», и все начнется заново: тот же грохот боя, выстрелы, стоны людей, предсмертное ржание коней. Рота проскочит фронт, оставляя позади своих товарищей, друзей. Их никто не подберет, им никто не поможет.

Колмыков, командир взвода, нервно покусывал травинку. Нерослый, суетливый, юркий, чернявый, на его смуглой коже разлилась серость. Командир бы не должен трусить, но он явно трусил больше других. Вернее, одни трусили, а другие просто боялись.

Колмыков был слабым командиром, в бою нервничал, порой напрасно бросал свой взвод под сабли и пули. А пополнения не было. Иван Гурьянович Шибалов не любил Колмыкова и, будь его воля, давно бы отстранил от командования, но это было не в его силах. Прапора опекал штабс-капитан Ширяев.

Устин потянулся. Пошел к коноводам, чтобы покормить Коршуна, просто обласкать. Впереди бой, а в боях они сроднились. Коршун стал верным и смелым боевым конем. Где не успевал достать врага Устин, доставал Коршун, сбивал ли

копытом, стягивал ли врага зубами. Он и опасность чувствовал, кажется, сильнее человека. Вдруг бросал Устина в сторону, уводил из-под удара, либо круто поворачивал назад, встречая врага.

Устин в последнее время много и часто думал о Груне. Шевченко не раз убеждал, что жива она. То же подтвердил Шишканов. Даже дали адрес, чтобы написал в Бодайбо. Но Устин не писал. На пути того письма стояла Саломка, ее большие наивные глаза останавливали. Да и надо ли писать? Конечно, жалко Груню, еще жальче Саломку... Но до жалости ли здесь? Столько уже видел смертей, что, кажется, вся жалость выветрилась, оставив зло, и только зло.

Похоронная команда складывала трупы, как дрова в поленницы. Над убитым солдатом не плачут, не говорят лишних слов, просто молчат, отдавая дань его горькой судьбе.

Но видел Устин солдатские слезы. Убили германцы сестру милосердия, любимую девчущку Галю. Не просто убили, скосив пулей, а надругались, уж потом убили и подбросили труп на ничейную полосу, землю ли. Вынесли ночью. А утром были похороны. И плакал солдат. Страшны солдатские слезы, скупы солдатские слезы, но каждая слеза звала к мщению. Звали к тому же эти искривленные гримасой боли лица, сгорбленные спины. Это были жуткие слезы. И они-то после молчаливых похорон бросили кавалеристов на германские окопы. В том смертельном бою погибли многие. Пленных не брали, раненых германцев не выносили. Всех преда-

вали мечу.

И заметалась ночь огненными сполохами, задрожала от пушечных залпов земля, вздыбилась от разрывов снарядов.

– Гы-гы-гы! Ура-а-а-а!

С истошным воплем покатила конная лавина на австро-германские окопы. Испуганно татакнул пулемет, прозвучали вслед редкие выстрелы. Кто-то свалился с коня, упал и конь, протяжно заржал, забился в агонии. Но самое страшное позади. И скоро рота Шибалова растаяла в степи, в степных балках.

Два дня сидели в засаде, а в ночь напали на деревню. Там стоял штаб врага. Задача прежняя: документы, языки для штаба фронта – там должны знать о планах противника. В ударной группе Устин, Гаврил Шевченко, Туранов, еще один земляк-дальневосточник Игорь Ромашка, командир Иван Шибалов, остальные прикрывали их. Но их ждали. Из-за укрытий вылетели уланы, пехота. Завязался неравный бой. Каврота таяла на глазах...

Иван Гурьянович Шибалов приказал Устину с группой пробиваться к штабу. Сам же сдерживал напор противника.

С ходу пробились к штабу, после короткой перестрелки ворвались в дом. Не до бумаг, схватили офицера-австрийца, связали, бросили Устину в седло, начали отходить. Шибалов с остатками роты прикрывал ребят.

Вернулось меньше половины разведчиков, но задание было выполнено. Офицер оказался из словоохотливых и мно-

гое рассказал.

И первый Георгий пришил к гимнастерке Устина генерал Брусилов. Были награждены Шевченко и Туранов, тоже первыми серебряными крестами.

А война раскручивалась. Она, как тугая пружина, то изгибалась на запад, то отходила на восток. На Юго-Западном фронте русские войска расправлялись с австро-венграми, германцами, а тем временем престарелый генерал Гинденбург добивал два русских корпуса на Северо-Западном фронте. После Галицийской битвы дивизия генерала Хахангдокова продолжала разрушать коммуникации противника, брала в плен деморализованные части. И в этих боях австрийская армия была разбита наголову, из нее было взято в плен сто тысяч, а триста тысяч уничтожено. Это была отместка за разгром русских корпусов генерала от кавалерии Самсонова и генерала Ренненкампа. Победа на австро-венгерском фронте надломил силы Австрии и Венгрии. Для русских армий открывалась дорога на Венгерскую долину.

Празднуя победу, Иван Шибалов поднял бокал, сказал, обращаясь к друзьям:

– Не захлебывайтесь от восторга – это пиррова победа¹⁵. Будь умнее германцы и генерал Гинденбург, они бы навалились на нас и легко бы захлопнули в этой ловушке. Но там, сдается мне, тоже умных немного. Увязли в Пруссии, за Берлин бояться, а вот Кутузов не побоялся оставить Москву,

¹⁵ Пиррова победа – победа, доставшаяся слишком высокой ценой.

оставить и победить. Не те времена. Если пала столица, то пало и государство. Не устоять нам.

– Это почему же? – выпятил грудь Колмыков.

– А потому, что Россия не готова к войне. Солдаты побеждают врагов наших своей храбростью и умением постоять за Россию, но так не может продолжаться вечно. Солдат не железный, железо – и то устаёт и ломается. А пока мы спасаем Россию и Францию. Там тоже ладный бедлам. Эта война коалиционная, где все должно быть рассчитано и взаимосвязано, скреплено разумом генералов. Но, хотя ради нас германцы снимают с запада корпуса и армии, нас наши же союзники принимают как лапотников, серых мужиков. И им не жаль нас, косматых казаков, с пикой в руке и с ножом в зубах.

– Как же это выходит, ваше благородие? – приподнялся Устин. – Вы наш командир и не верите в победу России?

– Ладно, сиди и пей, пока подадут, а потом думай, учись думать. Плох тот солдат, который не умеет думать. Думать и понимать.

– Солдат должен выполнять приказы, а не думать, – выпалил Колмыков. – Когда думает солдат, это уже опасно для царя и отечества.

– Самое опасное, господин прапорщик, – это быть дураком. Когда солдат – дурак, он дураком и погибнет в первом или во втором бою. Но, когда генерал – дурак, опасно втройне. И я приказываю каждому думать и за солдата, и за генерала, а если можно, то где-то исправлять ошибки генералов.

Случается, что и солдат может быть стратегом. За то, чтобы жить и побеждать! – опрокинул кружку жгучего спирта, зажевал солёным огурцом.

Над тайгой извечные мир и борьба. Теплынь. Августовское солнце. Во всю силу трезвонят пичуги, свистят рябчики, трещат кедровки. Но позолота уже легла на листья берез, зардела медь на листьях кленов. Цвели последние цветы. Да и тучи уже были осенние – косматые, черные, табунились над тайгой. Тревожили.

Арсё и Журавушка сидели у костра, а над ними о чем-то торопливо рассказывала, лопотала осинка, плела свои извечные сказы. Арсё погладил ее гладкую кору:

– Говорит... Ну, о чем ты говоришь, осинка? Понял: в мире всё плохо, в мире еще и война. Понятно, умный человек не будет убивать человеков.

– Разумный, – поправил Журавушка.

– Разумный, ты прав, не будет. А убивают. Не на тропе злых хунхузов, а на большой войне. Разве у нас дел мало? Куда ни посмотри, всё делать надо: землю пахать, женшень искать, зверя добывать. Тинфур-Ламаза воевал, но он потому воевал, что его обидели, что удэга убили, что хунхузы – грабители. Разве русских кто обидел? Разве у них семью вырезали? Тревожно? – Арсё прижался щекой к серовато-зеленому стволу. – Мне тоже тревожно. Не бойся, не дам в обиду.

– Нашел кого защищать! Это же колдовское дерево, на нем Иуда удавился.

– Разумный, умный – я не понимаю, но ты просто дурак. Все, кто назвал осинку колдовским деревом – дураки. Колья из неё забиваете в могилы колдунов. А ваш Иуда мог удавиться и на березе. Зачем же проклинать осинку? Осинка может лечить живот, осинка за всех тревожится, за всех душой болеет. Горькая? Так самое хорошее лекарство обязательно горькое. Когда я жил у джангуйды, то осенью спал под осинкой. В фанзе душно, а осенью ночью комаров нет. Хорошо спать под осинкой. Луна, звезды, тишина... А осинка не спит, как не спят луна и звезды. Закроешь глаза и слушаешь осинку. Всё можно узнать, только слушай.

– Потому она и не спит, что ее проклял бог. Иуду к себе пустила.

– Плохой ваш бог, как может она не пустить? В осинку уходит самая тревожная душа, такая душа, что болеет за всех. Душа нашей бабы Кати обязательно будет в осинке. Она шибко тревожная баба.

Медведь Бурка отстал от друзей, которые исподволь наблюдали за ним. Вдруг он насторожился, чесанул в заросли и скрылся, чтобы никогда больше не жить среди людей.

Арсё и Журавушка, услышав шум, прыгнули от костра. В их сторону, растянувшись по тропе, шло около двух десятков человек. Кто они? Тайга. Здесь люди страшатся людей.

Арсё узнал Юханьку. Он этим летом работал у Хомина. О его разбойных делах Арсё давно был наслышан. Хунхузы иногда работали у русских, может быть, затем, чтобы боль-

ше узнать, может быть, заработать. Но Юханька не искал заработков. Он был главарем большой банды краснобородых. Собственно, «хунхуз» так и переводится: «краснобородый». Хунхузы для устрашения в Китае мазали бороды красной краской. Юханька, как гласила молва, брал дань со всех манз, что жили в долине Улахе, Павловки и Журавлевки. Был властелином этих гор. Его боялись, его почитали манзы. И, конечно, Юханька многое знал. Он не замедлил бы напасть на деревни, если бы на пути не стояла грозная дружина Степана Бережного. Жил тем, что платили пришлые.

Юханька – бывший офицер китайской армии. Отменный стрелок. Из армии ушел, чтобы встать на тропу хунхузов, помогать бедным. Грабил на тропах купцов, даже нападал на большие деревни манз, грабил богачей, всё награбленное раздавал беднякам. Был пойман, приговорен к смертной казни, но из ямы ему помогли бежать охранники, сторговавшись с Юханькой за большую сумму таянов¹⁶. Пришел в этот край, стал хунхузить. Здесь не было столь богатых купцов из манз, но были джангуйды, которых он обложил данью. Скоро забыл о своих добрых намерениях, стал грабить и убивать бедных корневищиков. При этом называл себя «красным большевиком». Говорил, если были слушатели из русских: – Хунхуз и большевик – братья.

Такое братство настораживало людей.

Юханька рассказал Хомину из Ивайловки, что он боль-

¹⁶ Таяны (даяны) – денежная единица в Маньчжурии в начале XX в.

шевик. Хомин до слез хохотал над этим большевиком. Решил поближе прибраться к себе главаря, сдружился с ним, даже ввел в свой пай.

– Слышал я о большевиках. Они хотят свергнуть власть царя и сами стать в голове. Разве ты такой? – пытал Хомин.

– Царя свергнуть нельзя. Царь и бог – это одинаково. Вот убивать богатых надо. И я буду убивать.

– И меня тоже? – усмехался Хомин.

– Тебя нет. Какой же хозяин убивает собаку, которая его кормит, – презрительно усмехался Юханька. – Тебя не трону. Ты под нашей защитой.

Арсё и Журавушка замерли за деревом.

– С ним и Ваня Ли. О, это мерзкая собака! Он много убил охотников. И тоже считает себя большевиком. Он был боксёром¹⁷. Хотели казнить, бежал сюда.

Журавушка присмотрелся к Юханьке. Это был красавец мужчина, богатырь. Он легко нес свое сильное тело, ноги мягко ступали по тропе. Следом семенил Ван Ли – урод, лицо оспенное, ноги кривые, гнилые зубы торчали из губ в хищном оскале.

Шишканов как-то рассказывал друзьям о программе большевиков, выходило, что они хотят вечного мира, чтобы все были сыты, одеты, согреты, но для этого надо отобрать

¹⁷ Боксёрское восстание (Ихэтуаньское восстание) – восстание в Китае (1898–1901 гг.) против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь страны.

всё богатство у богачей и отдать беднякам. Побратимы не могли не согласиться с такой программой, добряки от природы, они хотели каждому добра. Но Журавушка тогда возразил:

– Значит, будете хунхузить? Такое не примет народ. Это плохо.

Теперь слухи о большевиках все чаще приходили в тайгу. Их боялись, как боялись хунхузов. А уж богатые мужики старались вовсю, чтобы показать большевиков с самой худой стороны. Оговаривали Шишканова с друзьями, будто, раз они стали большевиками, то жди: всё отберут, за прошлое отомстят. Банда будто бы у них собралась большая. А Степан Бережнов, еще будучи наставником, в редкой проповеди не предавал большевиков анафеме. Называл большевиков порождением сатаны, антихристами, что, мол, они придут и будут ставить дьявольские печати на чело и на правую руку. Кто согласится на ту печать, тот будет проклят на вечные времена людьми и богом. У большевиков будто бы растут на челе рожки, но они те рожки прикрывают длинными волосами.

Журавушка начал медленно поднимать винтовку. За убийство большевика-хунхуза бог сорок грехов простит, как за убийство змеи. Арсё глазами остановил друга.

Юханька склонился над костром, затем показал на следы, сказал:

– Здесь прошли два человека, следом прошел медведь.

Раз прошел медведь, значит, эти люди далеко. Один русский, второй из манз.

– Много ли они несут? – спросил Хомин.

– Не очень. Идут корневать. Может быть, догоним и отберем котомки? Есть у нас уже почти нечего, – предложил старшина Мартюшев. Он тоже вышел с Юханькой на тропу разбоя. Деньги, а у кого они взяты, кто узнает?

– Нет, не надо, они начнут стрелять, могут нас убить, – трусил Хомин. – Где русский, там и ружье. Безоружных найдём.

– Как скажешь, хозяин, – презрительно скривил губы Юханька.

Хунхузы скрылись. Так и не выстрелил Журавушка, почему-то сдержался и Арсё. Только оба вздохнули и молча опустили винтовки. Страшновато было вступать в перестрелку двоим против двадцати.

– Расскажем Бережнову, чем занят наш Мартюшев.

– Кто нам поверит? – отмахнулся Арсё. Он в эту минуту презирал себя. Эх, будь с ним рядом Тинфур-Ламаза, он бы не трусил. Один бы разогнал двадцать.

Впереди часто застучали выстрелы. Побратимы бросились вслед хунхузам, чтобы помочь тем, на кого они напали. Но всё вышло наоборот: спасать надо было хунхузов. Они гурьбой бежали по сопке. Выстрелили Арсё и Журавушка, двое упало. Скрылись.

Навстречу вышли Ванин и Силов.

– Здорово, Арсё! Здорово, Журавушка! Видели, как они сиганули от нас?

– Видели. Хорошо вы их напугали, – кисло улыбнулся Журавушка, коря себя за трусость. Мог бы снять Мартюшева и Хомина. – Кажется, ушли.

– Все они трусы. Безоружных ищут, – усмехался Силов. – Ну вот что, давайте гоношить костер да варить чай.

– А они прошли мимо нас, – вдруг выпалил Журавушка.

– Как, и вы их пропустили? – подался Ванин. – Ведь это же хунхузы!

– Пропустили, потому что дух гор запрещает нам трогать людей, когда мы идём искать женьшень, – опустив голову, ответил Арсё.

– Ладно, не майтесь. Кого узнали?

– Юханьку, с ним Ваня Ли, волостной Мартюшев и богатей Хомин.

– Уважаемые люди. О них даже недавно писала наша газета «Далёкая окраина», мол, ведут ладно свое хозяйство, люди честные, не обижают батраков. Уважаемые и честные, – криво усмехнулся Ванин.

– Честь и уважение создает молва. Честного можно так обесчестить, что до гроба не очистится, а такие сволочи живут, в честных ходят. Попробуй докажи, что они бандиты! Не докажешь. Газетой в нос ткнут. Такое дело – печатное слово. Мой отец тоже через газету стал самым добрым и честным. Эха-ха! Ладно, кто честен, того, я этому верю, все же мир

рассудит. Пейте чай, верная едома, без чая и сил нет. Кого взяли на войну? – поднял чистые глаза Федор Силов.

– Почти всех. Из парней у нас остался Журавушка. Хилой, больной, а сила, как у медведя, – хлопнул по худой спине друга Арсё. – Уже мужиков берут, скоро и старики пойдут в дело, а война только началась.

– Война государств – это не война с хунхузами, – устало проговорил Ванин. – Здесь грабят малые, там грабят и убивают великие.

– На войне всё, как в кулачном бою: вначале идут в драку дети, затем парни, а уж потом мужики, – сказал Журавушка. – Почему ты не на войне?

– Я уже на войне. Вот с Борисом Игнатьевичем ищем камень, который мог бы дать удушливый газ, чтобы германцев душить. Они наших душат, вот и мы хотим их. Пустим в отместку газок по ветру, и поминай как звали. Чего только не придумает человек супротив человека. Травить газами людей...

– Но если ты не хочешь травить газами, почему ищешь тот камень? – наивно спросил Арсё. – Ты не ищи – и нечем будет травить германцев.

– Эх, Арсё, не буду я искать, будет другой, а потом...

– А потом, ты боишься, что тебя возьмут на фронт, потому ищешь?

– Фронта я не боюсь. Но кто лучше меня знает, где тот камень лежит?

– Вот и хорошо, что только ты знаешь. Пока другой узнает, может, и война кончится.

– Ты что, за германцев? – подался Федор, чуть сузив глаза.

– Нет, просто я за тех людей, которые будут умирать от твоего газа. Ты будешь убивать. Душа болеть будет, сердце болеть будет. Как жить?

– Они наших убивают, у тебя сердце не болит?

– Болит, Федя, шибко болит, там мои побратимы, не надо никого убивать, кроме хунхузов.

– Ладно, ребята, еще поругаетесь.

– А что ругаться, зачем ругаться? Война – худое дело, Федька тоже делается худым человеком, а ведь я его любил, – отвернулся Арсё, раскуривая свою трубку. – Медведь Бурка посмотрел на людей, подумал и сказал, что страшнее зверя, чем люди, нет. Ушел. Не вернется. А нам куда уйти? А, Федька?

– Нам уходить некуда, человек лепится к человеку. Добрый к доброму, сволочь к сволочи... Пейте чай, остынет.

– Как узнать, что он сволочь? Я с тобой много чаю выпил, соли много съел, а кто теперь ты?

– Арсё, я могу обидеться! Я всё делаю, чтобы спасти Россию, а ты меня – в сволочи. Наших же там убивают.

– Кто убивает, те тоже сволочи. Ты и Ванин тоже сволочи, – стоял на своем Арсё.

– Ты, Арсё, где-то прав и не прав, – вступил в разговор Ванин. – Да, мы знаем, что делаем. Но мы не можем делать

другого, это наша работа. Если мы сволочи, то сволочи по приказу царя и его опричников. Ты просто, Арсё, ещё не видел сволочей. Когда я учился в Петрограде в Технологическом институте, был смел, часто вслух высказывал свое негодование существующему строю. Меня слушали, меня поддерживали. Правда, я не метал бомб в царя, как это делал Александр Ульянов, не создавал организаций, как это делает Владимир Ульянов, чтобы поднять народ на бучу. Я просто был противником-говоруном, может быть, от моих разговоров было неуютно кому-то, но и не могло шибко мешать властям. Я много читал запрещенной литературы: Маркса, Энгельса, Плеханова, хотя из прочитанного понимал мало. Но, читая Энгельса, я натолкнулся на одну фразу, абзац ли, и выучил это наизусть, как великое пророчество. Он писал, что «для Пруссии-Германии невозможна уже никакая война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, но сжатое в период трех-четырех лет и распространенное на весь континент; голод, эпидемии, всеобщее одичание масс, войск, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница государственного механизма, нет, ошибся я, искусственного механизма в торговле, промышленности, кредите. Всё это кончится всеобщим банкротством; крахом старых

государств...»¹⁸. Далее Энгельс, как пророк, говорил, что, мол, царские короны будут валяться на мостовых и некому будет их поднять, дюжинами валяться. И трудно будет предусмотреть, кто выйдет победителем в той войне. Одно несомненно, что все это создаст условия для победы рабочего класса над угнетателями. Все эти годы я живу под гипнозом этого пророчества, и вот оно свершилось. Часть сказанного уже сбылась. Войну начала Германия, и если это продлится три-четыре года, то Энгельс будет для меня богом, как для Арсё дух гор. Но я ушел в сторону. Был у меня друг, с которым я делил хлеб пополам, вместе даже устраивали дискуссии. И вот пришел час, когда я оказался в жандармерии. Друг тоже. Допрос, другой – я всё отрицаю. И вот приходит друг, а за ним другой, третий – свидетели. Отрицать было бесполезно. Что не хотел сказать я, то сказали за меня они. Вот этих можно назвать сволочами. Едва удержался в институте. А потом бегом в тайгу, подальше от крамолы, подальше от злых мыслей. Здесь научился молчанию.

– Значит, может победить рабочий класс? – спросил Силлов.

– Если Энгельс прав, то да. Но одного не пойму, как будет править этот рабочий класс? Вершить дела государства? Взять Парижскую коммуну, там ведь рабочий класс делал попытку править, но правит буржуазия. Может быть, вы, Федор Андреевич, своим мужицким умом мне подскажете? –

¹⁸ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация цитируемого документа.

прищурил серые глаза Ванин.

– Хочешь спросить, смог бы я править государством? Дай грамотёшку, то смог бы. Не боги горшки обжигают, а люди. Вникни я в суть государственных дел, подучись – смог бы. Наперво бы объявил всем народам и государствам вечный мир. Из самых мирных государств создал бы общину, которая любителей воевать могла бы прижать к ногтю. Мир, так для всех мир. Может бы, тогда Арсё не считал меня сволочью. Человек рожден на землю не воевать, а украшать её, угоивать¹⁹ её.

– А если бы такая община не создалась, тогда бы что делал? – пытал мужика Ванин.

– Поднял бы все народы на ноги, чтобы они увещевали своих правителей в никчемности войны. Ить для простого люда война нужна, как зайцу длинный хвост аль селедке мундир. Нет мерзопакостнее дела, как война. Тот, кто ее начинает, много хуже будет хунхуза. Хотя того и другого надо вешать. Да не за голову, а за ноги, чтобы дольше помучился.

– Тогда тебе и карты в руки, пойди и скажи об этом кайзеру Вильгельму и царю Николаю, – усмехнулся Ванин.

– Придет срок, и скажу. Если не я, так другие скажут, потому как война обозлит люд, и он восстанет. Энгельс правду сказал, что те короны, что будут валяться на мостовых, будут нужны не больше, как для ночного горшка, кой возил с собой генерал Крупенской. Неудобства могут быть, потому

¹⁹ Угоивать от «гоить» – холить, хранить, ухаживать.

как на тот горшок сесть трудно, но при большой нужде можно.

– А ты знаешь, где твой друг Крупенской?

– Да слышал, будто послом уехал в Японию: нехолодно, и от войны подальше.

– Подальше? Может быть, и поближе... Ну да лад с ним. Встречал я его во Владивостоке. Сказывал он мне, что, мол, вся заварушка (войну эту он назвал заварушкой) будто началась с того, что Александра Федоровна, баба царя, не любит кайзера, не в дружбе с ним и царь. Но причина в другом: Германии нужны новые земли. Тесно ей стало. Империализм начал показывать зубы. Его суть волчья. Прав Энгельс, что нужен новый строй, а вот какой, мой ум не добрал.

– Значит, сойдись Николай и Вильгельм на дуэли, то дело бы не поменялось? – спросил Силов.

– Нет. Кайзер и царь не больше как пешки в руках больших игроков.

– А народ?

– Народ был и останется серой кобылкой, которую по старости лет ведут на бойню.

– Но ведь Энгельс говорил, будто народ возьмет власть в свои руки? Сам себя же хлещешь.

– Энгельс не все мог нагадать. Хватит и этого, что нагадал. Арсё, попыхивая трубкой, слушал полемику мужика с барином. Молчал и Журавушка, он чистил винтовку.

– А чего вы молчите? – спросил их Ванин.

– То и молчим, что принято слушать умных людей, – ответил Журавушка. – У нас таким был дед Михайло. Он тоже доподлинно знал, что и как будет потом. Говорил о всемирной войне, что скоро должна быть, что будто людей рождается всё больше, а земли-то не прибывает. Всё будет, как у зверей: когда мало корму, то волк поедает волчонка, харза – харзёнка, чтобы лишних ртов не было. Вымрет народ, останется его, как ягод на обобранном винограднике.

– Значит, и у вас были провидцы? – усмехнулся Ванин.

– Были и есть. Война такая случится лет через сто, когда в небе будут летать железные птицы, по земле бегать железные кони.

– Железные кони уже есть – это паровозы, автомобили, даже есть и железные птицы – это аэропланы, – перебил Ванин.

– Слыхали, что будто есть то и другое, но мало. Дед Михайло говорил, что их будет столь много, что в небе птицам места не будет, а коней железных столь же много, что настоящим коням негде будет ногой ступить. Тогда-то и начнется большая война. Война железных птиц и коней. И ими будет управлять безумец, который сметет все с лица земного. Ведь дед Михайло прожил за сто пятьдесят лет. Он видел ещё стрелы, потом познал порох, ружья, затем винтовки-самозарядки, из всего и заключил, что люд-создатель готовит себе же пагубу, ибо всё обретенное человеком будет пущено против него же.

– Здесь есть правда. Человек изобрел стрелу, не только чтобы добыть себе пищу, но и чтобы убить врага. Теперь стрела – игра для детей. А газ – это уже пострашнее стрелы, им сразу можно убить целую армию, – в раздумье говорил Ванин.

– Так не ищите, – снова стоял на своем Арсё. Не мог он понять, как это умные люди, заведомо зная, что они несут смерть, продолжали искать тот смертоносный камень.

– Мы хотим отомстить за смерть наших людей, – нахмурился Силов.

– Как-то мы спросили деда Михайло, а можно ли убивать человека ради мести, – проговорил Журавушка.

– Что ответил дед Михайло? – подался Федор.

– Он ответил, что можно и должно, ежели тот принес тебе вред. Но не можно, если он оговорил тебя, от слов вреда будет мало. Тем паче, ежели ты понаслыху знаешь того говоруна. А ежели совсем не знаешь, кто оговорил, то вовсе не можно.

– Наивно всё это, но зерно есть. Мы хотим мстить тем, кого не знаем, а кто он, кого наш газ прихватит, того не знаем. М-да, мир путан, мир запутался в своих же тенетах, – согласился Ванин.

– Все мы плохие люди: плохой германец, плохие вы, плохой я. Можно бы выкурить трубку и разойтись без драки. Все, кто затеял войну – хунхуз, кто грабит – тоже хунхуз. Твой отец – тоже хунхуз, орет, трясет бородищей, а ты ноги бьешь по тайге. Всё для него, а тебе на обушки мало. Давайте

делать большой костер, палатку – ночевать вместе будем. Говорим много, а дело не движается. Языки чешем, а что проку?

– У тебя смешно получается, Арсё. Ответь мне честно, а я тоже хунхуз? – засмеялся Ванин.

– Тоже хунхуз, даже больше, чем его отец. Он грабит сына и тебя, а ты с другими грабишь землю. Зачем ищешь серебро?

– Для России.

– А его посадил в землю дух гор, ты воруеть у него то золото и серебро, Федька тебе помощник. Он тоже хунхуз, но маленький.

– Значит, здесь, среди нас, нет честных людей?

– Почему нет, есть: я, Журавушка, мы из тайги берем совсем мало; что взяли – то съели. А вам надо взять всё. Раз так, значит, хунхузы. Кто берет от земли больше, чем может съесть, тот хунхуз.

– Послушать тебя, так весь мир наполнен хунхузами? – проворчал обиженный Силов. – Но ведь и ты ходил со мной, руды искал.

– Ходил, потому как мало думал. Стал думать больше, то не стал ходить. Больше не пойду. Журавушка не пойдет. Сами ходите.

– Нам за это платят.

– Ты тоже мне платил, Федька. Теперь хочу вернуть тебе те деньги. Плохие то деньги. У тебя, Федька, три рубахи, а у Ванина сто. Зачем сто рубашек? Одной хватит, можно две,

постирал, надел, порвалась, то починил. Значит, хунхуз. Людей не убивает, но всё равно хунхуз.

– Ты, Арсё, не видел больших городов, не знаешь нашего быта, людей. Если бы у меня была одна рубашка, то меня бы на порог не пустили. Надо мной бы смеялись, просто гнали в шею, – пытался объяснить орочу Ванин.

– Значит, в тех городах живут одни хунхузы. Зачем ругать человека, если он не хунхуз, если у него одна рубашка? А? Ругают, значит, сами хунхузы. А может быть, весь мир – хунхузы...

– У рабочих по одной рубашке, вернее, по две: одна – на работу, вторая – на праздник, – сказал Силов.

– Это шибко хорошие люди, эти не будут хунхузами. Я, когда буду в городе, буду у них ночевать. Такие люди не прогонят меня, что на мне одна рубашка и одни штаны. Хватит. Говорим больше, чем собака виляет хвостом. Пошли дрова носить.

Споро разбили табор, натянули положок, настелили папоротника на постель, сели снова пить чай. В тайге чай – заглавная еда. Снова потек неспешный разговор.

– Борис Игнатьевич, вы человек грамотный, скажите нам, кто такие социал-демократы, которых ругают во всех газетах? – спросил Федор Силов.

– Это почти такие же люди, как наш Арсё. Всё взять от богатых, всё отдать бедным. И там, конечно, большинство грамотных людей. Они не рассуждают так примитивно, они го-

товят революцию и рвутся к власти, чтобы самим стать такими же, какими стали наши властители. Поймите, люди, что человек у власти – это уже богач, или, как говорит Арсё, хунхуз. Кто, где, когда держал в руках власть и умер голодной смертью? Такого я не ведаю. Каждый властвующий так или иначе будет стоять над народом. Закон природы. Вожак волчьей стаи первым начинает есть, а уж за ним другие. При этом он съедает кусок повкуснее.

– Тогда зачем же революция?

– Затем, чтобы встряхнуть Россию, накормить народ, а сытым народом править легко. Того хотят большевики, эсеры, социал-демократы и другие партии, вплоть до анархистов, что хотят жить без старой власти, большевики в том числе, но эти, Арсё, хотят установить власть всех бедняков.

– Вы сегодня стреляли в Юханьку, а он тоже называет себя красным большевиком, – проговорил Арсё, посапывая трубкой.

– Значит, и большевики – хунхузы: у одного отобрать – другому отдать, – буркнул Федор.

– Нет, Федор. Юханька может себя назвать и императором, но суть его останется. Он хунхуз. Большевики живы идеями Маркса и Энгельса. Эти будут пострашнее других партий. Эти возьмут власть в свои руки и установят диктатуру пролетариата. Диктатуру толпы. А толпа, ты сам знаешь, что это такое. Но я уже говорил, что не могу понять, как это безграмотный рабочий будет управлять страной. Это идёт от

анархии. Ты захочешь управлять, я тоже захочу, а кто же будет работать?

– Шишканов говорил, что ему ближе большевики. Если судить по нему, то они такие же хунхузы, как я китайский император. Эти готовы отдать последнее, абы сосед был сыт. Правдолюбцы.

– Правдолюбцам во все времена не хватало места на земле. Не хватит и этим, – ответил Ванин. – Политика – дело сложное. Но знайте, что кто вершит ту политику, кто будет вершить ее, тот и будет жить и спекулировать на чувствах народа, опираться на народ. Без народа любой политик ничто. Царь ведь тоже обращается к народу. А видел он лицо того народа? Нет. Другие будут взывать к народу, большевики ли, эсеры ли, кадеты ли, звать за собой народ. И вот, кто больше посулит народу, с теми будет народ. Народ ведь плывет туда, где берег ближе, вода тише. Кого-то запугают, затааскают, кому-то голову скрутят. К власти еще никто не приходил без крови. Давайте спать. Кто первый на часах?

– Я буду на часах, что-то мне не спится, – согласился Федор. – Хунхузы, может, ушли, а может, затаились. Где есть русские, там и жди ловушку.

– Нет, там Хомин и Мартюшев. Они трусливее росомахи. Можно всем спать, – отмахнулся Арсё. – Все спите, я буду трубку курить и долго думать.

Над тайгой разлилась тишина. Издали слышался рокот

речки, осипший крик квонгульчи²⁰ – за лето надорвала голос – да тихие вздохи тайги. Всплыл месяц. Усталые за день те-ни снова проснулись и легли на землю. Невдалеке шуршал и шуршал листвой колонок, искал мышей; слышался их писк – значит, поймал. Шумно захлопала крыльями птица, знать, и она попала в зубки хищника. Вдалеке утробно пророкотал гром. Наплывал то теплый, то холодный воздух, нес с собой запахи, звуки, несбыточные человеческие мечты. Примерно те, что были у Арсё: сделать жизнь на земле такой, чтобы никто не плакал, никто не болел, жил бы каждый тайгой, любил бы тайгу. Совсем обычные мечты, но совсем неисполнимые. А Арсё видел, что в тайге с каждым годом зверя становится меньше, тайга отступает под топором человека, тайга медленно умирает. Как уберечь? Тоже несбыточная мечта.

Так, сидя, и задремал...

²⁰ Квонгульчи – уссурийская, или восточная, совка. В тихую ночь голос уссурийской совки слышен за триста-четырееста метров.

Черный Дьявол продолжал борьбу с теми, кто грозился на него напасть. Он изгнал из своих владений бурого медведя. Вместе с волчицей напал на барса, но тот не принял бой, метнулся на дерево, а когда волки отошли, то удрал за перевал, чтобы больше не жить с беспокойным соседом.

Предстояла последняя схватка с тигрицей, с той, что однажды Дьявол встретил на перевале. И вот их тропы пересеклись. Тигрица с тем же нескрываемым удивлением смотрела на смельчака. Не убегает. Это уже занятно. Угрожающе зарычала. Черный Дьявол ответил таким же рыком, припал к травам, намереваясь напасть на хозяйку леса. Тигрица подобрала лапы, начала нервно перебирать ими. Подрагивал гибкий хвост. Пошла на Дьявола скрадывающей смертельной походкой. Собралась в тугую пружину, чтобы прыгнуть на наглеца, посмевшего не убегать с тропы охоты таежной царицы. Уминала тяжелыми лапами листву, готовила себе опору. Прыгнула. Как парящая птица, легко проскользила по воздуху, мелькнув на солнце охристой с черными полосами шерстью, упала там, где должен был быть Черный Дьявол. Но там было пусто. Дьявол в доли секунды ушел от врага и с ходу, с лёту успел схватить тигрицу за бок, прошел своими клычинами, будто ножом, располосовал кожу. Тихий и болезненный рык, замешательство – и этого хватило Дьяволу,

чтобы напасть на тигрицу сзади, в страшном рывке перехватить сухожилия на задней лапе. Грозный рев, и она, беспомощная, покатила по чистинке. Вскочила, искалеченная и трехлапая. Не знала, что Дьявол такое мог делать мастерски. В лютой злобе еще попыталась поймать обидчика, но он теперь совсем легко уходил от неё. А уходя, ранил и ранил. Заревела. Нет, она уже не нападала, она защищалась. Нападал Черный Дьявол.

Рык и стон потрясали небо, раскачивали горы... Дул ровный ветерок, светило яркое солнце. Тигрица уже не грозила, а просила милости, сдалась врагу. Начала уходить, пятиться за перевал. Черный Дьявол не наступал. Зачем? Раз уходит, значит, побеждена. Больше в эту долину не вернется. Поскакала. Беспомощно болталась на весу покалеченная лапа. Победа, и легкая победа. Теперь и тигры будут обходить стороной Черного Дьявола, познали его силу.

Пора было возвращаться домой, чтобы сегодня уже вывести волчат на охоту, пусть постигают таежную науку.

У логова копошились два человека. Это были манзы-корневщики. Они уже успели связать одного волчонка, остальных загнали в нору. Волчица же при появлении людей поспешила скрыться, бросила волчат. Однажды так же бросил волчат и Черный Дьявол, когда на их логово набрели Арсё и Федор. Но сейчас, распалённый боем, он решительно бросился на людей. Да и волчата ему полюбились, кроме разве забияки светло-серого. С лёту сбил мощной грудью чело-

века, тот упал, покатился, закричал, как умирающий зайчонок, вскочил и чёртом бросился под сопку. Второго хватил пастью за плечо и тоже сбил с ног. Человек увидел перед собой оскаленную пасть черного волка, вскочив, высоко подпрыгнул и кубарем скатился с обрыва. Плюхнулся в ключ и во все лопатки дунул вслед за товарищем. Дьявол и этих не преследовал, не пытался убить. Без того наказаны и никогда не завернут в эти места. И потом, они без ружей. Такие люди не опасны для Дьявола, а раз не опасны, то зачем их убивать? Обнюхал связанного волчонка, начал перегрызать ремни. Освободил. Вернулась волчица. Дьявол рыкнул на нее. Она упала на живот и поползла к грозному властелину.

Во владениях Черного Дьявола наступил мир и благоденствие. Теперь можно было без опаски ходить по тайге, жить без врагов. Растить волчат.

Война – это игра великих безумцев, которые поставили на карту жизнь народов и государств. Война – это огромная машина, которая без руля и ветрил несётся под уклон: отказали тормоза. Война – это мешанина и неразбериха, и кто победит, то одному Господу Богу известно. Война – это жуткий сон, который едва ли мог бы присниться простому человеку, разумному человеку; такой сон подстать только безумцу. И не видят те безумцы своих промахов и ошибок. Их может видеть тот, кто не втянут в эту войну, может видеть историк, что перевернул горы записей, осознал чужие ошибки. А безумцы спорят, безумцы хотят показаться разумными.

Начальник Генерального штаба Мольтке разработал планы войны с Россией и Францией. Он двинул свои войска к границам Франции, по ходу поглотив нейтральное государство Люксембург, затем нейтральную Бельгию, разбив слабые армии этих стран. Машина была запущена, машина полетела в пропасть. Кайзер не хотел войны на два фронта, он приказал Мольтке вернуть войска от границ Франции и бросить их на Россию. Воевать один на один только с Россией. Но Мольтке, педантичный и точный Мольтке, представил планы, что годами создавались в Генеральном штабе, вынашивались в тиши кабинетов, доказал кайзеру, что уже ничего невозможно сделать, нельзя повернуть войска назад, как

нельзя остановить машину, что уже зависла над пропастью: это, мол, создаст неразбериху и путаницу, нарушит планы, перемешает войска, как ребенок оловянных солдатиков. И кайзер сдался, махнул рукой, как человек, который, видя догорающий дом, устало опускает руки.

Война началась. Бельгия пала. Россия, совсем не готовая к войне Россия, двинула свои войска к границам. Немцы рвались к Парижу, не обращая внимания, что французы в это время прорывались в Эльзас и Лотарингию, чтобы сыграть на патриотических чувствах и поднять там восстание. Русские бросили две армии Самсонова и Ренненкампа, чтобы взять Берлин, до которого рукой подать. Но Мольтке и его штабники сделали всё возможное, чтобы не пустить русских в Берлин. Громили и теснили русских на Северо-Западном фронте, тогда как русские громили противника на Юго-Западном. И будь дальновиднее штаб германцев, он бы срочно бросил корпус-второй на Юго-Западный фронт, где легко бы разбил русские армии.

Германская армия была хорошо вооружена, оснащена всем: от винтовки до иголки, от пушки до снаряда. Густой сетью, как морщины лицо столетней старухи, покрыли страну железные дороги, и все они были под контролем военных. Часто, ещё до войны, проводились разного рода учения, тренировки на этих дорогах. Если противник нарушал где-то коммуникации, были обходные пути, объезды. Так или иначе все грузы доставлялись к месту назначения.

Русские солдаты, не менее храбрые и умные, умеющие драться, отступать и наступать, были лишены многого. Отбросим в сторону такие мелочи, как иголки, можно проволокой починить штаны, но не хватало железных и шоссейных дорог, винтовок, снарядов для пушек. Стоило диверсантам подорвать один мост, как на железной дороге начиналась настоящая неразбериха. Большой вред причиняла растянутость линий коммуникаций и снабжения. Целые армии оставались без хлеба, патронов и снарядов. Голод и безнадёга... Но русские стояли, выстаивали там, где командиры были помудрее. Безумные храбрецы! Ими Россия никогда не была бедна.

При всей подготовленности Германии к войне и там на первых порах отмечался хаос и растерянность, как был он среди русских, французов, англичан. В Пруссии погибали две русские армии, в этом был виноват только верховный главнокомандующий князь Михаил. Он бросил на Пруссию эти совершенно неподготовленные армии, поддавшись мольбам французов, которые отступали под ударами германцев, теряя один город за другим. Выход этих армий на позиции заставил Мольтку, спасая Берлин, снять два корпуса и бросить их навстречу русским, чем ослабил напряжение на французском, или так называемом Западном фронте. Теперь великий князь заламывал руки, даже плакал по милым русским солдатикам.

Казалось, в этом мире хаоса, растерянности только один

человек мыслил трезво, не слушал команд со стороны палаты лордов, вообще командующих, увел корабли в Северное море, чтобы затем бросить их в Ла-Манш. Это был Черчилль, который деятельно готовил свой флот к войне. Остальные командиры армий и флотов либо трусили, либо были в полной растерянности. Таким образом, война превращалась в бездарную игру полководцев и флотоводцев. Даже Германия, которая готовилась в одночасье раздавить Россию, затем Францию, или наоборот, и та путалась в своих же ногах. А Россия не готова была ни к какой войне – ни к длительной, ни к молниеносной. Но и эта Россия, русский солдат, смешали планы врага. Скоро, очень скоро та и другая стороны начали истощаться. Но если Германия как-то сумела развернуть производство орудий, то Россия до конца войны этого сделать не смогла. Держалась лишь на храбрости солдат, их невероятном терпении. Русские генералы просто не могли точно оценить масштабы этой войны. Им ближе были войны локальные, а еще ближе – битвы Средневековья. Командовали бездарно, на глазок. Беспределен был героизм русских солдат, но не генералов. А тут еще Турция без объявления войны напала на Россию. Старый враг, извечный враг. Игра расширялась, игра принимала безумный характер.

Бои днем и ночью, в праздники и воскресенья. Фронт лопался, как перетянутая веревка, его чинили, затыкали про-

ран²¹, откатывались и снова наступали.

Австро-венгры огрызались. Прорвали фронт. Фланги начали скручиваться, отступать. Командование бросило в этот проран Уссурийскую дивизию генерала Хахангдокова. И так случалось не раз, когда в трудные минуты командование бросало в бой именно уссурийцев. Стрелки они отменные, рубаки и того лучше. Да и смелости не занимать. Накопили ее в борьбе с таежной стихией.

Полк штабс-капитана Ширяева первым вступил в боевое соприкосновение с противником. Взвод поручика Шибалова скрестил сабли с палашами уланов, кирасир. Ком конников спутался. Теперь разбить его могла только смерть.

Дрожала земля от топота копыт, ржали кони, кричали люди, как детские хлопущки, стучали револьверы, маузеры. Люди убивали людей, кони затаптывали раненых.

Легкая батарея поручика Смирнова пока бездействовала. На русских конников с фланга шли драгуны. Сейчас навалятся и сомнут.

– Огонь! – рывкнул Смирнов, дружок Шибалова.

Ахнули пушчонки, накрыли австрийцев шрапнелью.

– Огонь!

Пять залпов, и батарея замолчала.

– Огонь!

– Ваше благородие, нет снарядов! – прокричал Пётр Лагутин.

²¹ Проран – проход, брешь.

– Бога мать, царя мать! Снаряды!

Крыло драгунов пошло на батарею. Батарейцы хватили банники²², оглобли, кто что мог, приготовились дорого отдать свои жизни. Ведь у батарейцев не было даже винтовок, не говоря уже о пулемете. У поручика Смирнова был револьвер. Он-то и встретил эту дикую лавину. Смешно и горько. Первый упал с рассеченным плечом. Пётр Лагутин и Федор Козин встали спина к спине, оглоблями из орудийных повозок отбивались от противника.

Устин первым заметил надвигающийся разгром артиллеристов. Шибалов увлёкся боем и просмотрел заход врага с фланга. Устин вырвал из этой свалки Туранова, Ромашку, эти двое в бою не оставляли его, как и он их. Оторвал от взвода два десятка кавалеристов и бросил их на помощь друзьям. А тут и штабс-капитан Ширяев двинул полк на помощь Шибалову.

Устин с друзьями влетел на батарею, его верный Коршун будто взмыл в небо. Начал рубить. Правой рубил, левой стрелял. Ахал при каждом ударе, будто дрова колол, хищный оскал зубов, глаза-щелочки в диком прищуре. Падали люди, катилась кони. И стон, и плач, и крик предсмертный. Двадцать против сотни. Батарейцы сбились в кучу, и от людей, и от коней прятались за лафетами. Сомнут, растопчут...

Ширяев правильно рассудил: он охватил широким коль-

²² Банник – деревянная колодка со щёткой на древке для очистки канала артиллерийского орудия.

цом противника, будто в клещи взял, тугие, стальные. И бежать бы надо австрийцам, да бежать некуда. Окружены. Рвутся из этого кольца, хлещутся, но всюду косматые шапки казаков, картузы кавалеристов. Всюду смерть.

Пётр Лагутин вскочил на оставшегося без всадника коня, в его могучих руках оглобля. Он ею, как косой, как палкой, которой шалун-мальчишка сбивает подсолнухи, сбивал всадников с сёдел. И страшен же он был в своем неистовом порыве: порвана гимнастерка, почему-то без сапог, густая борода взрлет, ощерены зубы. Шарахаются от богатыря австрийцы, кто-то дважды стрелял в него, пробив пулями полы шинели. Приседает конь под его могучим телом, но это русский конь, слушает в бою нового хозяина, тоже рвется в бой, тоже зубы в хищном оскале, его тоже опьянила кровь людская.

Федор Козин у пушек, он что-то кричит, немо кричит, ибо его голос заглушает бой, рёв боя.

Австрийцы сдались, подняли руки, понуро опустив головы, проходили мимо победителей.

Устин вытер саблю пучком травы, бросил ее в ножны, подошёл к побратиму. Обнял. И Устин, и его легендарный конь Коршун были в сгустках запекшейся крови, своей, чужой, пока трудно понять, разобрать. Штабс-капитан Ширяев не раз просил Устина продать ему коня, взамен взять даром любого скакуна.

– Друзей не продают, – отвечал Устин. – Нас с ним по-

роднила кровь, в боях побратались, в боях и умрём. Вместе умрем. И не пытайте, не просите.

И Коршун, и Устин, оба еще не остывшие от боя, тяжело дышали. В таком же запале был и Пётр Лагутин. Устин криво усмехнулся:

– В кавалерию тебе надо, Петька, рубака будешь ладный! Но только по уставу с оглоблей воевать не положено, а саблю для тебя еще не отковали. Моя будет в твоих руках детской игрушкой. Как же быть?

– Артиллерия тоже нужное дело. Метко стрелять из пушек кому-то надо. Вот снарядов бы нам. Распротак их мать и бабушку! Смирнова вона покалечили. Оклемается или нет? Хороший был командир. Не скрывал своего гнева на царя и его командиров от ушей солдатских. Сволочи! Распочали войну, а воевать нечем. У германцев при каждой батарее пулемет, а у нас!.. – махнул безнадежно рукой и прослезился. От беспомощности своей заплакал.

– Ну ладно, ладно, побратим. Не распускайся.

– Как не распускаться, вам бы помочь надо, а нечем. Где головы у генералов? Может быть, вместо голов жопы? Так пусть они их поменяют местами. Пошто же гибнет солдат почём зря?

– Зря гибнет много нашего брата. Ума, верно, мало у наших командиров. А ить они всё ведают, всё понимают, но ничего поделатъ не могут. Война – это не охота на медведя.

– То так, но если ты не готов к войне, так сиди и не рыпай-

ся. А коль готов, то выходи на бой. Э, что говорить, бедлам и суматоха. Жаль Смирнова. Человечный был командир.

– Погоди хоронить, еще вернётся. Человек живучей всякой твари. Оклемается.

– Будем надеяться на бога.

– Не поминай бога в этой мертвечине, Петька. Не молись ему и не проси от него милости. Отверзи он лик своя от люда земного. Присядем, чтой-то дрожит тело. Нет ли спиртного?

– Найдётся, – бросил сбоку Козин, подавая флягу. – Снял вот с убитого австрийца.

– Эко ты смел, а я до сих пор не могу ничего брать от убитых. Не приемлет душа.

– Пустое. В такой кровище, да ещё говорить о душе, оставь! Сам сказал, что здесь не след поминать бога. Голодны ить, так хоть от них напитаемся, – говорил и говорил Козин, выкладывая еду на полу шинели. Она тоже была в крови. – Негде и хлеб положить, всюду кровь и кровь, но это, кажись, русская. Шинелишка-то капитана Смирнова, знать, не столь противно. А с хлеба мы уберём кровь, вот и чист. Доставай, Петька, кружки, хлобыстнем за победу русского оружия. А не подоспей Устин, то теперь бы за нас пили, за упокой наших душ. Убитые ить сразу летят в рай. Грешен или не грешен, всё одно туда же. Убит на войне, убит за ради царя-батюшки, кой послан сюда самим богом. Эко заморочили головы народу-то. Царь – от бога. Ха-ха-ха! Да он рыж, он хил, он труслив. Неужели бог не мог поладнее послать нам царя?

– Хватит, Федьша. Наливай, так и быть, выпью.

– Ты не останавливай его, Устин. После боя он всегда говорлив. Он говорит, а я молчу. Правду говорит, коей в другом месте и не сказал бы. Говори, Федя, говори, дай душе роздых.

– А что говорить? Неча говорить. Я вот толкую, что властители наши глупы и безмозглы. Все, как один, недоумки. А пошто? А пото, что, пришед к власти, они перестали вышпать свой ум. Пребывают в лености. А у ленивого человека и ворота наперекос, рот набок, соплю лень высморкать. А раз лень, то и ум ленив. Нет мужицкой хватки, мужицкого задора. Вот и вышло, что мужик перерос властителей умом и хваткой. А с чего же это я буду недоумку верить? Перестал верить, думать начал. И не я один, а тыщи. Вот и ослаб дух народный. Страна ослабла. А тут еще эта мешанина. То-то. Всяк властелин должен знать, что ежели ему народ не верит, то надобно снять корону и бросить тому, кому верит народ. Честно уйти в тень и не рыпаться, так будет вернее, так будет мудрее. Где это видано, чтобы его благородие крыл царя матом, крамолу про него рассказывал? А раз рассказывает, раз материт, то бежать тому царю надо за тридевять земель и не путаться под ногами. Сегодня его благородие обматерил царя, завтра пульнет из револьвера, а послезавтра бучу подымет.

– Буче быть. Она, как гроза, выплывает из-за гор. Всех сомнет, – проворчал Лагутин.

– Откуда все это у вас? – чуть удивился Устин. – Мы воюем, а дум таких пока нет.

– Нет, так будут. Пей. Я уже выговорился, душе легче стало, – поднял кружку Козин и залпом выпил.

Выпили и побратимы.

– Эко добрая штука, телу тепло и дрожь прошла, – крякнул Устин, приложив к губам рукав шинели. – Жалеете поручика, браните царя. А мне жаль вон того австрийца, – кивнул Устин на убитого. – Кто его убил? Может, я, похоже, моя работа. А может, другой. Убивал – было не жаль, а сейчас жаль. Ведь тоже был человеком, кто-то его ждал, кого-то он любил. Все враз ушло.

– Из земли взят, в неё и пойдешь. Был человек, стал никто. И всё по велению властелинов. М-да! Кровавое распутье. Будет ли ему конец? Пропади всё пропадом! А у нас в тайге, поди, теплынь, божьи птахи поют, зелень еще держится. Домой ба! От всего этого да в сопки. А, что говорить, прав Федька, – устало махнул рукой, налил спирту и еще выпил. Отвернулся от убитого Лагутин.

Но все были трезвы, сказалось нервное напряжение боя.

– А кто будет спасать Россию? – проговорил Устин. – Трусишь? Не трусь, раздавим мы эту вошату и домой двинем, а там банька, там тайга, там охота.

Садилось солнце. Блѣклый закат разлился над полем боя. Вповалку, как после половодья остаются на косах брѣвна, лежали люди. Между ними ходили санитары, работала похо-

ронная команда. Бродили осиротевшие кони, русские и австрийские, искали своих хозяев. Ведь хороший боевой конь, как Коршун, тот не бросит друга даже мертвого, пока его не унесут к братской могиле. И тут громче, чем разорвался бы снаряд, тренькнула в кустах птичка, все враз обернулись на этот голосок, замерли с открытыми ртами: кто жевал, кто говорил, – все затихли. Ещё раз раздался сочный голосок. И запел, и затрепетал неизвестный певец. Загомонили люди, заулыбались люди. Ожили. Даже раненые перестали стонать, посветлели их лица. Голос пташки послал привет с родины, голос пташки напомнил о добрых мирных временах.

– Федьша, гля в ту перемётну суму, может, окромя спирта едома есть. Жрать хочется, спасу нету.

– Снова от мертвяков? – поморщился Устин.

– А от кого же больше? Герой, а брезгуешь, – хохотнул Козин.

– И верно, Устин, ходим в крови по маковку, а морду от еды воротим. Надо есть то, что дал враг. Свои не дают, пятый день подвозу нету. Ешь и не брезгуй, питайся, чем бог послал.

– Кончай ты о боге-то, – поморщился Устин.

– И верно, надо кончать с богом. Какой уж тут бог? Понять что-либо стало трудно. Голова не добирает и бога, и этой войны. Стали мозги похожи на переваренную шарбу²³. Живут же австрияки – спирт, едома. Эх, Россия, была ты ла-

²³ Шарба – уха.

потной, такой тебе и быть во все века... А тут ещё звереем.

Подошел Туранов. Присел. Ему налили спирту, выпил. Этот после боя всегда молчал. Но тут вдруг заговорил, будто к нему речь пришла. Зло заговорил.

– Вашу мать, что думали, когда почали войну? Разве нельзя было договориться с германцем? Французы – братья. Может, и так, но за ради этих братьев бьют нас, а те братья вино хлещут и боёв не ведут.

– Хватит, Туранов! – оборвал Устин. – Вы что, сговорились? Все в один голос хаеете Россию, царя! А потом хвалите врага, мол, вот у них то, другое.

– Не в хвале суть, а в нашей безнадёге, – отмахнулся Туранов.

– Домой хочу, – протянул Лагутин. – Хоть на час, но домой.

– Наш путь домой, Петьша, через Германию. Далековато? Пройдём. Должны пройти, – не совсем уверенно закончил Устин.

– На кой ляд мне нужна та Германия? Заберите вы ее, а меня отпустите домой.

– Не помышляешь ли дезертировать?

– Нет.

– Где-то бродит Черный Дьявол, мой Шарик. Как он выл, когда увозил нас пароход. До се его вой слышу.

– Не травите души. Не раскисайте. Убивают трусов, смелые живут в веках. Вот вас уже третий раз едва не порубали,

обошло, в четвертый раз и вовсе обойдет. Черт, дали бы хоть вам винтовки. Да и вы хороши, берите винтовки у австрийцев. Уставом запрещено? Да плюньте вы на тот устав и вооружайтесь. Не слушайте Ширяева. Устав для умных людей, дуракам он без пользы. У меня маузер, тоже трофейный, а работает – я те дам! Живу и устав блюду.

У леса выли одичавшие собаки. Ждали ночи, чтобы выйти на поле боя и нажраться мертвечины. Козин с грустью слушал этот вой. А когда собака воет, по приметам, в доме должен быть покойник. Дьявол тоже выл, знать, быть Федору убитым. Страшился смерти, нагаданной Черным Дьяволом смерти. А ведь Дьявол выл от тоски по другу; жизни, а не смерти ему желал.

Подъехал Ромашка:

– Устин, тебя кличет поручик Шибалов.

– Скажи Ивану, что ночую у побратимов.

– Нельзя. Есть приказ нашему полку уходить на тот берег.

– А, чёрт! От этого боя не отошел, снова в бой. Возьми

Коршуна, пусть коноводы почистят его от крови. Пешим добегу. Пошли, Туранов. Держитесь, побратимы! Нам умирать нельзя, нас ждет тайга, жёнки, матери. Будьте здоровы!

В ночь и дождь, уже не полк, а вся Уссурийская дивизия ушла за линию фронта. Перешла на ту сторону с боем, с грохотом. Ушла, чтобы всласть погулять по тылам противника, разбивая штабы, обозы, подходящие колонны резервистов, сея панику и страхи. Эта конная лавина предавала всё ме-

чу и огню. Сдавались деревни, бежали сломя голову солдаты противника. По следам – кровь и стон.

Россия и Германия после нескольких недель войны оставили от действующих армий одни ошмётки. В дело пошли резервисты. Это тоже солдаты, но отвыкшие от винтовки и пулемета, разучившиеся драться. Привыкнут, научатся. Будут драться не хуже солдат-срочников, не хуже молодежи. Втянутся в коловерт войны, станут солдатами.

Кавполк Ширяева нацелился на деревню. Чистенькую, аккуратную галицийскую деревню. Но, по данным разведки, там остановился полк пехотинцев-резервистов. Ширяев этим пренебрёг, пренебрёг он и тем, что о его приближении противник знал. Дело в том, что по дорогам Галиции сновали на велосипедах мальчишки, и невдомек было русским, что это были разведчики. Здесь каждый был разведчик, и о каждом шаге русских противник знал, хотя не всегда мог противостоять их силе и натиску.

Это был безграмотный бой, который не мог простить себе Ширяев, за который он не был повышен в звании, не был награждён.

Резервисты густым огнем встретили полк. Артиллеристы накрыли конницу шрапнелью. Смешались ряды, подались назад русские. А следом уланы до двух рот. Шибалов, что шел слева, легко вывел свою кавроту из этого пекла, чтобы ударить уланов с тыла. Колмыкову приказал рассеять его взвод, затем собраться у леска, а когда Шибалов пойдет с

тыла, ударить с фланга. Но тот либо не понял приказа, либо струсил и, шибко нахлестывая своего меринка, устремился за отступающим полком. Но шальная пуля сбросила его с седла. Гаврил Шевченко успел подхватить командира, бросил его в седло. А тут команду принял на себя Устин Бережнов, выполнил приказ поручика, вывел взвод за лесок.

Не разобрались в сумерках уланы, что у них на хвосте сидят русские. А когда пали задние и они решили развернуться, на них навалился взвод Бережнова. Всё враз смешалось. Опомнились остальные, повернули коней назад, в одночасье порубили австрийцев. И с ходу – на пулеметы, на винтовочные залпы. Ворвались в деревню, вырубали и постреляли всех, кто не успел скрыться под покровом ночи.

«Дикая дивизия», поработав по тылам, вышла на отдых и пополнение.

Верховный главнокомандующий великий князь Михаил прибыл в дивизию, чтобы наградить героев. Устин Бережнов, Гаврил Шевченко, Костя Туранов, Игорь Ромашка получили золотой крест Георгия в числе первых. Но от этого не было радостно. А причина была вот в чём.

Князь Михаил, высокий и худосочный, шел по фронту будущих георгиевских кавалеров, нервно совал руку в мужицкие руки, пахнущие потом, человеческим и конским потом, передавал крест адъютанту, который пришпиливал их к воющим кителям. Похоже было, что Главнокомандующему скучно вручать награды, которые честно добыли в боях его

воины, досадно, что эти награды не спасут Россию от разгрома. Тогда зачем кресты, если русские терпят одно поражение за другим? Победы на австро-венгерском фронте не радовали великого князя. Он понимал, что это временные успехи, что скоро германцы одумаются, подбросят свежие дивизии, и русские покатятся назад.

И все почувствовали никчемность и комедийность этой церемонии. Когда князь поздравил Бережнова, тот даже не прокричал, что он рад стараться, готов отдать свою жизнь за веру, царя и отечество. Он только кисло улыбнулся, такой же улыбкой ответил ему князь. Они будто поняли друг друга, князь махнул белой рукой и прошел к другому коннику. Стало скучно и обидно.

Об Устине Бережнове заговорили в дивизии и о том, что он ничего не ответил князю, и о том, что он, и верно, герой, может стать хорошим командиром. Грамотен. Стоило подумать. Но только эта выходка при награде пока сдерживала генерала Хахангдокова повысить Устина в чин унтер-офицера. Говорили и другое, что Устин Бережнов и его конь Коршун заговорены колдуном Макаром Булавиным от пуль и от сабель, от гранат и снарядов. Никто из говорящих не пытался узнать, когда погиб Макар Булавин, что за человек был Макар Булавин. Никто не подумал и о том, что человек и конь боролись за жизнь всеми для них доступными средствами. А главное, что любили друг друга, верили: человек – коню, а конь – человеку.

Второй золотой крест Георгия вручал сам Николай II. К этому кресту Устин был представлен за спасение в одном из боёв подполковника Ширяева, за проведённые самостоятельно, без командира Колмыкова разведки, где были пленены два генерала и майор.

Царь был росточком мал, рыж, но не столь скучен, как великий князь Михаил. Он весело поздравил боевых уссурийцев за их победы над врагом российским, выразил уверенность, что и впредь славные воины будут так же бить врага, защищать свое отечество. Даже больше: он, поздравляя с наградами казаков и кавалеристов, дважды награжденных Георгиевскими крестами, обнимал их, похлопывая по спине. То же сделал и с Устином. Сам прищипил крест и с некоторой истеричностью прокричал:

– Рад, что не перевелись на Руси герои! Так я говорю, казак?

– Не перевелись, ваше величество, – улыбнулся Устин.

– Так и впредь служить, бить общего врага!

– Рад стараться, ваше величество! – гаркнул весело Устин.

– Спасибо, прапорщик...

– Бережнов, – подсказал генерал Хахангдоков. – Но он ведь всего лишь вахмистр.

– Не мешайте, генерал, – отмахнулся царь. – Устав знаю, – хлопнул Бережнова по плечу и как-то заискивающе улыбнулся.

Бережнов же ответил задорной улыбкой, будто подбадри-

вал царя. Чего, мол, там, ты царь, я солдат, а судьба-то одна. Расколотят германцы нас, то и тебе будет солоно.

Рыжие глаза Николая понимающе улыбнулись.

И прапорщик Бережнов заказал новые погоны, мундир, стал уже полновластным командиром каввзвода, а не просто временно заменяющим выбывшего по ранению Колмыкова.

В одном из боев пересеклись фронтовые тропы Устина Бережнова и Валерия Шишканова. О, как различились эти люди! Люди одной долины, но разных судеб. Устин Бережнов в крестах и медалях, при золотом оружии за храбрость, легко спрыгнул с седла, пустил Коршуна пастись. А Шишканов был в грязной и измятой шинелишке, небрит, глаза запали и горели голодным блеском.

– Валерий Прокопьевич, как ты опустился! Ты похож не на солдата, а на бродягу, – подался назад Бережнов. – Можно и вошотой обрасти, – подал руку.

– Уже оброс. А ты будто на парад собрался. Рад гостю, пошли в наш окоп, познаешь, почем фунт лиха у пехотинца. Ты вылетел на коне вперёд, сабелькой вжик, вжик – и в отступ, а мы, пехота, серая кобылка, в деревнях не днюем, не ночуем. Наш дом – окоп, наш погост – тоже окоп. Спим в воде студёной, во вшах и голоде. Пошли, пошли, не бойся офицерские сапожки замочить, ваше благородие. Вошь, стерва, штука полезительная. Не заспишься. Голод тоже нам на руку, от него зло копится. Все сгодится. Ну, давай обнимемся. Рад тебя видеть в полном здравии и в геройстве, –

обнял Устина Шишканов. – Узнал я, как ты расхристал пристава с казаками. Еще тогда понял, что быть тебе героем.

Устин видел окопы, сиживал в них не раз, но то, что увидел здесь, ужаснуло. Солдаты бродили по колено в холодной воде, а на голову сыпал холодный осенний дождь попеременно со снегом. Спали на сырых досках. Все небриты, грязны, злы.

– Черт бы с ним, с грязью, вошотой, но ведь на винтовку по одной обойме. Попрёт германец, и отбиться нечем. Дожили. Война только началась, а уже воевать нечем.

– Валерий, какой тебя черт понес в эту коловерть, в это распустье? Ну и продолжал бы скрываться в тайге!

– Скрываться? От кого? От России, от своего народа? А кто меня научит воевать? Кто сделает народ злым, непримиримым к царю? Чтобы потом всю эту непримиримость выплеснуть в революцию, а царя и его приспешников – в грязь, в навоз. Как они нас – за борт истории. Нет, я, не будь войны, конечно, скрывался бы, ждал бы часа, чтобы поднять народ на революцию, и тот час пришел бы, но началась война – скрываться не могли. Одно – то, что Россию надо спасти, второе – учиться воевать, чтобы уж до конца спасти ее, матушку. Быть солдатом, солдатом своего народа – это сейчас главное. Народ остался без пастуха. С вашего позволения, мы будем теми пастухами. Генералы – это не пастухи, это мясники.

– Другим ты стал, понимающим, что ли, Валерий.

– Я не пошел искупать вину, которой у меня не было, ее свалили на меня ваши люди, но я зла на них не таю, они живы своим укладом, свой дом от меня защищали. Время покажет, кто был прав. А здесь мы сдюжим, должны сдюжить, – уверенно говорил Шишканов. Военную науку познаем и потом вместе с тобой перекрутим мир на другой лад. Или ты уже раздумал сделать мир иным?

– Трудно сказать, как все это будет, – пожал плечами Устин.

Подошел Коваль, молча пожал руку, поморгал белесыми ресницами, промычал:

– Вот и свиделись. Тьфу, какой дурак сунул меня в это пекло? Это всё ваши виноваты. Сволочи. И пошел я за этим полудурком, – покосился Коваль на Шишканова. – В эту грязь, вонь, кровь. Ненавижу, всех ненавижу! – хрипло бросил Коваль, лег на нары, завернулся в шинель.

– Как там у вас, еще не агитируют против войны? – спросил Шишканов.

– Пока нет. Да и трудно будет у нас вести агитацию, почти каждый пятый – кавалер Георгия. Появись большевик, то голову враз скрутят.

– У нас тоже не милуют, – свёртывая самокрутку за ветром и дождем, говорил Шишканов. – Но пора все же нам начинать.

– Так кто ты?

– Как кто? – удивился Шишканов. – Всё тот же больше-

вик-социалист. Выдашь? Нет, ты не выдашь. Потихоньку настраиваем народ, да и сам он ладно настраивается, поживя в этой мокрети. Глаза открываем: для кого выгодна эта война, кто ее затеял. Мужик наш на ухо туг, пока самого в темечко не клюнет. А клюнуло ладно. Вот и тебе бы надо говорить правду народу. Смотришь, и наши уссурийцы заколготились бы.

– Нет, Валерий, агитатор из меня худой. Да и царю я дал слово, что буду служить верой и правдой. А уж коли дал, то не изменю. Тебе посоветую быть осторожным. Лучше умереть от пули врага, чем быть убитым своими.

– Не насилую, ежели дал, так дал. Золото и кресты, знамо, почётны. Самый лучший агитатор – это война, наши окопы, наши поражения. Скоро и ты познаешь всю тягость. Уже познал? Тогда еще лучше, – чадил махрой Шишканов. – Запросишь мира, как пить дать, запросишь. Коваль уже запросил, хоть сегодня готов вернуться на каторгу. Даже ходил к нашему командиру, мол, я каторжник, по воле случая попал сюда, отправьте обратно на каторгу. Тот и ответил ему, мол, дурак ты, Коваль, фронт заменит тысячу каторг. Там тебя накормят, напоят, работу дадут, а здесь сам себе ищи пропитание, да еще и от пуль прячься. Я бы, говорит, всех каторжных сюда, на фронт, да в особые полки, скоро бы стали людьми, а не отбросами общества. Выгнал. Что пишут из дома?

– Там тоже не мир. Отец создал дружины, воюет с хунхузами, боле того, грозит теми дружинами порушить царский

престол, поставить в тайге таежную республику. Алексей Со-нин, мой тесть, тот предал анафеме царя и его двор, объявил войну войне. Путаются люди, потому что не знают всего, что делается на фронтах. Дружина и громада-армия. Смешно. Ополоумел старик.

– Может быть, и ополоумел. Но так ли уж? Если таких дру-жин будут тысячи, то трудно будет царю вести войну на два фронта, вот и закачается его трон. Только твой отец далёк от понимания, чего хочет народ и что он сделает. Ему подай свою таежную республику, но народ захочет иметь всю Рос-сию. А вообще, Устин, я поражаюсь стойкости наших солдат. Они, и только они сделают Россию новой, сильной. Дай на-шему солдату то, что есть у германца – он всю Европу про-шагает. Было чем воевать – сделали хороший бросок. Нет оружия – задохнулись.

Хотел спросить Устин о Груне, но сдержался. Может быть, что-то новое знал о ней Шишканов. Но чего зря душу бере-дить? И любовь та, путаная любовь, в этой неурядной войне ушла в глубь души, выветрилась в знобких и сырых ветрах. Саломка, и та вспоминается редко, редкие письма идут в её адрес.

Распрощались. Ушел Устин насупленный и злой на то, что в окопах сыро, на то, что Шишканов агитирует против войны, Россию, похоже, собрался продать германцу. Герма-нец-то не бросит винтовку, а будет лезть на рожон, пока сила есть. Но никому про задумки Шишканова не сказал, не след

герою быть доносчиком. Это удел трусливых и мелких людишек с поганой и мерзкой душонкой. Таких во все времена люди презирали и ненавидели, даже те, кому они служили верой и правдой.

На фронт привезли проституток, чтобы они позабавили милых русских офицериков. Устин только по рассказам слышал о бардаках, о ночных притонах, о девушках, которые за гроши продают свои тела. Поддался на уговоры Ивана Шибалова, пошел в походный бардак мадам Абрисиной. Была дикая пьянка, чужие поцелуи, чужое тело и пробуждение. Пробуждение с чужой женщиной под боком. На душе гадливое чувство, на губах брезгливая улыбка. Проснулась и женщина. В её глазах тоже отчуждение, но она старалась улыбаться, ведь это её работа, может быть, клиент передумает и еще останется на денёк, тем более что дивизия стояла на отдыхе. Устин поспешно одевался. Бросил несколько мятых пятерок на столик. Вышел.

Всходило солнце. Но утро не обрадовало Устину ни своей чистотой, ни погожестью. Он опустил голову и, стараясь не смотреть на других офицеров, что выходили из походного бардака, почти убежал в свой взвод. Но и здесь он встретился с отчужденными взглядами Ромашки и Туранова, других солдат. И так стало на душе муторно, что хоть стреляйся. Был бы бой, там бы отвел душу. Упал на кровать и, презирая себя, пытался уснуть. Но сон не шёл. Стало так мерзко, что застонал. Туранов положил руку на плечо, тихо сказал:

– Ну, будет казнить себя. Охолонь. Одно скажу, что не мужицкое это дело – ходить в бардаки, хоша ты и офицер. Но ты офицер-мужик. Переспать с бабой без любви – не дело. Хошь махонькая, да должна быть.

– Ладно, не уговаривай.

– Дворянам можно, они к такому делу привыкшие, а нам нельзя, потому душа не приемлет. Они в городах, а мы на земле, а землю надо брать чистыми руками, грязных она не примат. Не без того, что и наши мужики блудят, но опять же по любви. А за деньги – падальное дело.

– Внял, иди ты к чёрту, утешитель нашелся! Сам утешусь. Сам сварил, сам и проглочу эту гадость. Бр-р-р! Будто мертвечины наелся. И руки у нее были холодные, потные. Наверное, такое же холодное было тело. Плесни спирту, что-то неволю.

Выпил, приказал ординарцу Туранову трубить сбор: надо учить новобранцев. Много их прибыло в полк, во взводе Бережнова сейчас больше половины. Не обучи – с первого боя многих недосчитаешься. Сам прошёл, сам всё познал. И Устин учил, учил тому, что сам обрел в эти недели войны, учил зло, до седьмого пота.

– Солдат, который не умеет драться, а лишь машет руками, погибает в первом же бою. А тот, кто умеет, выживет, если судьба не перейдёт его тропинку. Воевать за Россию – это еще не значит умирать за неё. Дурак прётся напролом, умный и умелый солдат очертя голову не ринется в кучу, он сде-

лает так, чтобы больше врагов уничтожить, а самому живым остаться. Для России мертвый солдат – уже не солдат. Поэтому приказываю: учиться и учиться. Воевать по-суворовски, помнить его слова: «Тяжело в ученье – легко в бою».

Сам же читал много, читал ладно, познавал военную науку. Если в других взводах было относительное затишье, то во взводе Бережнова целыми днями звенели сабли, гремели выстрелы, неслись в «бой» кони. И там Устин, горячий, но видевший малейшую ошибку своих конников. И как-то скоро полюбили его новобранцы, поверили в свою бессмертность, силу. Видели, что с таким командиром не пропадешь. Осмелели.

Генерал Хахангдоков заметил командира. Знать, не ошибся царь, что произвел его в прапорщики. В первых же боях его взвод показал себя. Он был всегда впереди, в самой гуще боя. Казалось бы, здесь должны быть большие потери среди солдат, но нет: из взвода было убито пять и ранено десять. Другие же потеряли половину своего состава. И скоро взвод Бережнова, рота Шибалова окончательно перешли в распоряжение штаба дивизии разведчиками.

Здесь, в местах сражений, земля вздрагивала, земля жаждала мира, ведь, как говорил Арсё, «земля тоже люди», ей тоже больно, тоже страшно, что и её могут убить, как убивают человека или зверя. Огромный кусок земли умирал. Пустели поля, горели травы, леса...

А за тысячи верст, на берегах Восточного океана, земля цвела, земля жила. Шли по тайге побратимы, как все таежные люди, неторопливые, ибо знали: что им начертано, то от них не уйдет. Шли размеренным шагом – так можно больше увидеть, больше услышать. Спали у костров, но сон их был чуток: здесь тайга, а не сеновал в деревне. Опасность подстерегала со всех сторон. Ружья под руками. Уши настороже. Прослушивали опасливые шорохи и звуки: зверь ли пройдет – слышат, мышь ли прошуршит – тоже слышат.

А в ночи тишина, сторожкая и чуткая тишина. Так было во все века, так должно быть в тысячелетиях. По небу утлой лодочкой ныряет месяц: то ворвётся в тучи, то выскользнет из них, как парусник из тугой волны, плывёт и плывёт, загнув свои рожки, в бескрайнем небесном океане.

Притух костер. Свежо стало. Первым проснулся Журавушка. Арсё дремал. Ни свежесть, ни холод не заставили его подняться. Но он слышал, как ворочает сутунки²⁴ его друг. Приоткрыл глаза-щелочки, сопит плоским носом. Вот побегал огонь по ясеневым бревешкам, отпугнул тьму, весёлым потрескиванием разбудил тишину. Даже голосок ручья приутих. Он маленький, беспомощный, только родился из-под камней, ещё не обрёл голос и силу, лишь тихо журчит, торо-

²⁴ Сутунок – короткое толстое бревно, обрубок дерева.

пится стать большим. Но махонький, он уже может напоить, вселить своим голоском радость. А вода здесь вкусная, рожденная землей вода.

Журавушка зябко потянулся, зевнул, подошел к родничку, напился. Невольно вспомнились слова деда Михайло. «Вода – это кровь земли. Сколь долго люди будут беречь воду, так долго и будут жить. Умрет вода – умрет за ней земля, станет пустыней, тогда умрут и люди. Леса – это дых земли; не будет лесов и трав – человек задохнётся в своём же угаре». «А разве можно убить воду, тайгу?» – удивлённо-недоверчиво спросил Устин. «Всё можно убить: моря вычерпать, сердце земное отравить, леса вырубить, сжечь, сделать землю голым-голёшенькой. Я вам многожды говорил, как наша Земля мала, ещё раз скажу. Говорил о жадности и корыстности человеческой, ещё раз повторю. И пока не задумается человек, что Земля – это всего лишь лодчонка в мире Вселенском, не назовёт Землю храмом, до той поры он и будет её губить. Посмотрите на себя, на наших купцов, пристально посмотрите. Для них земля не храм, а место обогащения, для нас тоже земля не храм, а место наживы. Всё берём от земли полными горстями, а ей не даём ничего. Как бы ни была туго набита мошна, но и у той мошны есть дно. Так и земля. Передавал мне прохожий о руднике Бринера²⁵, будто

²⁵ Бринер Юлий Иванович (1849–1920) – крупный предприниматель и общественный деятель Владивостока, купец 1-й гильдии, почетный гражданин г. Владивостока. Владел транспортно-грузовой компанией «Бринер, Кузнецов и К°», которая позднее выросла в крупную торговую фирму – Торговый дом «Бринер

он речку отравой загадил, рыба мрёт. Он же передавал, что по морю бегут пароходы, кои своим дымом море травят. А ведь это только начало. Мы шли на кочах, счас люди ходят на пароходах, ездят по чугунке. Ежли счас сто пароходов, то скоро их будет тысяча. Это ваш век, вам и познать великое и страшное».

Журавушка задумался. Вспомнил слова деда Михайло о тишине: «Тишину создал Творец, чтобы в той тишине человек свою душу перетряхнул, подумал бы о себе, о земле, о людях. Ибо в шуме, колготе думать некогда. И придёт срок, побегут люди за тишиной, как жаждущий за водой. Ибо без тишины человек начнёт чахнуть, изнутри усыхать, душой стареть». «Дедушка, кто же может порушить эту тишину? – спросил Устин. – Здесь так тихо». «Человек, ибо его разум беспределен. Кто заставил бежать по морю пароходы, тот же заставит бегать их подобия по земле. И пропала тишина. Земля будет задыхаться от смрада и чада. Вы видели, что зверь бежит от шума, безгласна рыба тоже. Все за тишиной, все в тишину. Краток век человеческий, не каждому дано прожить сто пятьдесят лет и сохранить ясность ума, но и в этой краткости будьте мудры, учитесь распознавать будущее земли, народа. Есть пароход, есть паровоз, пока их ма-

и К°»; вел разработку свинцово-цинковых руд в Ольгинском уезде, участвовал в создании Акционерного горнопромышленного общества «Тетюхе»; занимался земельными операциями во Владивостоке, являлся акционером Уссурийского горнопромышленного акционерного общества, был пайщиком спичечной фабрики А. Суворова и др.

ло, но будут тысячи. Есть Бринер, пока рудник один, а будут тысячи, знать, тысячи речек и рек, а с ними и море, будут отравлены. Мы воевали стрелами и пищалями, счас будут воевать огромными пушками и винтовками. Где же взять тишину?»

Тишина. Журавушка попытался представить войну. Не получилось. Затревожился. Оказался прав дед Михайло. Пётр Лагутин писал, что есть такие снаряды, в которые засыпается столько пороху, что можно было бы зарядить много тысяч патронов. Где же быть там тишине?

– И побежит человек за тишиной, как жаждущий за водой, но не найдёт той тишины, не найдёт и мира, ибо разумное станет безумным, – проговорил вслух.

Журавушка задумался: что было непонятным вчера, то стало понятным сегодня, а что же будет завтра?.. Опять же вспомнились слова деда Михайло: «Творец, творя своё детище, не мог знать, как страшно оно. И всякий творящий не может знать, что выйдет из его творения. И пока не будет на земле мира, пока люди не станут братьями по делам и вере, до той поры не будет ладу в делах земных. А лад будет, когда будет одна вера, одни думы...»

Голубели сопки, дремала тайга. Не знал Журавушка своей судьбы. Не ведал и того, что он скоро будет рушить и убивать тишину...

От костра с шумом метнулся кабан, и что его притащило к костру? Ведь там, где горит одинокий костер, есть люди.

А люди могут убить его. Прогредел камнями, прошуршал листвою. Тишина.

Звери боятся людей, люди боятся людей. Тут и покажись Журавушке, что за выскорью²⁶ затаился хунхуз, навёл на него винтовку и сейчас выстрелит. Спиной его взгляд почуял. Круто обернулся, но там никого не было. Хотя нет, с выскори поднялась сова и бесшумно улетела за хмарь ельника.

– Арсё, ты спишь?

– Нет, тишину слушаю. Ты только о ней говорил. Спи. Сюда не заходят хунхузы, здесь не скоро порушат тишину. Плохие люди не ходят без троп. Они ищут тропы, чтобы убить, деньги забрать. Спи...

– Ты, Арсё, стал совсем как дед Михайло.

– Если проживу столько же, может быть, и стану. Но только Арсё читать не умеет, а дед Михайло всё умел: читал, рисовал людей и зверей, мог починить ружьё, человека вылечить. Арсё многое делать не умеет. Спи. У каждого человека своя тропа.

Восход был сер, хмурилась тайга, чернело небо. Скоро пошла изморось, туманы сели на вершины сопок и табунились на них. Начали сползать в распадки. Друзья напились чаю. Уходить от костра в эту сырость, промозглость не хотелось. Но и сидеть здесь – тоже не дело. Не сахарные, не размокнут. Пошли по звериной тропе. Скоро тропа оборвалась, рассосалась между деревьями, но через сотню шагов снова выныр-

²⁶ Выскорь – буреломное дерево, вывороченное с корнем.

нула из-за кустов, потянулась в сопку, упала в головокружительный распадок. Всё это говорило о том, что близок водораздел Сихотэ-Алиня. Отсюда, с его западных склонов, берут начало речки Амура, а с восточных стекают короткие речушки в море. У каждого своя тропа.

Обильно текла жёлудь с дубов, сочно шлёпалась по листе, траве. Рано созрела. А когда налетал ветерок, осыпая росы, она сыпалась пулемётным градом.

– Сытые будут звери. Хороший хлеб для них родили дубы, – радовался Арсё. Не ворчал, когда желуди больно били по плечам, лицу.

Охотники шли по тайге и читали её, как знакомую книгу. Вот на взлобке рылась чушка с поросятами. Они подняли весь взлобок, в поисках желудей, оставили глубокие порыти. Чуть ниже пасся барсук, искал червей и личинок. На огромной ели глубокие смоляные затёки, сюда много лет подряд приходили кабаны, чтобы почесать свои бока, набить на них мощную броню для боевых схваток за продолжение рода. В декабре будет гон. Вот их озерцо-купалище. Из него на больших прыжках только что ушёл секач, оставил след воды и грязи. А вот и медвежья работа: убил поросёнка, завалил его листвой и валежником, ждёт, когда протухнет.

– Медведь – одинаково человек, – произнёс Арсё. – Он всё ест, такой зверь никогда не пропадет в тайге.

Вылетел на скалу изюбр, боднул куст лещины, увидел людей и тут же метнулся прочь.

Маленькая кабарожка затаилась на зависшей берёзе, смотрит агатовыми глазами на людей: авось не увидят, авось пройдут. Слилась с желтовато-коричневой корой, не шелокнётся.

– Хитрая, как люди. Как могла подумать, что мы её не заметим? А?

– Живёт на авось, как и люди, – согласился Журавушка.

Кабарожка прыгнула с десятиметровой высоты, бросилась прочь.

– Так будет хорошо. Всегда надо делать так: беги, а то могут убить. Самец был. Пупок ушел.

– Наш пупок, Журавушка, не уйдёт.

Темный комочек кабарожки последний раз мелькнул за чащей и скрылся за гривкой сопки.

Черный дятел надсадно кричал своё извечное «пи-и-ить», звал дождь. А дождь шёл и шел, будто кто просеивал воду ситом. Крепчал ветер, раскачивал даже великаны-кедры. Охотники попробовали зайти в кедрачи, но там с двадцатиметровой высоты со свистом срывались шишки, каждая больше фунта весом, гулко стучали по земле. Такая шишка может и оглушить человека. Пришлось этот массив обойти стороной.

Скоро круто свернули к перевалу, полезли в сопку. А дождь дробил и дробил землю, рождая новые ручейки.

– Долго ли будет дождь? – ворчал Журавушка, мокрый от дождя и пота, посматривал на небо в надежде увидеть голубое озерцо.

– Желна просит пить, скоро дождя не будет. Это такая птица, которая всё делает наоборот. Слышишь, рябчики начали пересвистываться, птички гомонят, тучи стали светлее, – ответил Арсё.

Вышли на перевал. За сеткой дождя темнел горизонт, и там уже просматривалось чистое небо. Цепляясь за кусты и деревья, стали спускаться в глухой распадок, что разрезал сопку надвое.

– Вот мы и дома, – выдохнул Арсё.

Дождь почти прекратился. Журавушка осмотрелся. Невообразимое разнолесье окружало их. Над распадком высилась скала. Журавушка скользнул по ней взглядом и отвернулся, а Арсё, задумчиво глядя на скалу, заговорил:

– Скала – это радость и печаль людская. Почему радость и печаль? Пока ты молод, ты на любую скалу забежишь. С нее тайгу увидишь. А когда стар станешь, то только в думках можешь побывать на той скале. Скалы – это и память земная. Они всё знают, но пока молчат. В этой скале пещера есть, там очень давно жили люди, они оставили нам рисунки людей, зверей, а вот кто их нарисовал, не говорят. Может быть, когда-нибудь скажут. Там есть каменное лицо женщины. Первый раз увидел, чуть не умер от страха, думал, дух подземелья за мной пришел. Тинфур-Ламаза остановил. Убежал бы.

– Как понимать «в этой скале»? – спросил Журавушка.

– Когда увидишь, всё поймешь. Захочешь узнать тайну, но не узнаешь.

Справа, там, где косо обрывалась сопка в говорливый ключ, виднелся прилавок²⁷ с десятину²⁸. На прилавке росли кедры, березы, жестко шуршали меднистой листвой дубы.

Охотники продрались через заросли чертова дерева²⁹ и лианы лимонника, вышли в чистые кедрачи. Обошли их кромкой, очутились перед входом в пещеру. А вход тот закрывали елочки, стояли рядками, негусто – явно кем-то посаженные. Перед входом в пещеру была сложена кумирня³⁰ из серого камня. На приплечке лежали истлевшие тряпочки, окаменевшая лепёшка, ржавый берданочный патрон.

Арсё упал на колени и стал просить духа гор, чтобы он всегда был к нему и его побратиму милосерден, не карал бы бедных-пребедных охотников. Горячо убеждал своего бога Лапато³¹, что они не хунхузы, что у них не больше двух рубашек, что они пришли сюда делать добро и только добро.

Журавушка уже недурно понимал язык Арсё, в который вплетались китайские, корейские, удэгейские слова. Но большинство слов было ороческих.

Арсё продолжал:

– Мы никого не убили, никого не обманули, мы пришли

²⁷ Прилавок – площадка ступенчатого обрыва с относительно ровной поверхностью.

²⁸ Десятина – старая русская единица земельной площади. Применялось несколько разных размеров десятины, в том числе «казённая», равная 1,09 га.

²⁹ Чёртово дерево – аралия маньчжурская.

³⁰ Кумирня – небольшая языческая молежня.

³¹ Лапато (Лаобату) – дух гор, дух – хозяин охоты.

сюда, чтобы прополоть травы, пересадить молодые корни, сделать плантацию Тинфура-Ламазы ещё лучше и чище. Ты понимаешь меня? Спасибо, спасибо, что понимаешь.

Вошли в пещеру. В ней было сумрачно, но тепло и сухо. Сверху тянул легкий сквознячок. Под ногами хрустнули угли. Кто здесь жег костер? Скоро глаза привыкли к сумеркам. У костра лежала сухая трава, ветки пихты. Кто спал у все- сильного огня?

Арсё показал на полоску света, что шла сверху, сказал:

– Пошли наверх, туда дух гор прорубил ступеньки, чтобы люди могли подняться на вершину скалы.

Прошли немного. Арсё показал колодец, в котором тихо журчал ручеек. Поползли по узкому лазу. Стало чуть шире, начали подниматься по ступенькам. И вот они на самой вершине скалы, неприступной скалы. В разрывах туч мелькнуло солнце. В тайге стало светлее.

– Сюда не забежит даже кабарга.

– Да-а, место ладное, будь патроны, можно от тысячи хунхузов отбиться. Один у лаза в пещеру, другой наверху – и никто не сможет выкурить отсюда. Хорошо кто-то придумал.

– Кроме духа гор, такое придумать некому. Это он сделал пещеру, чтобы спасти самых добрых людей. Посмотри вон туда, там растет женьшень.

– Так близко? Давай сбегает, – заторопился Журавушка.

– Не надо торопиться. Вчера не спешили, не будем и сегодня спешить. Когда в душе зудится, то надо ее почесать.

Торопливый конь всегда первым падает на крутой горе. Пошли чай пить, сушиться, говорить и думать.

Вечер. В распадках затабунились новые туманы. Наступила тишина. Арсё долго к чему-то прислушивался, затем сказал:

– Улетела за солнцем квонгульчи, охранница наших корней. Когда мы здесь были с Тинфуром-Ламазой, слышали ее чистый голос. Она была послана сюда духом гор, чтобы охранять наши корни, уводить прочь злых людей.

Заглянула в пещеру первая звездочка, что низко висела над сопкой. Скоро выплывет месяц-ладья, чтобы своим призрачным светом подсветить в тайге. Обязательно выплывет, потому что небесные ладьи не боятся небесных штормов. Лишь для морских ладей шторм страшен. В пещере ровно горел костер. Его сполохи вырывались из зева пещеры, освещали гушару тайги, лапастые ели.

Сон, как всегда на новом месте, был чуток и тревожен. А ко всему мешали спать своим писком летучие мыши, которые изредка садились на головы.

– Твари, спать не дают! – ругался Журавушка.

– Нельзя ругать. Летучие мыши – это души летучих людей, с летучими думами, душами. Сегодня они здесь, а завтра уже в другой земле. У таких людей нет земли, нет родины. Вот умерли, а духи гор в наказание сделали их летучими мышами, чтобы они знали свою землю, свою родину. Прости их.

– Можно и простить неприкаянных, – усмехнулся Журавушка.

Наконец пришло утро. Тайга в росе, даже чуть устала от её обилия. А тут и солнце. В тайге птичий гомон, пересвист рябчиков. Ночь прошла, день пришёл. Вылетел бурундук из норки, проспал. Вскинул хвост трубой, цвиркнул, побежал в кедрач лущить шишку. Зима долгая, надо делать запасы. На ёлке вниз головой зависла белочка, пристально и настороженно смотрит на Журавушку, вышедшего из пещеры. Гуркнула и понеслась по вершинам, подруливая хвостом, прочь, в кедровник.

Напились чаю. Арсё поднялся и повел рукой в сторону кедрача:

– Сейчас ты увидишь нашу плантацию. После этого ты должен стать ещё чище, добрее, чем был до этого. А проснётся жадность, то гони ее прочь. Если потеряешь лицо, то Арсё тебе второе не даст.

– Хватит терзать меня, сказал, что всё будет хорошо, значит, так и будет. Память, видно, у тебя дырявая.

– Не память, а душа стала дырявой, людям перестаю верить. Жадные они. Злые они.

– Ты уже говорил это. Если не веришь, то зачем вёл меня сюда? Ты видишь, что я стал другим. Раньше во мне жило два человека, теперь живет один. И не баба Катя меня вылечила, а время. Оно большой лекарь. Кто, как не я, нонче половину добычи отдал солдаткам? То-то. А ты небось забыл

это сделать, пока я не сделал.

– Да, ты стал другим, но ты еще не Тинфур-Ламаза.

– Тинфур-Ламаза был человечище, а я просто человек.

– Но после того, как ты всё увидишь, ты должен стать похожим на Тинфура-Ламазу.

– Ладно, не пытай. Раз поверил, поверь и второй раз. Сейчас трудно жить без веры в человеков. А ты... Одни остались, даже Макара Сониная, своего летописца, не смог Бережнов отстоять от фронта. Вот тебе и указ о веротерпимости, о любви и дружбе. За всё это надо платить своей же кровью. Макар от горшка два вершка, а солдат. Не будь я болен и худосочен, быть бы и мне на одной нивке. Ты один бы остался, кому бы верил? Верь, не обману.

– В тайгу бы ушел. Но ради тебя здесь живу. Ты просто дурак, Журавушка, ведь я тебя больше всех люблю. А раз люблю, то хочу сделать из тебя Тинфура. Из меня Тинфур не получился.

Костер догорал, росы обсыхали, пора было заходить в тайгу.

– Еще раз говорю: от того, что увидишь, не сделайся жадным. Это может убить тебя и меня. Понимаешь?

– Пока ничего не понимаю. Но даю слово, что не буду жадным.

– Поймешь. Безродный мечтал о мраморном дворце в тайге, так там таких мраморных дворцов десять, а может быть, двадцать. Понял?

– Чуть понял, чуть нет. Пошли, – поднялся Журавушка.
Так же текла жёлудь, постукивали шишки.

Если Устин Бережнов, Пётр Лагутин, Федор Козин, повёрчивая на бездарность и тупость своих генералов, все же могли считать себя победителями, то Макар Сонин, Макар-летописец, судя по его записям, считал себя не только побежденным, но и обреченным. Обреченной на разгром считал и Россию. Он в своей замусоленной тетради записал: «И вышед мы 13 августа во след солнцу, дабы окружить и разбить германскую армию, разбить и пойти на Берлин, Вену. Захватить эти города, поставить германца на колени...»

Начальник германского Генерального штаба Мольтке, не ведая о записи этого тщедушного солдата, еще задолго до войны записал в своем дневнике: «Все успехи на Западном фронте ничего не будут стоить, если русские придут в Берлин...»

Макар же Сонин не знал всей обстановки на фронтах и, если бы он знал больше, чем слышал от штабных офицеров, наверное, свои бы мысли облёк в другую форму, но и то он записал: «При наших генералах, при нашей путанице нам не видать Берлина как своих ушей без зеркала. Ибо срамно слушать, видеть, как офицеры трусят от германцев. Самсонов, коий назывался командующим нашей армии, отдав один приказ, тут же его отменял, слал другой. Я устал уже развозить глупые приказы этого генерала от кавалерии (я при его

штабе связной как один из грамотных мужиков). Люди мотаются, люди теряются, в глазах офицеров тупость. И идем мы по диким местам, где нет почти дорог, а пески и болота. Тонут кони, пушки, есть нечего. А деревни здесь малы и бедны. Много не поживишься. Но и эти деревни мы объедаем дочиста, потому как на второй день похода остались без фуража для коней и едомы для людей. Голод, страх и безнадёга. И заметил я другое, что генерал Самсонов не знает своего штаба, кажись, он свалился с небеси и всех путает по именам, фамилиям. Боле того, он даже не знает, по какой дороге мы идем, куда идем. Эко безграмотен! А так мужик вроде бы неглуп. Правда, криклив, суматошен, так такое могло быть от этой неразберихи, даже паники, кою с трудом приходилось подавлять. Идём навстречу германцу и боимся того германца. Так зачем же идём? Ежли охотник боится медведей, то он на них и не ходит. То по плечу только смелому...»

Многого не знал Макар, делал свои записи из личных наблюдений, но видел, что игроки, сделав первый ход, боялись сделать другой. Однако понимал, что наступление началось без всякой подготовки как армии, так и тыла. Не было связи, не хватало проводов, часто сообщения передавались по радио открытым текстом, что давало германцам возможность маневрировать, зная, где какая армия находится и что она должна предпринять.

Командующий фронтом в своих открытых телеграммах торопил Самсонова, чтобы он быстрее замыкал клещи. Но

Самсонов подозревал, что значительная часть германских войск ушла далеко от Ренненкампа и сосредотачивается не у правого (восточного), а у левого (западного) фланга Второй армии. В свою очередь, генерал Ренненкампа тоже путался в обстановке, не знал положения в германской армии, не знал и того, что его противник Притвиц, до медвежьей болезни боящийся русских, готовый в любую минуту сигануть за Вислу, тоже отдавал приказы один противоречивее другого.

Будь расторопнее и смелее Ренненкампа, то после первого сражения и бегства германцев он не лег бы спать, а бросился в погоню, чем немало бы помог Самсонову, угнал бы противника за Вислу.

Макар Сонин записал: «Поговаривают, что генералы Самсонов и Ренненкампа сильно ненавидят друг друга. Будто Самсонов дал затрещину Ренненкампу еще в русско-японскую войну за трусость. Вызвал на дуэль, но Ренненкампа будто бы отказался от дуэли. Случись беда, то этот генерал-немец не бросится спасать нас. А этот дурак Жилинский гонит и гонит нас вперед, будто торопится увидеть конец нашей армии. Чует моё сердце, что он будет. Мы должны взять в клещи восьмую армию Притвица, но не взяли бы они нас в шоры. Мы даже не знаем, как и что творится впереди нас. Носимся, замотали своих лошадей, нет разведки. Ходит слух, что, похоже, солдаты знают дела лучше генералов, что будто трусишку Притвица сменит генерал Гинденбург. Воя-

ка старый, был в отставке, старичок, но будто не дурак. Самсонов явно трусит этого старичка. Боле того, я заметил, что Самсонову зряшно дали в руки армию, ему бы хватило командовать дивизией, не больше. По уму и размах. А ума у Самсонова едва хватит на дивизию. Путаётся в своих же ногах. Быть беде. Тридцать дивизий дали этому недоучке вместо одной. Пропали мы...»

Безумцы вконец запутались в этой игре. Командующий 2-й армией генерал Самсонов из-за неверной информации о ситуации принял ошибочное решение, командующий Северо-Западного фронта Жилинский давал ложную информацию, мол, немцы отступили, впереди остался лишь слабый заслон. Самсонов должен был пресечь отступление германцев к Висле, отрезать и разгромить.

Ренненкампф потерял противника 25 августа, не произвел разведку и пошёл в наступление совсем в другом направлении, что было похоже на игру в жмурки. Германцы из радиogramм узнали, что Ренненкампф пока не в состоянии прийти на помощь Самсонову раньше, чем через день-другой. Это была великая удача для генерала Гинденбурга и его начальника штаба Людендорфа. Можно было смело бросить восьмую армию на Самсонова. И бросили.

Макар записал: «Так, наверно, начнётся конец мира. Так, наверно, было во времена вавилонского столпотворения. Людей охватило безумство. Люди перестали понимать друг друга. Генералы вконец запутались. 26 августа начались бои.

Никто не знал, где главные силы противника. Если одна дивизия ушла вперед, то отставшая доносила, что враг сзади или слева, что вступили с ним в бой. Терпим поражение. Шестой корпус, куда я чаще отвозил приказы Самсонова, был с нашей помощью сбит с толку. Он начал отступать. Отступить панически, в беспорядке. На дорогах всё перепуталось. Я впервые летел в тот корпус на железном коне. Встретил генерала Ключева, передал приказ Самсонова, тот прочитал приказ вслух, что ему надо бросать занятый им Алленштайн и бежать на помощь генералу Мартосу. Место же Ключева займёт сосед справа. Мешанина. Вернулся в штаб. Мимо нас бежала разбитая дивизия двадцать третьего корпуса. В штабе началась паника, будто следом идут уланы, всех порубят. Солдаты были грязны, измучены. Три дня маковой росинки во рту не было. Не подошел обоз. В таком же положении был славный первый корпус, но там солдаты стояли насмерть. Против них дрался германский генерал Франсуа, о котором наши говорили, что он дерзок, смел и не всегда слушает свое командование. Действует согласно обстановке, ибо ему виднее, чем штабу. Но 27 августа бежал и первый корпус, не выдержав голода и превосходящих сил противника, бежал от дождя снарядов. Нам же нечем было отвечать на вражескую канонаду. Ушло меньше половины. Остальные остались погибать на поле боя. Хотя еще дрались тринадцатый и пятнадцатый корпуса. Но уже без команды со штаба. Тем более, что генерал Самсонов бросил штаб и ускакал на фронт, будто

он снова командир дивизии. И мы начали отступать. Оставили корпуса Клюева и Мартоса на съедение германцам. Это был разгром...»

Отступление было ужасающим. Генерал Самсонов, опалённый порохом, вернулся. Штаб отступал ночью. Чтобы не потеряться, брались за руки и шли, шли к своей границе, шли в Россию. Шли, не зная точного ориентира. Макар Сонин выводил штаб, выводил чутьем охотника. Генералы доверились мужику. В полночь был устроен короткий отдых. Кто дремал, кто проклинал бездарность Жилинского. Молчал Самсонов. Кажется, все задремали. Не спал лишь Макар, слушал: то здесь, то там – перестрелка, это окруженные солдаты, до последнего патрона отбиваясь от немцев, тоже пробивались в границе. Макар заметил, как начал осторожно отползать генерал Самсонов, хотел было окликнуть генерала, но промолчал, ведь не след солдату указывать генералу, как быть и что делать. Может быть, он решил пойти к солдатам, чтобы вывести их из окружения. Скоро за соснами прозвучал выстрел. Кто-то поднял голову и ровно сказал:

– Царство ему небесное, почил в бозе, бездарь старая!

– Приказываю найти труп генерала, вынести к границе! – прогремел кто-то из штабных.

Офицеры и солдаты пошли искать самоубийцу. Макар сразу же нашёл труп. Тронул остывающее тело, тихо отошел в сторону. Труп не нашли. Не нашли потому, что того не захотел Макар. Не заслужил генерал Самсонов такой почести,

да и найди его, то самим придется волочить до границы, но где она, сколько еще до нее, никто не знал. А потом, в Макаровой братии самоубийц хоронили на конском кладбище, как падаль.

А выстрелы гремели и гремели, будили ночь. Победители тоже несли тяжелые потери. Устрашённые стойкостью и мужеством русских солдат, тоже усталые, при одном слове «казаки» германцы, казалось, готовы были хватать одежду и бежать голяком вплоть до Берлина. Но как бы там ни было, германцы сломали одну клешню – генерала Самсонова. Теперь устремились, чтобы сломать другую. Ренненкампф после сражения у Мазурских озер бросил свою армию и вместе со штабом бежал к русской границе. Таким образом, две армии были уничтожены как физически, так и морально. Германские генералы могли торжествовать победу. Какой ценой она была добыта, победителей не спрашивают.

Макар Сонин вывел самсоновский штаб к границе. Их встретили казаки. Можно было передохнуть, погреться на солнце. Макар упал на траву и расслабил тело. О нем тут же забыли, забыли того, кто был поводырем у этих людей. Всё правильно, неважно, кто вывел, важно, что жив штаб, генералы, их благородия. И не только забыли, даже постарались навсегда отделаться от этого солдата, чтобы он своим присутствием не напоминал об их трусости, о тех слезах, мольбах, руках, что тянулись к этому маленькому, щупленькому солдатику, чтобы он вывел их, чтобы он спас их. Макар по-

лучил назначение в другую дивизию, стал рядовым пехотинцем. Сидя в окопе, писал: «Нет и не было у наших генералов мудрости и разума. Охлял их разум от безделья. Пропала мужицкая хватка. Ежели бы нашим мужикам дать грамотёшку, то они давно бы переплюнули всех генералов: храбрости не занимать стать, ума тоже. Они, лапотные, брали на себя команду, дрались за Россию. Но дрались уже без веры в генералов и в свое спасение. Солдат перестает быть солдатом, когда видит трусость командира.

Теперь можно и описать, как это было. До се вижу эти вылезшие из глазниц мутные, чужие, безумные глаза. Глаза солдат, глаза генералов. И люд бежал, человеки топтали челоуеков. Бежали по трупам, бежали по раненым, бежали по живым. Всех охватило безумство. Даже кони, видя безумство людей, тоже обезумели. Несли разбитые повозки, волочили за собой пушки, убитых, чьи ноги застряли в стремянах. Солдат, коего бог лишил ума, лез на сосну, будто там мог найти спасение. Офицер, у него тоже бог отнял ум, сидел на дороге и молился небу. Но на него налетела повозка, доверху набитая солдатами, смяла офицера. Убит. Это и был Содом и Гоморра, когда бог отнял у людей разум, вселил страх. Бежали люди, бросали дорогое оружие, бежали спасти живот свой. Нет веры в победу – пропала армия. Нет веры во властителей – пропал народ, пропало государство.

Отняли ту веру и у меня; веру в генералов, веру в царя, даже чуть в бога. Да простит он мне мои согрешения. Был

Вавилон, зачем же творить другой?»»

Волчица была молода, с первой охоты хотела повести волчат на кабанов, но Черный Дьявол повел их мышковать. Мышь – тоже мясо. Дьявол показал, волчата начали охоту. Гонялись за юркими мышами, но дело не шло. Наконец поймал мышь светло-серый волчонок. Начал есть. Дьявол же не обращал внимания на волчат, продолжал сам мышковать, кормиться. Хотя рядом, на сопке, а это слышал Черный Дьявол, паслась чушка с поросятами. Не трогал. Эти от него не уйдут. Есть мышь, можно и ею прокормиться, научить волчат жить на малых зверьках. Тайга, а в тайге может случиться всякое.

Второй волчонок придавил-таки лапами мышь. Схватил пастью, не жуя, проглотил, облизнулся. Поймал еще. У других волчат дело не шло. Они повизгивали от голода и азарта, один из волчат даже бросился на удачника, чтобы сорвать на нём зло за свои неудачи, но тут же был отброшен Черным Дьяволом. Мыши шуршали листвой, мыши уходили в свои норки. Волчата понимали, что сегодня они не получают еды, если сами не наедятся. Как-то враз подтянулись, уже без прежней щенячьей суетливости начали охоту. Скоро наловчились, начали шустро ловить мышей.

Осенью ожиревшие на кедровых орехах мыши были вкусны и аппетитны. И так день, второй, третий, десятый... Вол-

чата скоро стали суше, поджарее. В их взглядах и движениях появилась определенная независимость. Они уже без страха отходили от волчицы и Черного Дьявола на большие расстояния, чтобы в одиночку, без помех со стороны собратьев, всласть помышковать.

Мимо проходил табунок кабанов. Там были поросята. Волчонок, который мышковал на взлобке, заметил кабанов, припал к земле, пополз к ним. Кабаны начали пастись. Резвились поросята. Прыжок – и поросёнок забился в зубах волчонка. На визг рванулся секач. Волчонок увлечённо давил добычу. Удар страшных клыков отбросил его под сопку с вывороченными внутренностями, раздробленными костями. Табун сорвался с места и ушёл за речку.

Черный Дьявол потоптался около убитого волчонка, повёл выводок в логово. Один наказан, убит за свое неумение. Черный Дьявол рыкнул на волчат, те упали на спины и подняли лапки, показывая свою покорность – без его разрешения не будут нападать на кабанов.

Оставив волчат в засаде, пошли с волчицей в загон. Взяли шильника-изюбра³², погнали на волчат. Волчата замерли под сопкой. На них накатывалось короткое подвывание. Насторожились, готовые налететь на добычу, но прозевали. Изюбр прошел мимо, прыгнуть не успели. Черный Дьявол погнал его по второму кругу, снова заворачивая зверя на волчат. Те-

³² Шильник – молодой самец копытных с рогами-шилами, то есть рогами без отростков.

перь он бежал медленнее, запалился, вывалился язык. Волчата прыгнули на изюбра, сбили его с ног и начали шумно и бестолково давить. Протяжный крик завис над тайгой. Подбежали Дьявол и волчица, но не стали помогать мальчикам, а стояли в стороне в ожидании, когда будет убит изюбр. Крик умирающего оборвался.

Дьявол подошел к добыче. Но на него враз оскалили острые зубы волчата, мол, наша добыча, потому не трогай. Дьявол знал, как бывают неблагодарны волки, не удивился, но решил дать урок, чтобы слабые умели почитать сильных. Задал трепку, и скоро все волчата лежали на земле, покорились сильному. Сдались на милость победителя.

Дьявол знал, что, не сделай он этого, волчата скоро взяли бы верх, перестали бы почитать родителей. Сейчас первыми ели Черный Дьявол и волчица. Наелись, отошли в сторону, представили добычу главным добытчикам. Хотя в этой охоте участниками были все.

Черный Дьявол навсегда проложил борозду между собой и волчатами. Да, добывать они будут вместе, но никогда не будут вместе есть. Право сильного. Но если когда-то Черный Дьявол ослабнет, то вон тот светло-серый волчонок не простит ему этой трепки, этого унижения. Этот ринется в бой и будет драться до последнего издыхания. А потом сожрет Черного Дьявола. Пока же Дьявол был в расцвете сил, и подобная участь ему не грозила. Значит, волчонок должен уйти либо затаиться и ждать той минуты, когда заматерее и по-

пытается отнять у Дьявола первенство. Значит, война. Звериная, скрытая война.

Устин Бережнов лежал в жухлых травах. Утихли дожди, потеплело. Пристально смотрел на звезды. А ночь была небывало тихой. Разве что прогремит где-то заполошный выстрел, татакнет пулемет, взовьется в небо ракета, застонет от тоски и боли солдат – и снова тишина. Значит, и на войне не каждую минуту воюют, не каждую минуту грохочут выстрелы, бегут в бой солдаты. Здесь тоже бывает тишина. Относительная тишина. И еще здесь звезды мельче, тусклее, чем в далекой родной тайге. Там они крупные, сочные, яркие и, если так можно сказать, добрые. Может быть, там другие поля, где растут эти звёзды? Наверное, всё же другие. Здесь звезды блёклые и усталые, как и все солдаты, как и вся эта никчёмная и усталая война. А Млечный Путь – небесная река – тёк и тёк, образуя старицы, озера, протоки; тек, как все реки мира.

Устин Бережнов вздохнул, поправил под головой седло. Фыркнул его боевой конь Коршун, что пасся рядом. Вздохнул и Пётр Лагутин. А Федор Козин вдруг всхлипнул, сел, зло и надрывно заговорил:

– Скажи, Устин, пошто я каждую минуту должен дрожать, думать о смерти, и только о смерти? На кой ляд мне эта война? Зачем мне совать свою голову в это пекло? Мне, тебе, Петру? Пусть бы подрались на кулачках наш царь и ихний

кайзер.

– Это я уже от многих слышу. Не ново. А потом, наш царь хлипок. Не устоит перед кайзером, знать, нам придется ввязываться апосля. Так уж лучше сразу, так вернее, так сподручнее. А война, и верно, ни тебе, ни нам с Петром не нужна. Мы без нее ладно жили, на чужие земли не зарились. А что делать, ежели они первыми объявили эту войну? Границы открыты – идите, мол, берите нас голыми руками. Мол, мы готовы жить под вашим гнётом, потому как вы самая образованная, самая культурная и высшая нация на земле. Плохи наши командиры, кои не объясняют всех тонкостей этой войны.

– Объясни ты.

– Объясню. Германцы хотели бы сделать Россию своей колонией, чтобы она никогда не стала культурной страной, а оставалась бы на веки вечные лапотной и забытой богом Россией. Я понимаю всю бездарность этой войны, но не воевать против германцев мы не можем. Эта самая культурная страна, эти самые культурные люди прошли с мечом и огнем по Бельгии, сожгли ее и разграбили. Нам вчера Иван Шибалов рассказывал про город Лувэн. Это один из стариннейших городов мира, который основали пятьсот лет назад, когда Берлин был захудалой деревней. Там были построены уникальные соборы, университет, была большая средневековая библиотека. Там люди оставили в своих рисунках, фресках великую память о своем мастерстве. И сожгли тот город лишь

за то, что кто-то прокричал: «Французы, англичане!», увидев взбесившуюся лошадь на улице. Германские солдаты идут по Бельгии, берут заложников, расстреливают, убивают, сжигают, тем самым устрашают бельгийцев. Увозят бельгийцев к себе на работу. А Бельгия была нейтральной страной. Все похерили культурные германцы: и нейтралитет, и лицо человеческое. Они будут делать то же, ежели придут к нам. И делают, и будут делать, и в то же время устрашать доверчивых тем, что варвары и звери – это мы, русские. А кого мы ограбили, кого мы понапрасну убили? Никого. И то устрашение выходит германцам боком. Весь народ Бельгии поднимается против нашествия германских варваров, убийц. Потому нам надо воевать честно, воевать за свою Россию, за счастье своего народа.

– Но разве это война, когда на орудие всего десятков снарядов? – простонал Пётр Лагутин.

– Это другой сказ. Я никому не поверю, будто наши генералы не знали, что германцы начнут войну с Россией. Все знали, только недосуг им было мозгами пошевелить и во всю силу готовиться к войне. Нас готовить, оружие готовить. С нашим-то народом, с нашими силами можно было бы давно сокрушить врага. А мы топчемся на месте. Чуть подались – и тут же застряли. Того нет, это не подошло... Чаще простые офицеры поправляют мудрых-премудрых генералов. Германцы готовились, десятки лет накапливали оружие и провиант. Дороги строили. А мы...

Не договорил, замолчал. Молчали и его друзья.

– Сильно изменился ты, Устин, – заговорил Пётр Лагутин. – Поумнел аль, может, наоборот. Заласкал, видно, тебя царь, замиловал. А ты послушай, о чем заговорил народ. Пусть пока тихо, но уже заговорил, мол, кончать надо с войной, штыки в землю и по домам. Ведь главная сила в нас, в серой кобылке, а не в таких героях, как ты. У тебя уже три креста, а у нас с Федором еще и медалешек нету. Не завидую, но сила не в вас, а в нас.

– Значит, впустию я вам говорил. «Штыки в землю»... – иронически протянул Устин. – Германцам – Россию? Глупыши. Другой сказ, что нам надо требовать мира от царя, а германцам – мира от кайзера. Но германцы – люди самодовольные: пока упиваются победами, мира не запросят. Вот собьём с них спесь, то, может быть, и заговорят о мире. Потому хватит, Петыша, себя нудить³³, и меня тоже. Тебе тревожно, мне тревожно.

– Социалисты говорят, что надо кончать войну, – прошептал Федор Козин, будто сказал жуткую крамолу.

– А кто против этого? Я – за. Но штыки в землю – это предать себя и свой народ. Так может говорить только предатель.

– Ещё не знамо, кто предатель. Предатели – наши генералы, вот кто. А может быть, и сам царь. Хоть и говорят,

³³ Нудить – надоедливо, назойливо, однообразно говорить о чем-либо, надоедать, докучать.

что царица не любит Вильгельма, но сама-то она германских кровей.

– Знаешь, побратим, нам многое неведомо. Но одно тебе скажу, что такие генералы, как Брусилов, Хахангдоков, никогда не были и не будут предателями России. Это русские люди до самой малой кровинки.

– Царь будто тоже полукровка, значит, он без русских мозгов? – усмехнулся побратим.

– Может быть, Петыша, все может быть. Будь у него русские мозги, то война могла бы быть другой...

Не договорили друзья о делах военных: забрезжил рассвет, тишину раздробил взрыв снаряда. Она тут же раскололась, раскрошилась и убежала в степь, за степь. Немцы и австрийцы начали артобстрел.

– Прощай, Устин, побежали и мы на свою батарею, хоша и стрелять нечем, но все же должны быть при орудиях! – прокричал Пётр Лагутин, и они с Федором Козиным затрусили на батарею.

Артобстрел нарастал. Русские пушки отвечали редкими залпами и чем-то напоминали человека, оглушённого криками, боящегося заговорить во весь голос. Устин спешил в свою сотню. Теперь он командир сотни, казачьей сотни, вся «дикая дивизия» стала казачьей. Да и трудно уже было разобратить, кто настоящий казак из казачьего сословия, а кто простой мужик. Война всех перемешала.

Артобстрел неожиданно оборвался. Через нейтральную

полосу хлынули германские уланы, драгуны, кирасиры, пехота. Конники уже вошли в боевое соприкосновение с русскими, рубили пехотинцев, что в панике бежали в степь. Но германскую пехоту наши батарейцы все же заставили залечь. Расходуя последние снаряды, они осыпали ее шрапнелью, картечью.

Опоздал командир Бережнов. Его сотня уже в бою. Взял на себя команду прапорщик Колмыков. Колмыков, и только Колмыков, имел право командовать сотней, но генерал Хахангдоков рассудил по-своему: назначил командиром сотни подпоручика Бережнова, Колмыкова – его заместителем, даже в звании не повысил, памятуя его трусость.

Устин не стал вмешиваться в дела Колмыкова – некогда, и, как рядовой, врубился в ряды германских конников. Пробивался к своим, к Туранову, Ромашке, Шевченку. Но центр ширяевского полка дрогнул, вогнулся, а через несколько минут покотился к спасительному лесу. Лишь правый фланг батальона Ивана Шибалова продолжал бой. Таяли ряды казахи...

Русская пехота тоже отступила, не приняла рукопашной. Хотя русские штыки куда лучше германских, легко входят в тело, не гнутся, как германские, похожие на большие кухонные ножи.

Батальон Шибалова с боем отступал. Ранен Шибалов, командование принял на себя Бережнов. Пала лошадь под Колмыковым. Бережнов чертом носился среди своих, рубил,

стрелял, зычным голосом подбадривал. Но все это глушил звон сабель, выстрелы, крики, предсмертное ржание коней. Ведь кони тоже чувствуют смерть и не хотят умирать. Австро-венгры, германцы взяли в кольцо батальон Шибалова. Не пробиться. Не пробиться – значит умереть. Умереть... Гибель батальона предрешена. Он лишь сдерживает натиск, рубится и стреляет. Да и нет уже его, осталась горсточка смельчаков и умельцев воевать, боевых умельцев...

И вдруг из леса раздалось грозное «ура!». Нет, это шли на помощь не казаки, это шла серая пехота, та, что бежала, и еще чья-то свежая рота – взьерошенная, штыки наперевес. Под ногами хрупает ковыль, горькая степная трава. Шли молча, пригнувшись. Шла лавина, сметая со своего пути германскую пехоту. Нацелилась на кавалерию. Пехота против кавалерии – смешно. Нет, не смешно. Германцы дрогнули, распалось кольцо, покатались от серой завшивленной пехоты. И вот тот, кто шёл впереди и вёл пехоту, картинно взмахнул стеком, первые ряды упали на колени, дали залп. Перебежка, снова взмах стека, ещё один залп.

Устин хотел было бросить остатки батальона вслед уходящим германским конникам, но устало опустил саблю, остановил Коршуна.

Пехотинцы ворвались в свои же окопы, штыками выбивали уже засевших там германцев. А командир стоял на бровке окопа и стрелял в убегающих.

Устин чуть подался назад. Боже мой, неужели командир,

что спас их от полного разгрома, это Зосим Тарабанов? Протёр глаза, которые, кажется, слиплись от крови. Откуда здесь этот малыш? Мало малыша, так трусишка, убийца. Будто в гости пришел: отглажен, выбрит, в уголке губ папироса.

Подошел Тарабанов, на губах усмешка, змеистая, но незлая. Протянул руку:

– Здравствуй, Устин. Не узнал земляка?

От перелеска, настегивая коней, катилась немецкая конница. Ее преследовали ширяевцы. Поменялись местами.

– Рота, заряжай! Пли!

Выстрелы в упор, выстрелы насмерть, пули рвали тела, вырывали клочки одежды. Залп тарабановцев разрешил ряды конницы. Второй, третий, десятый... Ушли.

– Вот и отбились.

– А ты стал смелым, – устало улыбнулся Устин.

– Кто побывал в армии Самсонова да повидал те ужасы, тому это кажется игрой в жизнь и смерть, чёт-нечет. Как тут живы?

– Пощипываем друг друга. Сколько полегло! Хорошие были парни.

– Ты жив, а о других не пекись. Я спас тебя за твою доброту. Помнишь, вы меня спасли от кабана? Не забыл. А плохое забудь, жил по приказу отца, как солдат, как пешка в руках генералов. Дурной, жадный, злой был человек. А все же жаль. Могли его ваши старики отпустить на все четыре стороны...

– Он бы в другом месте убивал.

– Может быть, и так, но всё же червь зла точит душу.

– Где жил?

– В Спасске, потом подался в Иркутск, там открыл торговлю. Ладно зажили с бабой. Война. Ушёл добровольцем. Попал к Самсонову, были биты. Вывел роту из окружения после нескольких дней боев. Вывел двадцать человек, а была рота. Потом школа прапоров. А ты весь в крестах. Завидно, – закончил Зосим.

– Больше в крови, чем в крестах, – сползая с Коршуна, проговорил Устин.

Генерал Хахангдоков, как на мальчишку, орал на подполковника Ширяева:

– Уехать в тыл, чтобы играть в карты! Бросить полк! Под суд отдам!

Ширяев уныло молчал. В общем-то, его любили казаки-кавалеристы. Он всегда был в бою, а тут без него растрепали полк.

– Все бежали, лишь казаки поручика Шибалова не дрогнули. Где Шибалов?

– Ранен.

– Кто командовал батальоном?

– Устин Бережнов.

– Эко чёрт! Он, право, рожден для войны. К солдатскому Георгию представить, к золотому кресту. Скажи честно, подполковник, если бы дать полк Бережнову, он бы справился

с такой поклажей?

– Мог бы и справиться. Но батальон – это точно. Шибалов будет валяться в госпитале недолго, рана неопасная; пусть пока батальоном командует Бережнов. Всё равно некого назначать на это место.

– Хорошо, – уже спокойнее заговорил генерал. – Позовите ко мне этого прапорщика, который спас от гибели остатки батальона, завернул австрийцев.

Тарабанов, печатая шаг, вошел в блиндаж. Козырнул, представился.

– Эко мал, но удал. Не подумал бы, что в таком теле живёт такая смелая душа. Георгия заслужил. Солдат, настоящий солдат, – чётко, будто рубил, говорил генерал Хаханг-доков. – Спасибо!

– Рад стараться, ваше превосходительство!

– Вы свободны, господин прапорщик! До свидания! – пожал руку смелому командиру генерал.

– Да, забыл, Бережнова надо направить в Петроград. Его высочество хотел бы пополнить полк георгиевских кавалеров.

– Нельзя, ваше превосходительство. Я готов направить туда Шевченка, Ромашку, Туранова. Один вахмистр, два рядовых. Но Бережнова не могу.

– Хорошо, подбери кого хочешь, но двух-трех из нашей дивизии надо отправить. Прощай! Но смотри у меня, – погрозил генерал, – ещё срыв – и под суд. Мало осталось ста-

рых командиров. Лысеем, можно сказать. Прощай!

Побратимы, будто и не было войны, пришли на плантацию. Журавушка не копал раньше дорогих корней, но, когда увидел женьшень, сказал:

– А ведь такую траву я видел много раз. Даже видел такие же посадки по Польшихе.

Всё похоже, сомнений нет. Те же пятипалые листья, наверху тонкого стебля венчик красных ягод.

– Как у тебя душа? Не проснулась ещё жадность?

– Ты снова за свое, Арсё? Я тебе дал слово, чего же еще пытаешь! Могу и обидеться. Да и для того чтобы быть богатым, Арсё, надо быть неленивым. А я ленив. Богатому надо думать много, работать много, а я не хочу. Мне хватит и того, что я сыт и одет, могу всегда уйти на охоту. А буду богатый, то не до охоты. Прощай, воля! Но я отсюда бы взял несколько корней, чтобы чуть помочь солдаткам нашим. Ить многие бедуют, я те дам!

– Возьмём. Обязательно возьмём. А если ещё найдём твою плантацию, то и те выкопаем, всё отдадим твоим солдаткам. Добреть ты стал. Это хорошо. Ты был на хуторе Силова? Нет? И не ходи. Там не живут люди, а маются, потому как дед Силов каждого чуть ли не палкой гоняет. Не пойму, чего он хочет? Ведь всех денег с собой в могилу не заберёшь.

– Это так, – говорил Журавушка, поглаживая красные

ягоды женьшеня, – но я слышал другое, что Силов радеет не ради живота своего, а ради Расеи. Мол, не хочет умирать в беславии и безвестности, как наш Степан Бережнов. Хочет стать бессмертным. А его нет, нет того бессмертия. Баба Катя тоже это говорит. Но когда я спросил ее, а есть ли бог, она ответила, мол, не видела. А если и есть, то тому богу нет дела до людей. Война – это не божий промысел, а промысел злых людей. Будь бог, то не допустил бы войны.

– Не права баба Катя, хоть я и люблю ее. Разве этот корень не бессмертен? Человек умер – стал этой травой, этим корнем.

– Слышал уже, пустое всё это. Я одно понял, что все народы хоть как-то хотят себя обессмертить. Ты души переселяешь в травы и деревья, наши – в потусторонний мир. Всем страшно, что ты превратишься в ничто. – Журавушка сгреб горсть земли, высыпал на грядку. – Вот в это, в горсть земли. Этим станем ты, я, наши побратимы. Страшно, но к этому надо привыкать. И жить так, чтобы душу свою оставить в душах людей, как это сделал Тинфур-Ламаза, а не искать для своей души место в раю, аду аль в диких травах. В людях надо себя искать. Может быть, правильно делает тот же Силов, что радеет для Расеи, если только это идет от души, а не от жадности.

Арсё удивленно смотрел на побратима, так же удивленно молчал. Вздыхнул и сказал:

– Ох ты! Ты стал таким же великим, каким был Тин-

фур-Ламаза, а я тебе не верил. Прости, побратим, буду всегда и везде верить.

– Спаси Христос на добром слове. Не пришибёшь, ежели что... Наше бессмертие в добре нашем – так нас учил дед Михайло. Не верилось. Годы заставили поверить.

– А я верю, если я буду делать добро, то я стану корнем женьшеня, – мотал головой Арсё. Оглушил его своей правдой Журавушка.

– Верь не верь, а как оно будет... Если послушать тебя, то корней бы не убывало в тайге, а манзы уже стали жаловаться, что корней стало меньше, не еловых, конечно, а женьшеневых.

– Значит, добрых людей стало меньше.

– Неправда. Добрых людей на земле всегда больше, чем злых. Не успели в точности спросить деда Михайло о бессмертии, уж он-то бы ответил. Но чую душой, что такие люди только могут быть бессмертными, о которых часто говорят и вспоминают. Все, кто рвался через богатство в бессмертие, давно уже забыты. Тот же Безродный со своим мраморным дворцом, тот же Тарабанов. Кое-кого то же ждёт. Из земли взят – в неё и пойдёшь. Другой сказ, что оставишь земле? Что оставишь людям? А эти корни будут здесь расти для большой людской беды. Очень большой. Малые мы сами отведём.

– Ты стал добр, как Макар Булавин. Но он шёл не по той тропе. Мы найдём другую, помогать будем не одному Хоми-

ну, а всем людям. Душа моя стала совсем спокойна. Но ты помолись своему богу, а я помолюсь духу гор.

– Что-то не хочется молиться, Арсё. И верно, я делаюсь как Макар Булавин. Счас времени много, стал больше читать жития святых, житие Христово. Блуда там много, больше, чем у нас, смертных. Убийства, которым нет оправдания, потопа... Сам Христос блудил с Магдалиной. А пророки? Те одной рукой пророчества раздавали, а второй бабам под подола лезли. Давай робить. От таких думок душа болит и жить не хочется.

Две недели друзья пололи плантацию, пересаживали корни, снова в ровные рядки, на новых грядках сеяли семена. Не спешили. В таком святом деле не надо спешить. День передохнули. Стали готовиться к выходу домой. Снова пришли на плантацию, чтобы взять несколько корней – дух гор разрешил.

– Тогда не хотел молиться, сейчас все равно молись, – приказал Арсё. – Проси бога, чтобы всё было хорошо.

– Если бы он остановил войну и всех наших вернул домой, тогда бы молился денно и ночью. Но так и быть...

Журавушка помолился на восход солнца, прочитал «Отче наш», «Богородицу», начал копать указанный Арсё корень. Он уже научился вовремя пересадки копать эти корни, чтобы и волосинки не оборвать на мочке. Осторожно подрыл траншейку, проследил, куда ушло главное тело корня, отростки, легким встряхиванием осыпал землю и камешки.

Костяной палочкой начал выпутывать мочку. А тут, как всегда, мошка, пот, жара... Арсё посмотрел на корень, который выкопал Журавушка, нахмурился. Корень был плохой, корявый, а это плохая примета, когда первым выкопан неудачный корень. Дитя тайги, он не скрывал своего разочарования:

– Дух гор плохо о тебе подумал, послал худой корень, жизнь твоя будет корявой, плохой будет жизнь, Журавушка.

– Чепуха все это, Арсё. Приметам я тоже перестал верить. Мы шли сюда – нам кошка дорогу перебежала, курица петухом пела, число было тринадцатое, а ведь всё обошлось.

– Кошка может сто раз дорогу перебежать, но нельзя первый раз выкопать плохой корень. Плохо будет, – взаправду волновался Арсё.

– Не будем спорить. Эко тихо-то, Арсё... Может быть, нет войны на земле? А?

– Я тоже так подумал, что, может быть, и нет. Но ведь приходят бумажки с двуглавой птицей, которые рассказывают о смерти наших людей. Значит, она есть.

– Значит, есть. Слышишь, будто заяц кричит? Здесь тоже война.

– Нет, это не война, это простая жизнь тайги. Ведь не назовёшь же ты войной тот час, когда ты идёшь в сарай резать телёнка? Нет? Не назовёшь лису или волка хунхузом, если они убили зайца? Нет? То-то. Нас тоже не назовёшь палачами, если мы добыли изюбра-пантача. Это обычная жизнь. Войной называется то, когда брат убивает брата. А баба Катя

сказала, что все люди – братья, только вера разная, но кровь у всех одинаковая, значит, и правда, братья. Разрежь мой палец, а теперь свой. Одинакова кровь?

– Одинакова, Арсё. Я давно знаю, что одинакова, но если хочешь, то ещё раз посмотри. Что говорить, тому же учил нас дед Михайло, что не боги разделили людей на разные веры, а люди разделили богов, всяк по-своему разуму и понятию. Мы нашего Христа и то разбили на разные толки. А обличье – это еще не суть инородная. Ты можешь стать христианином, но лицо твое от этого не изменится. Обличье разное, но у всех заботы и дела одни: жить в мире, жить в добре. А мы воюем. Друг друга убиваем. Эко дела...

Вернулись в пещеру. Журавушка поднялся на скалу, чтобы навсегда запомнить это место, определиться по вершинам сопков, по солнцу. Посмотрел направо, налево, качнулся. На взлобке во всей своей звериной красе стоял Черный Дьявол, пристально смотрел на человека. Сделал шаг к скале, чуть вильнул хвостом-поленом, застыл.

Черный Дьявол стал еще матерее, будто и ростом выше, в груди шире, хотя суше и поджаристее. За сопкой раздался зовущий вой. Дьявол метнулся на вой, остановился, затем бросился к скале. Журавушка тоже заметался на махоньком пяточке, а со скалы сразу не сойдёшь. Надо было пройти подземным ходом, выбежать на сопку, и лишь тогда можно было бы подойти к Черному Дьяволу. Дьявол явно шёл к людям. Нет. Будь это Федор Козин, он не поддался бы зову предков.

Однако и этот человек был ему знаком, кода-то даже дружили. Опустил лобастую голову, медленно побрёл на зов волчицы, часто оглядывался, так же вяло и неуверенно повиливая хвостом.

– Буран! Буран! Не уходи, я счас, я счас к тебе приду! – закричал Журавушка, называя Черного Дьявола так, как звал его Макар Булавин, бросился вниз, обрушивая за собой камни.

Но Буран уходил, уходил от человека. Зов предков был сильнее зова человека. Почему-то грозно рыкнул и в два прыжка ушел за лезвие сопки.

Журавушка вылетел из пещеры, бросился в сопку. Поздно. Привалился спиной к кедру. Исчез Дьявол. Невольно всплыли воспоминания: Макар Булавин, его тихая пасека на берегу Улахе, красивое, но злое лицо Безродного, его деяния, смерть Макара. Многое и многих связал своей судьбой Черный Дьявол.

Вернулся в пещеру. Арсё молча выслушал рассказ о том, как Журавушка видел Черного Дьявола, качнул головой:

– Я думал, тебя злая муха укусила. Не зови и не тронь его. У каждого своя судьба, свои тропы, свой зов. Не обижайся на него. Если бы он ушел от Макара Булавина, то было бы предательством, а он ушел от немного знакомого человека, как часто и я, и ты уходили. От друга уйти нельзя. Он не забыл твое имя, но и не поверил тебе. Да и можно ли каждому верить? Мир людей куда сложнее, чем мир зверей.

– Откуда собака может знать мое имя? Как она его помнит, Арсё?

– Мы знаем друг друга по именам, по лицам, по разговору, а собаки узнают человека по запаху. Запах – это твое имя. Может быть, они что-то другое знают. Мы, люди, еще не научились языку собак, зверей, птиц. Нам некогда, да и не умеем мы это делать, – в раздумье говорил Арсё. – Пусть живет в тайге. Здесь его никто не обидит, пока он в силе, а люди смогут.

Нет, не забыл Дьявол Журавушки. Чем-то далеким и добрым пахнуло от этого человека. Затосковал. Он несколько раз подкрадывался к пещере, обнюхивал следы людей, таясь за кустами, смотрел за их работой. Он ушел в эти сопки, чтобы навсегда забыть людей, жить от них подальше, но они и сюда пришли, внесли сумятицу в собачью душу.

И заметался Черный Дьявол. Он выходил на высокую сопку, подолгу выл. Люди слышали его вой, но принимали за волчий. Выл протяжно и тоскливо, оплакивая и Макара, и Федора Козина, и ещё что-то, ему самому непонятное. Может быть, прошлое тревожило? Волчица пыталась унять его стон, ласкалась, небожно покусывала за шею, лизала в морду. Дьявол принимал ее ласки, но тоска не проходила. Решился, пошел к людям. Но человек испугался его, значит, он не может быть другом. А тут еще этот зов, этот негаданный крик Журавушки больно резанул по сердцу. Ушел, унося в сердце огорчение и даже злость.

Люди ушли из пещеры, спустились с сопки. Дьявол пошел по их следам. Таился за валежинами. Его так и подмывало броситься на них, выместить свою боль в отчаянной драке. Но сдерживался. Сдерживался потому, что эти люди ничего плохого ему не сделали. Но они принесли прошлое! Доброе прошлое, которое до сих пор не забывается. Напомнили о

той жизни, о том тепле, которым его согревали люди. Прошел по следам людей еще несколько верст, вернулся к своей стае.

И тут же, будто в отместку за всё, пошёл загоном на изюбра, оставил волчицу и волчат в засаде. Но и изюбр был не из тех, кто очертя голову несется к смерти. Он вылетел на скалу-отстой, сильный, бесстрашный, замер там. Дьявол позвал свою стаю коротким воем. Она пришла. Волки были сыты, легли у скалы в ожидании, когда зверь от голода и жажды бросится к ним, пытаясь прорваться через их заслон. Волчата было сунулись к изюбру, но Дьявол рыком остановил их, дал понять, что этот зверь для них опасен. Ждать и только ждать. А кто голоден, тот может помышковать.

Изюбр понял намерение волков. Напружинился и прыгнул с десятиметровой высоты, врезался копытами в вязкую глину. Там его не ждали волки. Вырвал копыта и на больших прыжках поскакал к речке. Дьявол и стая бросились следом. Но бык был в силе, вылетел на берег Кривой, перемахнул через перекат и тут же скрылся в зарослях ивняка. Дьявол посмотрел вслед изюбру, прекратил преследование. Будь рядом человек, он мог бы поставить зверя на отстой, а без человека не каждого возьмешь. Изюбр в силе, не стоит время терять. Затрусил по берегу, следом стая, игривая и беспечная.

Пахнуло свежей кровью. На берегу речки земля была истолчена копытами, кусты и деревца сбиты рогами. Здесь дра-

лись быки-изюбры. Один из них побежден, тяжело ранен. След уходил в сопку. Дьявол повел стаю по следу. Старый бык даже не успел вскочить с лёжки, как его облепили волчата. Волчица и Дьявол стояли в стороне. Пусть учатся брать старых быков. Волчата действовали уже более умело. Рвали бока, подбирались к шее. Бык еще нашел в себе силы, чтобы подняться на дыбы, сбросить с себя волчат, сделать один-другой прыжок, но тут же рухнул на острые камни. Два волчонка впились ему в горло, зарезали. Отошли в сторону, стали ждать, когда насытятся сильные. Хотя светло-серый волчонок щерил зубы, рычал, всем своим существом протестовал против несправедливости. Забыл о том, что таков закон стаи: первыми лучшие куски мяса съедают вожак и волчица, но в голодный период волк, бывало, отдавал свой кусок добычи волчатам. Всё забыл. Черный Дьявол тоже скалил зубы, напоминал светло-серому о прошлом.

Догорала осень. Солнце уже без натуги грело остывающую землю. Обленилось. В небе тоскующий крик лебедей, гусей, журавлей. Оголилась тайга и в своей оголенности осиротела. Только тёмные купы кедров, елей и пихт продолжали радовать глаз вечной молодостью, вечной зелёностью. Там тот же запах хвои, та же сушь и первозданная тишина. Еще можно полежать на взлобке, понежиться на солнце, забыть обо всем, чем переполнен мир, души людские, чем жива эта колготная земля.

Где-то война, а здесь покой, добрый покой, если всё забыть. Но разве можно забыть то, что на западе умирают люди, то, что мир сместился со своей оси?

Пытался представить себе войну и Алексей Сонин. Не мог. Видел в ней что-то, похожее на кулачный бой, но где не только ивайловские мужики пошли на каменных, а миллионы таких Каменок и Ивайловок стоят – стенка против стенки. И нет там чести и праведности, как в кулачном бою, то смертельный бой, бой кровавый.

Не угомонился Алексей Сонин после двухнедельной отсидки в бане. Еще злее стал. Себя он не считал и не считает праведником: он мог обмануть купца, приласкать гулеву́ю бабу, но, чтобы украсть чужое, положить в рукавицу свинчатку в кулачном бою – такого не водилось. Рычит от бес-

сила, что не может остановить войну, заставить замолчать орудия, остудить винтовки, осушить кровавые реки.

Вот уже третий месяц тянется война, третий месяц подтягивает Алексей Сонин тяжёлые гири часов, что безлико отсчитывают время. Не любит эти старые часы Сонин. Они тархтят, как его разбитая телега. Всё в этом доме стало старым: телега, часы, кровать, сам стар. Но не затух бунтарский дух. Правда, душа как-то постарела, стал мудрее. Пишет сын Макар, что генералы – дураки, о том же пишет Пётр Лагутин. Только Устин полон бодрости и уверенности, что германец будет побит, надаем, мол, по шее вражинам. Как там любимец Коршун? Тоска... А часы стучат, стучат, спать не дают, отсчитывают время войны. Не спит Алексей, после полуночи ставит зарубку на стене. День прожит. Читает Святое Писание, Златоуста, Евангелие, жития святых, что-то ищет там: себя ли, пороки ли в святости. Похоже, готовится к большому бою со Степаном Бережновым. Ставит на чистом листе бумаги первые буквы, затем слова: «Человек – творец зла. Эта война не закончится войной держав, эта война станет продолжением войн народных. Быть люду битым, царям – изгнанным...»

Бойтся Сонин народной войны, считает, что она пострашнее будет войны держав. Если там дерется германец с русским, то здесь будут убивать брат брата, сын – отца. Это совсем противно разуму.

С фронта шли письма, но узнать в них правду было невоз-

можно: помарки, вырезки, что и как – не понять.

Пока же Сонин подтягивает часы, ворчит, что люд мельчать стал.

И вдруг зашумела, заколготилась долина. Кто пешком, кто вскачь на конях устремились в Ивайловку – вернулся с фронта Валерий Шишканов. Но ведь он должен быть на каторге? Нет, пришёл с войны, изранен, худ, в чём только душа держится. Знать, плохи наши дела. Бегут бабы, мужики, чтобы собрать сход, послушать фронтовика.

– Он крамольник, это уж точно!

– Но какая крамола на войне? Крамольники, как наш Сонин и его дружки, – те супротив царя и войны. А Шишканов был на войне, ежели у него и была крамола, так война выбила, значит, скажет правду.

Запретить сход. Народ не должен знать правду – решает начальство.

– Запретить! – гремит своей саблей-селёдкой срочно прибывший в деревню становой пристав Рачкин.

Но где там! Шишканова на руках вынесли на сходное место и потребовали правды.

– Правды хотите? – усмехнулся Шишканов. – От пуль и снарядов не прятался. Воевал, как все. Когда мы побеждали, то радовался со всеми; бежали – огорчился, как и другие. Кого видел? Мне повезло, видел многих. Устина Бережнова. Он георгиевский кавалер полного банта, четыре креста,

золотое оружие. Командир, офицер. Любят его солдаты за храбрость и ум. Когда меня посекло осколками, он первый прискакал проведать меня. С ним ли Коршун? С ним. Вместе воюют. Написал наскоро письмо и просил, ежели я выживу, прочитать вам, землякам. Могу прочитать: «Поклон вам, земляки и люди таёжные! Воюем мы ладно, не срашим чести русского солдата. Бывает, что бьют нас германцы, потом мы их. Война – это не кулачный бой, надсмотрщиков нет. Но война эта – правая. На нас первым напал германец и хочет полонить нас и нашу землю. Самое опасливое, что заметил я в наших солдатах, что они начали роптать на царя-батюшку и войну. Таких мало, но они есть. Их подбивают против войны социалисты и всякая шушера, коя боится воевать, требует кончать войну. Таких мы излавливаем и отправляем в дальние места. В нашей дивизии изловили двух, устроили самосуд и пустили в распыл. Мы готовы биться за нашу матушку-Россию до последнего вздоха. Что и делаем. Устин Бережнов».

– Герой! Молодец! Такой не даст полонить Россию.

– Раз напал германец, нечего с ним кочевряжиться.

– Верна-а! Устин и раньше подавал добрые виды на войну, – зашумели в народе.

Степан Бережнов, преисполненный гордостью, тайком утёр слезу: сын, его сын – герой. М-да.

Алексей Сонин кисло поморщился, хотел пробиться к Шишканову, чтобы взять письмо, но его уже опередила Са-

ломка.

– Эк его заносит. Ослепили кресты царские. Не получил бы дубовый крест, – проворчал Сонин.

Шишканов достал другое письмо.

– Эти письма больше от каменных ребят, потому как наши ивайловские парни сплошь безграмотны, а ротному писарю не всё можно доверять. Вот пишет Пётр Лагутин, побратим Устина. Обоих знаете. Слушайте: «...Это не война, это кровавая бойня, кою задумали наш царь и генералы. Бойня, кою задумали враги мира. И мы в этой бойне, ждём, когда топор мясника опустится на наши шеи. Ждём каждый час, каждую минуту. И нам страшно, потому что мы серы. Мы голы, мы безоружны. И не столько нас умирает в окопах, сколько умирает в лазаретах от простуд, сырости, голодухи. Большая половина генералов – изменники. Царь – полудурок. А главнокомандующий, хоть и есть что-то в голове у великого князя Михаила, давно запутался в делах военных. Мне сдаётся, что спроси его, как дела идут на таком-то фронте, то он в точности не ответит, потому как велика Россия, велик фронт, а генералы врут о своих победах, так что не знают, победители они или побеждённые.

Застрали мы с Федором Козиным и с моим побратимом Устином в Галиции. Сидим, ждём часа, когда генерал Брусилов накопит оружия и снарядов, чтобы начать наступление. Потеха!

Война эта непонятна солдату. Затеяли её буржуи, чтобы

через нашу кровь себе мошну набить. Идут разговоры, что сам царь хотел через эту войну подавить нарастающий бунт в народе. Но выходит наоборот: народ стал злее. Обозлился и солдат, ить он тоже из народа. Бунта не миновать, потому как здешний народ живёт скудно и бедно, земель нету, все у помещиков. Мужик жнет, а помещик трубку сосет, первый голоден, второй сыт и пьян, и нос в табаке. Несправедливо то.

Много солдат уходят в плен, дабы живу остаться. Такое нами осуждается. Еще больше солдат дезертируют, образуют отряды и грабят своих же. Таких банд много в брянских и других лесах. Это тоже худое дело. Но будь царишка умнее, то он бы кончал войну немедля и что-то бы придумывал, что-то решал, ибо сам народ может кончить войну...»

– Крамола! Прекратить чтиво! – заверещал Рачкин, до него только что дошёл смысл письма, а вначале даже поддакивал.

– Вот кого ты взрастил, Исак, – усмехнулся Бережнов. Он радовался и огорчался, что Пётр льет воду на мельницу социалистов. А радовался тому, что его мысли подтвердил солдат. Будет революция, будет народная война, значит, надо с еще большей силой готовиться к схватке, чтобы раз и навсегда поставить здесь свою республику, свою новую Выговскую пустынь. Жить без властей, жить своим тесным миром. На кой ляд сдались эти власти?

Исак Лагутин ответил:

– Праведно говорит сын, войну надо кончать. Мало воевали, а уже много перебили люду.

– Значит, и ты на стороне Сонины?

– Время покажет, – пожал плечами Лагутин.

– Кажи документы! – рвался к Шишканову Рачкин. – Может, ты с каторги бежал?

– Документы? Вот документы. – Шишканов передал Рачкину свое «Проходное свидетельство», справку о ранении и отпуске домой. – А война-то, господин Рачкин, пострашнее будет каторги.

– Дайте же ему под дых, чтобы не мешал читать письма служивому! – закричали бабы, зашумели мужики. – Читай, Шишканов!

– Могу, но как же власти?

– Читай, мы сами власти! Не мешкай, читай!

– Это письмо от Макара Сонины. Мы с ним случайно оказались в одном лазарете. Время было поговорить и написать. Макар ранен в руку, кисть слегка задело, часть мизинца ампутировали. Домой его не отпустили, чуть подлечили и снова на фронт. Вот он пишет: «Ежели эта война затеяна по воле божьей, то где же бог? Ежели царь Помазанник Божий, то пошто же бог не поставит его на путь истинный? И внял я, что наш царь такой же помазанник, как я китайский император. Он – Николай Кровавый, как обозвал его народ. И не от бога он нам дан, а от черта лысого...»

– Молчать! Заарестую! – снова взвился Рачкин. Волост-

ной Мартюшев тоже подал свой голос.

– Читай дальше! – шумел сход.

«Мы шли на войну с верой в царя и в Бога, с верой в наших генералов. Но всё это скоро похерилось. Хотя солдаты, когда я был в армии Самсонова, дрались за семерых, а генералы дрожали осиновыми листьями. Шлю я им всем солдатское проклятье! Но скоро супротив войны заговорят все, ибо всем понятно: мужику бить мужика так же лихотно, как хозяину убивать любимую собаку. Мужику надо жить в мире, землю пахать, племя растить. А мужиков стравили, гудят в уши, что во всём виноват германец. Я слушал один допрос германца, тот говорил, что русские первыми напали на Германию и хотят отнять землю у германцев. Врут народу те и другие, прячут правду от народа, сталкивают нас лбами, чтобы самим очиститься».

Настороженная тишина разлилась над поляной. Вот так Макар-летописец! Режет правду-матку. У баб на глазах слезы, мужики сдерживают тяжелые вздохи. А когда снова зашумел Рачкин, то его так сдавили, что он зайцем заверещал.

Макар далее писал: «Каждый, кто может читать, тот читал Святое Писание, там сказано, что, мол, кто посеет ветер, тот пожнет бурю. Ветер посеян, ждите бури. И будет та буря, когда ни рачкины, ни подначкины не удержат народ в узде. Зла много накопело. Война, которую затеяли царь и буржуи, держится на живульку, оставляя на полях своих тысячи солдат, делая тысячи вдов и детей-сирот. И быть земле

пустыней. Потому каждый, кто мыслит по-божески, тот должен подняться и заставить царя прекратить войну. Надо заниматься делом, а не лить напрасную кровь. Бабы и мужики, подымайтесь против войны, тормозите царя и его ярыг³⁴!»

– Взять! Под арест! – завозился Рачкин.

– Эй, кто рядом, стукните его чем-нибудь тяжёлым, чтобы горло зряшно не драл!

– Меня можно под арест. Но ведь эти письма не я писал. Их писали ваши земляки. Вот сбегайте на фронт и возьмите их под арест. Я исполнил волю солдат. Безумные начали войну, умные её закончат.

– А ну, подай сюда письма, – подался к Шишканову Бережнов.

– Позвольте! Это письма Макара, я его отец, знать, мне они писаны, – забрал Сонин письма у Шишканова.

Исак Лагутин забрал письмо Петра.

– Отдать письма мне! Крамола! – вырывался от баб Рачкин, но тщетно. – Расходись по домам! Сход закончен!

– Не расходиться надо, а садиться и писать письмо царю, чтобы кончал с войной, – поднялась на телегу баба Катя. – От всего схода писать.

– Цыц! Я вам напишу письмо! Так распишу задницы, что нескоро сядете на них. Все по домам! И ты, Шишканов, тоже иди домой, – приказал Бережнов. – Чтобы ни писали наши солдаты, а война дана от бога. Чем она закончится, это уж

³⁴ Ярыга – низший полицейский служащий.

бог рассудит.

Если сход послушался Рачкина, то побоялся послушаться Бережнова, хотя бы те же дружинники, староверы и бедняки, кто был должен по маковку Бережнову. Сход начал распадаться.

Шишканов тоже ушёл домой. Он своё дело сделал, заронил искру, а время её раздует до пожара-верховика. Сунулись было Мартюшев и Рачкин, чтобы схватить Шишканова, но на них так рыкнул Бережнов, что они подались назад.

– Хватит и того, что мы бросили его на каторгу. Сделали сами же из него большевика. Дурни, того не поймете, что пригрей мы Шишканова, обласкай, то и был бы он наш. Умен, хитер, такими брезговать не надо. Сами видите, что народ к нему тянется. А без народа мы пшик. Потому приказываю, чтобы Шишканова не смели трогать. Тронете, то пеняйте на себя. Скажите спасибо, что он не помнит зла, что мы ему причинили. Всё! Вы тоже по домам! – отрубил Бережнов.

К Шишканову забежал Сонин, хотелось поговорить по душам с живым человеком, а не через письма солдатские. Он с порога и спросил, мол, не социал ли тот демократ.

– Почти что. Мне до них еще дорасти надо. Но с ними.

– Почему?

– А потому, что они против этой грабительской войны. Они за мир. А мир – это сейчас главное.

– А много ли тех социал-демократов?

– Да есть. Но только среди социал-демократов идет разногласица. Уже есть большевики и меньшевики. Большевики – за полный мир, за уничтожение капиталистов, за передачу власти народу, а меньшевики за продолжение войны и передачу власти буржуазии. Как это было когда-то во Франции, где власть захватила буржуазия. Есть ещё социал-революционеры. Те ближе к большевикам. Есть конституционные демократы, те за ограничение монархии, за конституцию для народа. Но все они за продолжение войны. На том и ломают хребет.

– Явственно просветил. Я с теми, кто против войны. Ты понимаешь. Проходил мимо нас один бродяга, не помнящий родства, так тот сказал мне о большевиках, будто они приняли учение Христа и хотят повести за собой народ. Исус³⁵

³⁵ Во время проведения реформы Московским поместным собором 1666 года

Христос ить тоже шёл за народ. Тоже ратовал за мир. Хоша не всегда, но ратовал. Так кто ты? Ну, не нуди же! Ты старое-то не помни. Каторга – это дело наших рук. Без вины засадили. Наши такое могут, ежли не больше. Да упредить тебя пришел, чтобы ты шибко-то не молол языком, могут схватить – и головой в прорубь. Степан Алексеевич это готов бы сделать сейчас, но ты читал письма наших ребят. Будто и не виноват. Но все знают, что и как. Читал, знать, согласен с теми писаниями. Расскажи больше про Макара. Ить он праведно пишет, варнак. Сын, поди. Он, хоть и росточком-то мал, но ума и грамотности не занимать. Я рад за него, что во многое вник. Пусть баба щас на стол соберет, а у меня спиртишко есть, с холодку-то и побалуемся.

– Как пить будешь-то, ведь у нас, мирских, кружки-то поганые, сам бы не опоганился, – усмехнулся Шишканов.

– Война всех опоганила. Наливай! Дэк, как там Макар?

– Воюет. Вместе с Евлампием Хоминым дерутся. Макар спас Евлампия в одном из боев, затем Евлампий – Макара. Так и держатся друг друга. Один ростом выше старого медведя, а другой мал да ловок. Вот и живы остаются. Евлампий в бой, как бешеный бугай, а Макар глядит в оба, чтобы кто в него штык не всадил.

– Дела... Что будет дальше-то?

под страхом анафемы было запрещено употреблять имя «Исусь» (Исус), следовало – Иисус, но старообрядцы до сих пор придерживаются древнерусского написания имени Христа.

– Надо сказать спасибо японцам, что они завязли в Китае, поверни бы на нас, то солоно бы было. Могло быть и здесь кровавое распустье. А что будет дальше, то каждому ясно: будет революция. Будет, потому что солдат начал думать. Шибко думать. Наша задача, людей честных, шире открывать солдату и мужику глаза на эту войну: кто её затеял, кому она выгодна. А через всё это сбить с трона Николая Кровавого. Трудно, но надо. Ибо без этого Россия не вырвется из застоя, что веками завис над нами. Если бы ты видел, Алексей Степанович, всё это: трупы солдат, умирающие деревни, умирающих от голода детей – то первый бы подал голос против царя.

– Я его давно подал. Но один в поле не воин. Уже был наказан нашей братией. Могут и к смерти приговорить. Бережнову выгодна война: мол, все ослабнут, тогда и он подаст свой голос, сделает здесь свою пустынь.

– Вроде и мужик не дурной, а думает дурно. Тот, кто поспеет оторваться от России, будет подобран другими. Да и не позволят Бережнову создавать свою вотчину. Сомнут – если не царь, то другие власти. Зашёл далеко Бережнов, а вот как он из этого выйдет?

– Сомнут – это точно. Пусть их будет тысяча, а в России мильёны. Забудем это. Ты мне скажи в точности, для чего ты голову под пули суешь? Ить дураков нема?

– Надо. Много разумных людей делают то же.

– Ну ин ладно. Я ведь еще к тебе пришел и затем, чтобы

упредить, ежели будут притеснять, то айда ко мне в тайгу. Я там тайное логово устроил. Схоронимся, и никто не найдет.

– Зачем же?

– Арсёшка, Журавушка, я, Исак Лагутин встаем против войны. Ежели что, так сбежим, будем досаждать, как наши в старину досаждали царским ярыгам. Теперь давай всё на стол! Большевик ты аль нет? Ежели не большевик, то прощевай, недосуг мне языком-то молоть с каким-то недоумком.

– Большевик, что дальше?

– А дальше ты мне ответствуй, чего хотят большевики? Конец войне – это внятно, а что еще?

– Каждому сытность, землю, грамоту, волю и счастье.

– Это тоже внятно. Такое было у выговцев. Не тронь наших цари, то и жили бы ладно. Верят ли большевики в бога? Вот ты, к примеру?

– Что я? Твой сын Макар – и тот уже перестал лоб крестить.

– Тоже явственно. Значит, возьми вы власть, то та власть и будет властью антихриста, – утвердительно сказал Сонин.

– Ты против такой власти?

– Э нет, в Святом Писании сказано, что всякая власть дана от бога, даже антихристовая.

– Так как же ты принимаешь большевиков: как антихристов или как учеников Исусовых? – улыбнулся глазами Шишканов.

– Тут поразмыслить надо. Сразу не ответишь. Исус Хри-

стос пришел на землю, чтобы искупать грехи человеческие, а мы то дело обернули так, что будто он пришел затем, чтобы разобраться в греховности людской. Потом, он приходил, чтобы дать людям мир и счастье, того тоже не случилось. Может быть, вы продолжите деяния Иисуса?

– Нет, Алексей Степанович, знай сразу, что большевики раз и навсегда отвергли бога как лицо никогда не существовавшее. Но они не собираются гнать и преследовать верующих. Есть желание, то верь, нет – бросай.

– Значит, вы против учения Христа о мире, добре, счастье?

– Нет, это мы принимаем. Потому что это народная суть. А вот такое, как зуб за зуб, око за око – отвергаем. В учении Христа, Алексей Степанович, столько путаницы, что многое надо отсеять, глаза на ту путаницу открывать. Иисус Христос говорит: «Не убий», а сам убивает; «не обмани», а его устами обманывают и грабят народ; «не сребролюбствуй», а богачи сребролюбствуют. Ты знаешь то учение глубже и больше меня, поэтому тебе легче, чем другим, будет отделить зёрна от плевел, как это сделал когда-то покойный Макар Булавин. Добро посеял и твой Макар. Два Макара дали хороший заряд. Всё в учении божьем построено на обмане и лжи. Войну называют божьим промыслом. Куда зашли! Именем Христа убивают миллионы людей. Только власть народная, без религиозной путаницы, может дать людям то, для чего они родились на эту землю – всеобщее счастье.

– Каким же будет тот большевик? – сузил глаза Сонин.

– А вот таким: у тебя есть лишняя рубашка, отдай ее тому, у кого ее нет. Если у тебя доброе сердце, чистые руки, есть желание сделать всех счастливыми, то смело иди в большевики. Только такой человек может быть большевиком! Другим нет места в наших рядах.

– Ну что же, просветлил ум. Кажись, я могу стать большевиком? Побежал домой, а то припозднился чуток, стара³⁶ будет ворчать, – заторопился Алексей Сонин.

Наутро деревня загудела, как потревоженный улей, – Алексей Сонин объявил себя «большевиком Христовым», побоялся назваться просто большевиком.

Схватили Сонины и поволокли в молельню, чтоб свершить правый суд. Но Сонин ничуть не испугался суда. Он первым взял слово, заговорил:

– Есть в Святом Писании такие слова, мол, всякая власть дана от бога. Есть или нету? Вот и хорошо, что есть. Тогда могу смело сказать, что грядет новая власть. И она будет.

– Власть антихриста? – спросил Бережнов.

– Да, антихриста, но и она от бога. Сказано в Писании, что без слова божьего не упадет и волосинка с головы человека. Сказано? Тоже хорошо. Знать, и та власть будет от бога, ибо он того восхотел, тому и быть.

– Да, но в Святом Писании сказано, что, кто приемлет антихристову печать на чело и правую руку, тому гореть в ге-

³⁶ Стара – жена.

енне огненной, – прервал Бережнов.

– Сказано и такое. Но не кажется ли тебе, Степан Алексеевич, что эти слова не от бога, их приписали злые монахи, может, и ради шутки. Сам посуди, что выходит. Взял власть антихрист – ее дал бог, но тут же начертал, мол, кто ту власть приемлет, тому быть в огне. Это же издёвка над людом.

– Такое шлет бог, чтобы испытать крепость людскую, – стоял на своем Бережнов.

– Значит, ежели я остался при боге, не признал власть антихриста – снова война? Но ведь войны – это не божий промысел, тем более войны супротив законной власти. Мы воевали царя, потому как гонимы были, стали под его высокую руку – перестали воевать. И даже наши войны, как я мыслю, шли против учения божьего. Бог был и будет против войн, ежели только он настоящий бог, а не выродок вселенский. Он нам говорит – не убий, так пошто же он захочет убивать нас, ежели мы приемлем его же власть, им поставленную? Кому будет нужна та свара? Я объявил себя «большевиком Христовым». Потому объявил, что большевики против войны, за счастье народное и мир на земле. Праведно то или нет, судить богу, а не тебе. Ибо этот суд идет не от братии, а от тебя. Ты хочешь войны – ведаем, пошто. Но не даст тебе власть бог, ибо всё это идёт от властолюбия и корысти. Властелин должен быть бескорыстен и добр. А ты злобен и не добра желаешь нашим людем, а крови и смерти. И пусть каждый о том подумает.

– Блудослов! Антихрист! В огонь вражину! Пусть Шишканов отринул бога, так он в него и не верил, но как ты его отринул?

– Не отринул, живу с богом, молюсь богу.

– Хватит! Взять его – и на судное моление!

– Погоди с огнём, Степан Алексеевич, – поднялся Исак Лагутин, зло прищутив глаза. – Как бы самому там не оказаться. Ушло то время, когда мы инакомыслящих хватали и бросали в огонь. Кануло в Лету, больше оно не вернётся. Если уж царь издал закон о веротерпимости, то нам и подавно надо молчать. Алексей Степанович пришёл к такой мысли не за один день, знать, на то есть причина. А мыслить, думать, как того душа восхочет, не возбранимо. Это только при нашей братии такое возбраняется. Мы решили не допускать издевок и напрасных смертей в братии.

– Кто это вы?

– Братия. Ты думаешь, только один здесь правишь? Нет. Мы тоже начали думать за тебя, править, где можно, без тебя. Ты теперь не наставник – сам отказался, ты – командир. Наставник нам сам знаешь кто – Мефодий Журавлёв. Вот мы и порешили поставить, где можно, заслоны твоему разгулу. Ты человек без сердца. Тебе не жаль наших ребят, а своих сынов, кроме Устина, что льет кровь на войне, ты оставил. Надобны для дружины? Дело. Хунхузы обнаглели. Но и наших пожалей, не ярись. Я ить тоже против войны.

– У меня никого нет на войне, но я войну ненавижу, –

заговорил Мефодий Журавлёв, смело заговорил как наставник. – Хватит нашим парням ходить по лезвию ножа, убит – не убит. Какая власть остановит войну, ту мы и признаем. Мы тоже когда-то называли антихристами царя и его ярыг. Теперь ищем других антихристов. Пригрел чуть нас царь, вот и пошли за него. А он сволочь из сволочей! И несть больше греха, как быть перевёртышем. А мы ими стали. Наши пращурьы воевали царя, а теперь мы готовы с ним лобызаться. Противно то сердцу и разуму. Вельми противно!

– Я не жалею царя, вы знаете мою задумку, – ещё злее насупился Бережнов.

– Знаем. Но то пустая затея. Жамкнут – и нет нас. Надо всем вместе держаться с Россией, а не строить мраморных дворцов, где они без надобности. Безродный построил свой – кости преют в тайге.

– А ты читал, что пишут о большевиках, будто они хотят отнять у нас землю? Кто против них – того в распыл, – гремел Бережнов.

– Читал. Можно оговорить каждого, ежели это нам на пользу. Мы с тобой тожить делали это не раз. Оговаривают, знать, большевики правы в чём-то. Прав и Алексей Степаньч. Не от бога эта война. И нет бы тебе восстать против войны, так ты за неё. Задумка на то гонит, что тебе выгодна эта война, мол, чем больше прольем крови, тем легче тебе добраться до власти. Так? Все скажут, что так. И это тоже не от бога, а от дьявола.

Бережнов при этих словах вздрогнул, но смолчал.

– Мы за дружину, кою ты создал. Мы тоже в ней, но никогда эта дружина не пойдет против властей законных. Она была и будет бить только хунхузов.

– И хватит нам ходить на твоём поводке!

– Хватит! Мы уже сами выросли из тех штанов.

Гудела голосами молельня.

– Сговорились?

– Начали думать, куда и зачем ты нас ведёшь, – спокойно ответил Журавлёв.

– Ладно, ты же знаешь Сони́на. Сонинский заполох каждому ведом. То он блудит, то он бражничает, на скачках деньги просаживает, теперь начал ворошить нашу братию, – хмуро заговорил Мартюшев. – Надо нам его приструнить...

– Хоть бы уж ты-то молчал! Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Сам хунхузишь дальше некуда! – сорвался Бережнов. – Потому молчи! Цыц! Ещё раз говорю, цыц! Вот я и думаю: а может быть, я не прав, – вдруг пошёл он на попятную.

Но люди этому не поверили.

– Может быть, я и заполошный, как вы меня называете, но не застыл в думах своих. А кое-кто из наших не токмо застыл, но еще и отупел. Дальше своего носа не видят, хоша и читают газетки. Степан Алексеич ищет брода в пожарище. Но знай же, человек, что его там нет и не было. Сгоришь, и пепел ветер раздует. Ты сам сбился, и нас сбиваешь с пра-

ведной стези. О большевиках мы разные пакости говорили, а они хотят того же, что хотел Иисус Христос. Я с ними, и до конца! – отрубил Сонин и сел.

– Начнём суд по чести, – сказал Бережнов. – Моё дело сказать, что и кто есть Сонин, а ваше дело – судить. Сонин связался с дьяволом, ушел в стан книжников и фарисеев, чтобы с ними защищать власть антихриста. А это самый великий грех, коий может случиться с человеком. Предать свою братию, свой народ! Сонин сеет смуту, а за ним потянулись его дружки закадычные. Сказ один: либо пресечь смуту, либо дать ей расползаться. Сонина – на кострище. Предателя, что продался фарисеям за тридцать сребренников, – в огонь.

Прогудела последняя муха, гулко, предгрозово. Чья возьмёт?

– Григорий Мартюшев? – начал правый суд Мефодий Журавлёв.

– Смерть!

– Исак Лагутин?

– Жизнь!

– Я, Мефодий Журавлёв, то же говорю – жизнь!

– Жизнь!

– Жизнь!

– Жизнь! Жизнь, а не смерть, – хмуро сказал даже старший сын Бережнова Алексей. Против отца пошёл.

– Ежели Сонин сгинет, то грех падет на тебя, Степан Алексеевич.

– На тебя!

– Только на тебя, – хмуро бросали старики, старухи, бабы, парни, проходили мимо сурового командира, и эти слова били больнее любой плети.

Сник Бережнов. Не приняла братия его приговора. Отринула, значит, и самого тоже.

– Быть по-вашему! – зло усмехнулся Бережнов. Подумал: «Другим стал народ. Нет, не поставит с ним своё таежное царство. Пустая затея. Об этом же писал и сын Устин. Рухнула мечта. Война ожесточила людей. Знать, я делаю промашку. Думать надо, думать, Степан...»

И думал Степан. Не без дум он подвёл под судное моление Сонины. Хотел его смертью, смертью свата (в борьбе не может быть свата и брата) остановить то вольнодумство, которое неумолимо надвигалось на его братию, как волна, как снежный вал. Еретизм уже встал у поскотины³⁷, только ждёт своего часа, чтобы бросить людей в безверие. И всё это пошло, как думал Степан Бережнов, от первых шагов Макара Булавина. Он и мёртвый страшил, звал мир к безверию, призывал к добру, заменив им бога. Он и мёртвый продолжал подтачивать веру Христову. А ведь все знают, что большевики сродни хунхузам. Отобрать, отдать, похерить... Но они обещают дать мир. А могут ли хунхузы дать мир? А вдруг дадут? Эко всё меняется: и время, и люди. Похоже, что каша круто заваривается.

³⁷ Поскотина – изгородь, которой отделяется выгон (место, где пасется скот).

Тяжелые думы теснились в голове Бережного, а когда он не мог ответить на те или иные вопросы, запивал. Запивал он, и когда терпел поражение. Тем более теперь, когда люди отвергли его, проходили мимо него, будто мимо покойника. Заживо похоронили.

Бережного и сыновья спешили спрятать ружья, топоры, чтобы нечего было взять в руки бушующему-отцу.

– Может, и самому стать «большевиком Христовым?» – горько усмехнулся Бережный, когда опустела молельня. – Нет, не таков я, чтобы складывать оружие. Вся жизнь – война.

И дикая потребность вновь появилась у Бережного – беседовать с дьяволом. Когда был трезвым Бережный, то не принимал всерьез дьявола. Знал, что это какой-то бред. От деда Михайло слышал, что такими же бредовыми мыслями жил его прадед. Но чаще в то время, когда был в подпитии. Он мог часами говорить с кем-то, но не видеть перед собой говорящего. Бережный же Степан воочию видел дьявола...

– Ха-ха-ха! – раздался сбоку громовой смех.

Дьявол посмел войти в святая святых – к иконам, в молельню! Опоганил!

– Ну что задумался, Степан Бережный? Отринул народ? Ушел в стан дьявола? Такое должно было случиться. Ибо дьявол добрее бога. Ты хотел собирать «войско Христово», ставить здесь таежное царство? Выбрось это из головы! Миллионы людей, а вас горстка. Горсточка тараканов. Раздавят,

и не пикнете. Мартюшев – товарищ на один час. Он хунхуз, а хунхуз не станет человеком. А кто говорит на большевиков, что они хунхузы, – не верь. Они – люди, и самые верные слуги дьявола. Ибо дьявол – это добро, а не зло.

– Хошь бы сюда-то не заходил, ить место-то святое, – устало проговорил Бережнов. – Аль бога не боишься?

– Понавесили деревянных идолов и уже решили, что здесь живет бог? Идолство то, а не божество, Степан Бережнов. У вас и царь, будь он мудрее, мог бы стать идиолом. Такова уж суть человеческая: в кого-то верить, кому-то поклоняться, делать из простака идола. Взять царя: он как все люди, и труслив, и добр, и жаден. Вот и ты хотел бы стать идиолом, чтобы тебе поклонялись. Но сил у тебя мало, а будь сила, то ты многим бы свернул головы, чтобы возвеличить себя, по трупам бы шагал к власти той.

– Ладно корить, пошли в боковушку³⁸, – повел дьявола в свою келью, где столько было дум передумано.

Думал: «И правда, что дьявол, выходит, мудрее бога. Ишь ты, идолство! Люду нельзя выпрягаться – забуянит...» Шел по двору устало, тяжело шаркая ногами. Домочадцы смотрели вслед неугомонному старику, молчали.

В боковушке, что была пристроена к амбару, нацедил из бочки в жбан медовухи, протянул невидимому собеседнику:

– Пей, сатана! За что пить-то будем: за мое здравие аль за упокой?

³⁸ Боковушка (боковуха) – пристройка.

– Пьем за здравие. Ты еще поживешь, ты еще повоюешь.

Человек не живет одним шагом, будет и второй. Ха-ха-ха!

– Да не ржи ты, как жеребец! Что со мной будет, с нами?

– Что будет – ты, Бережнов, знаешь не хуже меня.

– И что же?

– К власти придет антихрист. Что, не веришь? Поверишь, ибо той власти восхочет народ. Прощевай, нонче у меня работы по-за глаза, генералов-двоедушников пытаю, в печи обжариваю, как цыплят, потом в смоле варю, затем в крученой воде, делаю их души смелее, добрее. А то ведь совсем оборзели дурни старые – предают. Я приду, может быть, в твой остатный час, может быть, еще заверну. Час твой скоро пробьет. Я буду рядом. Всё не один умрешь, а с дьяволом. Учти, с дьяволом, а не с богом!

– Приходи, черт ты дери! Но я устал от твоих пророчеств. А ить они правдоподобны. Мирские искушения, ложь, гордыня, двоедушие... И видишь, и слышишь ты дальше бога, шире бога. Где бог-то, пошто он не обмолвится со мной словечком? Прости мя, боже, ежели лишку сказал!

– Ха-ха-ха! Еще не то скажешь, когда острая сабелька зависнет над твоей шеей. Прощай! Ха-ха-ха!

Евтих Хомин – порождение Макара Булавина, похоже, был рад войне. Он богател, он надрывался. Его огромный дом, что высился над Ивайловкой, превратился в каторжную тюрьму. Сам Евтих, еще более располневший, побуревший, стал подобен гигантскому медведю, которого вдруг поставили начальником этого злосчастного места. Его рык слышали и дальние соседи. Он начинал рычать с первого пения пташек и замолкал, когда уже над деревней стояла полночь.

Дети, их мать Анисья, измотанная заботами о многочисленном семействе, как пчелки, сновали по двору: одни доили ораву коров, другие чистили конюшни, третьи пасли в поле табуны коней, четвертые бежали на мельницу...

Что там подворье Андрея Силова, что его крики, которые осуждает Арсё! Здесь то и дело свистела плетка, кто-то сдержанно вскрикивал, затем слышался топот ног, сопение.

– Мать вашу, дармоеды! Бегом гони! Сенька, ты – коров! Еще снега нет, попасутся на старой траве. Зинька, ты – коней. Берданы прихватите, в тайге дезертиры, хунхузы, чуть что, то палите не глядя. Вняли? Вот вам для почитания родителей! – свистела плеть, обвивая худые плечи.

– Дай им хоть поесть, ить голодных гонишь! – стонала Анисья. – Ну, что за жисть, никому продыху нету! Провались всё пропадом!

Взмах плети, и Анисья поспешно убежала в дом.

– Выбрось им по куску хлеба, и будя! – ревел вслед Хомин. – Один подоит корову, второй кобылу – и сыты будут. Нет, так кедрову шишку полущат. Васька, ты дуй к работникам на мельницу, чтобы там был полный порядок! Еремей, а ты дуй на заездок³⁹, там Сенька сидит, поди, уже обожрался рыбой. Коня запряги, рыбу – сюда, да за икрой присмотри, чтобы ни одна икринка не упала на дорогу. Шевелись! Минька, бери девок и дуйте в кедрачи, ночью был ветер, должно много шишек навалить. Сваливайте в кучу, а уж потом будем молотить, не то набегут чужие, из-под рук по-выхватывают. Хватайте больше, без баловства у меня! Хлеба? Орешек сытнее хлеба, на подножном корму проживете.

Все пятнадцать душ разогнаны, все ушли, кто хотя бы мог поднять кедровую шишку. Шестнадцатый – Евлампий – на войне. К тому же подходит и Зиновий. Надо подкупить фельдшера, чтобы забраковал парня.

Евтих шел в дом. Анисья спешно поставила на стол таз с наваристым борщом, в котором плавал огромный кусок мяса. Встала за плечами одичавшего мужа. Вытирала кончиком платка набегавшие слезы. А слезы катились, катились.

– Цыц! Чего там всхлипываешь?

– Я молчу. Молчу, чего тебе еще надо? Господи, дети не кормлены, не поены, всех прогнал. Когда это кончится, Ев-

³⁹ Заездок – рыболовное сооружение на реке (протоке, заливе) в виде перегородки.

тих? Не дети стали, а заморыши. Господи, прости мне мои шальные думки, знай, что так будет – передушила бы всех при родах. Будь ты проклят, Макар Булавин! Перевернуться бы тебе в гробу за то, что дал моим детям и мне такую житуху!

Удар пудового кулака отбросил Анисью к двери.

– Бог тебе в помощь, господин Хомин! – ввалился в дом Вальков. Перешагнул ногой Анисью, будто чурку с глазами. – Рано начал робить, рано. Роби – это дело твое. Бабу бить – одна услада. Я тоже свою хлещу почём зря. Добрее и милее делается. У меня к тебе дело.

– Какое еще дело? – медленно повернулся Евтих, вгрызаясь в кусок мяса.

– Триста пудиков пшеницы надо перемолоть. Попёр хлеб в цену. Лови птичку на лету!

– Плата золотом. Время тревожное, мало ли что. Согласен, господин Вальков, али как?

Эти двое друг друга называли только «господами», на потеху мужикам.

– Да уж куда от тебя денешься, согласен. Значит, можно гнать работников на мельницу?

– Ишь, торопыга. Хотя гони, сам счас буду. А нет, то Васька все честь по чести примет.

– К столу бы позвал, что ли?

– Много на чужое застолье найдется. У тя своего невпроворот.

– Где детва-то? Разогнал уже? Верна, всяка пчелка должна

нести медок в свой улей. Но смотри, господин Хомин, как бы они тебе горлянку не перепилили. Дети счас пошли шалые. Прощевай!

Евтих наелся, сурово сказал:

– Ужиной покормишь, но не дюже. Сам горшки проверю.

И нишкни у меня!

А в доме пустота, будто здесь сроду детей не водилось.

Ведет Минька девчонок по кедрачу, купают они свои подолы в инистой росе, как голодные медвежата, хватают шишки с земли, грызут орехи, чтобы хоть чуть утолить сосущий голод. Жуткая жизнь, каторжная жизнь...

Взошло солнце, брызнули золотистые нити среди стройных кедров, березок, кленов, заиграли веселые зайчики, довольные, сытые. Дохнул ветерок, качнулся настоенный на хвое воздух, отряхнулась роса на плечи детей, они зябко пожились в своих рваных зипунишках. Не видят они всей прелести утра, но увидели, как свисла тугая лиана винограда с кедров, а на ней синие, росные гроздья. Наперегонки, как волчата, ринулись к дикому винограду, тянут, рвут лиану, запихивают холодные ягоды в рот: кто больше, кто быстрее. Кислота и оскомины во рту, в животе рези.

– Будя, давайте собирать шишки. Тятка увидит, то будет вам на орехи, – заворчал Минька и первым бросил в мешок шишку.

Стоголовый табун отборных коней притих у рощицы. Дремлет после ночной пастьбы. Вожак-жеребец положил го-

лову на холку молодой кобылице, закрыл глаза, спит. Но уши его чутко стерегут тишину. Комаров уже нет. Кони лоснятся от измороси и сытости. Скоро за конями приедут купцы, скупят всех жеребчиков, они пойдут на войну. Кобылиц и племенного жеребца Евтих не продает. Снова посыплется золото в кубышку Евтиха. Но от этого не будет легче Зиновию, Ваське, будет тяжелее. Отец с каждым годом делается всё злее и страшнее. Все живут впроголодь. Сам же жрет за семерых да еще приговаривает: «Оттого я и сильный, что отродясь досыта не ел. Счас можно и поесть. Учитесь у отца, и будете здоровы и сильны. Зиму – на репе, весну, лето и осень – на травах. Есть на ночь тягостно, с утра лихотно. Цыц у меня...»

Крадется к кобылице Зиновий с туском. Не всякая подпускает. Доит. Потом жадно пьет густое и сладкое молоко. Но чтобы утолить голод, надо четыре-пять кобылиц выдоить.

Стонет от безвыходности Зиновий. Косится на бердану. В голове задумка – убить отца. Убить, и самому досыта наестся, других накормить, а там хоть сто каторг. Зреет черная мысль. Растёт.

Сенька – погодок Зиновия – доит корову и живет той же мыслью: когда сдохнет отец. Он еще не созрел до того, чтобы убить отца, но скоро созреет.

А Хомин, не ведая об опасности, метался по своему обширному хозяйству: то он на паровой мельнице, то на паровой молотилке, то у коней, то у коров, которых тоже несмет-

ное стадо, – но эти коровы мясные, под нож скоро пойдут; то в мастерской, где мастера-работники гнули полозья, делали сани, колеса к телегам, телеги двух видов изготавливали. Это все Евтиха Хомина, каждый работает на него. Полоз к саням – рубль, каждый сноп – тоже копейка, которая тянет за собой рубль. Рубли, рубли, рубли, золотые десятки, пятерки серебряные – бумажных Евтих не признает. Так надежнее, так вернее. Плевать хотел Евтих на сберегательные кассы, свои деньги он в заветном месте сбережет. На эти рубли надо бы спасти Зиновия от войны... Нет, не будет спасать он сына. Чать, не пропадет. Бросать золото кому-то? А там Ваську надо будет спасать. Сенька, тот явно негож для войны: хил, плоскостоп. Э, пусть идут на войну – меньше ртов. А пока пусть куют деньги. Забежал в кузницу. Здесь малиновый перезвон молоточков – тоже куется деньга для Хомина. Плуг починить? Можно, гони пятерку, нож отковать – рупь. Деньга к деньге клеится. Жаль, что жизнь человеческая коротка, так бы можно и в знатные выбраться, горы подровнять и хлеба там засеять. Должен успеть еще многое сделать, ежели что...

И успевал Евтих Хомин хапать, рвать, держать детей и работников в черном теле.

Помнит Зиновий, как уходил на войну Евлампий. Они тогда строили новый заездок. Евлампий не заметил отца, вяло бил по колу, загоняя в дно реки. Плеть обвила его плечи. Вскрикнул Евлампий, схватил кол и бросился на отца. Рос-

лый, пожалуй, уже мало в чем уступал в силе отцу. Но Евтих увернулся от кола. Ударил под дых, и Евлампий покатился по земле. Отец, пока сын не потерял памяти, сёк и сёк непослушника.

А утром – повестка на призыв. И ушел Евлампий, упротил воинское начальство забрать его на войну. Порот, так те полосы за дорогу заживут. Взяли.

И сразу – круг друзей. Еда в кучу, только Евлампий ничего не мог туда положить, кроме черствого хлеба, что сунула мать. И может быть, впервые в жизни досыта наелся Евлампий. Кто-то пошутил, что, мол, нам бы той едомы хватило на полдороги, за скольких воевать-то будешь?

– За десятерых, ежели кормить будут.

– Дома не кормили, что ли?

– Кажись, нет. Уж не помню, когда и ел, – застенчиво улыбался Евлампий, держа в руках рыжую пахучую булку.

Отец вырвал булку из рук сына, бросил:

– Хлеб едят вприкуску, вприглядку. Под пули не лезь, сам видишь, сколько делов дома. – Сунул булку себе за пазуху.

Загудели новобранцы, грозный гул прокатился по рядам. Хомин не стал ждать развязки, прыгнул на коня, ускакал в деревню.

– Очумел мужик, – бросил кто-то. – Жадность сделала зверем.

Зиновий задремал. А тут отец разбудил ременной плетью. Вскочил, сдернул с предохранителя затвор, едва ли понимая,

что творит, в упор выстрелил в отца. Евтих охнул и начал заваливаться, но с седла не упал. Жеребец взял с места и унёс хозяина в деревню.

Зиновий обуздал дойную кобылицу, закинул бердану за спину и ушел в горы. В тайге одним бандитом стало больше. Кто-то будет умирать от его пуль, но ведь и бандитам надо есть.

Выходила Евтиха баба Катя. Пуля прошла по легкому, не тронув костей. Да и здоровье Евтиха спасло его, выдержало могучее сердце. За время болезни дети хоть чуть посвежели. Анисья успела их подкормить.

Евтих за поимку сына обещал пятьсот рублей. Но не так-то просто было поймать Зиновия. Он влился в шайку дезертиров. Мало того, что грабили на тропах людей, так однажды банда угнала табун хоминских коней, сумела перепродать купцу-барыге – с того и прожила безбедно зиму.

Всё круче и круче закипала жизнь в тайге.

Часть вторая. Росстань

1

Федор Андреевич Силов остановился на вершинке сопки, вглядываясь в синеющую даль. Тоскующим взглядом обласкал тайгу, облысевшую по осени и еще больше хаотичную. Сел на валежину, задумался.

Тысячи верст прошагал он по этим сопкам, нередко приходилось защищать себя от зверей и хунхузов, но начини он жить сначала, повторил бы то же. В тайге жизнь кручёная, но он любил ее: и эту сторожкую тишину, и легкие вздохи ветра, и гул тайги, и сумасшедшие грозы, и даже жуткие зимние бураны. Силов не просто все это любил, он сжился, сросся со всем этим, стал частицей тайги, дышал тайгой.

– Господи, ну пошто я должен куда-то ехать, делать нелюбимую работу! Маяться без всего этого? – провел рукой по сопкам. – Пошто?

Помолчал, сам же себе ответил:

– Нельзя смущать душу такими словами, недолго и дезертиром стать. Россия в беде, не след в тайге хорониться. Люди трусом обзовут.

Октябрь догорал, шел к концу 1916 год. Разноцветьем закатных красок полыхало небо. Тихо опадали последние ли-

стья. Тайга засыпала, уходила в зимнюю стужу.

Еще одна ночь у костра, чуткий сон... Утром пора выходить домой. А уж из дома трогать в дальнюю дорогу, проезжать шумные вокзалы, выстаивать очереди у водогреек⁴⁰ и, наконец, очутиться в не менее шумном и колготном Петрограде. Оказаться в каменных дебрях, где бродят крамольники, шумят противники войны.

Последний сон в тайге. Последняя тишина над спящим. Хотя какая уж там тишина! Только вчера над тайгой гремели выстрелы, и он, Федор Силов, перебегая от одной лесины к другой, отстреливался от бандитов. Едва ушел. Из всех бандитов узнал лишь Зиновия Хомина. Дважды стрелял по нему, но, кажется, промазал.

Нет, нужен новый поворот в этой жизни, новая жизнь, не то вся Россия станет бандитской. И этот поворот скоро должен наступить. Подыметесь народ, скovyрнёт царя и его прихвостней, тогда, может быть, и наступит мир. Но как же быть с германцами? Ходил слушок, будто царь ищет зацепку, чтобы заключить мир с Германией, бросить союзников. Нет, союзники не допустят такого разрыва. Воевать России, пока народ не скажет своего слова. Это твердо уяснил себе Федор Силов еще в 1915 году, когда был мастеровым солдатом Путиловского завода, куда был призван из дальневосточной глухомани, чтобы плавить для войны сталь, делать для вой-

⁴⁰ Водогрейка – небольшое деревянное строение на железной дороге с котлом внутри, где пассажиры могли бесплатно брать кипяток.

ны пушки. Там-то он и понял, что только большевики могут кончить войну, большевики и народ.

И Федор Силов, тайгарь, вольница таежная, человек, который в этой тайге нашел немало угля и железа, уже скоро, после завершения полевого сезона, снова вернется в Петроград и будет надрываться на нелюбимой работе: разгружать уголь, возить на тачке тяжелые чугунные чушки.

Недавно был разговор с капитаном Ваниным из поселка Ольга, которому Федор неоднократно помогал в проведении геологических изысканий. Ванин согласен, что царь и князь Михаил – полные невежды в военном деле, что генералы продали Россию, что надо ставить во главу России умных и честных президентов, как это делается в Америке.

– Но ведь этого мало? Мало. Поставим на американский лад президентов, а в России останутся бринеры, путиловы, морозовы, крупенские. Снова на них горб ломить? Тогда как? – спросил Федор.

– Что будет дальше, не знаю. Не раз мы доходили до этого места, и стоп машина! Может быть, тех Бринеров приструнит Государственная Дума.

– А в той Думе снова же будут сидеть бринеры. Себя-то они не обидят. Помнишь, ты говорил про Энгельса? Ты тогда не договорил. Энгельс за всем этим предрекал победу рабочего класса как класса правящего, класса-диктатора. После этой войны, которая перерастет в революцию, во многих государствах падут монархии, наступит всеобщий социализм.

Это когда всё общее: земля, воды, недра. Когда все равноправны, сыты, одеты, обуты. И править этими странами будет рабочий класс. Отберем дворцы у путиловых и поселим туда рабочих. Хватит нам жить в наших лачугах.

– Федор Андреевич, эта мечта мне давно знакома. Это утопия. Несбыточность. Мечта социалистов-утопистов, так их называют. И вы, большевики, тоже утописты.

– А что бы ты предложил?

– Я пока ничего нового не могу предложить, кроме американской демократии. А социалистическая система управления государством – это бред. Рабочий и мужик у власти... Смешно. Мы тоже уже об этом говорили. Ты сам сказал, что не хватает тебе грамотешки, а то бы ты шар земной с оси сдвинул.

– А как же будет, когда победит революция?

– А так и будет, Федор Андреевич, что страной будут править диктаторы, в добром понимании этого слова. Будет обычное единовластие, чуть разбавленное жижей свобод. Нельзя править государством скопом, ведь каждая голова – это уже государство. Только диктаторство, пусть выборное, но диктаторство, как это было в Греции, как это есть в Америке.

– И выйдет снова, что один ноги бьет по тайге, а другой ноги бьет на балах? Так?

– Так, только так, товарищ Силов. Единственный путь, который бы я предложил России, – это путь американской де-

мократии. Всё, что мы своими ногами и головой найдём, – для России. Для нас с тобой. Пусть нами правят крупенские, но лишь бы в дело, лишь бы процветала Россия. Ты сам знаешь, что буржуазия и интеллигенция уже сыты царем. Нужны свободы, нужны преобразования. И они будут. Народ будет накормлен. А когда народ сыт, то он не станет делать революцию. Революции делает только голодный, только униженный народ, когда уже дальше дышать нечем. А то, что ты предлагаешь – отнять всё у богачей, – может привести не только к революции, но и к гражданской войне. А это, Силлов, страшно! Дворцовый переворот в сторону демократии, и хватит! А поднять на дыбы всю Россию – это ужасно. Энгельс – мой любимый пророк, но пророк страшный.

– Может быть, вы и правы, Борис Игнатьевич, но так дальше жить нельзя. И я пойду в революцию хотя бы потому, что народ голоден, потому что нас считают хамами, вонючими свиньями, будто мы рождены не от таких же матерей...

Силову не спалось. Уже и звёзды прокрутились на небосводе, притух костер, а всё не спалось...

В 1913 году ему, рудознатцу, присвоили звание проспектора⁴¹. Он подписал договор с Крупенским, что будет искать руды только для него и его акционерного общества, для престарелой императрицы Марии...

Война. Над родиной нависла опасность. Всех горных инженеров перевели в казённую разведку искать руды, рабо-

⁴¹ Проспектор – разведчик недр, рудоискатель.

тать на войну. Работали дружно, не вспоминали старое.

Год войны. Задохнулась Россия, выбилась из сил и Германия. На заводах некому работать. Всех, кто хоть чуть разбирался в железе, был мастеровым и немного грамотным, – всех призвали. Никто не смог защитить и Федора Силова от призыва. Сколь ни бегали, ни хлопотали Ванин и Анерт за Силова, его призвали. Ванин – либерал, застенчиво улыбался, разводил руками, мол, не получилось. Анерту чужд либерализм. Он жёстко говорил:

– Есть приказ, надо выполнять. Зиму все равно ты без дела сидишь. Там нужнее. На лето будем вызывать. Хорошо, что еще на завод, а не на фронт. Не дуйся, не так уж ты велик, чтобы держать тебя под стеклянным колпаком.

Мог бы этого и не говорить Анерт, не обижать Силова, но от фронта его отстоял именно он. Боялся потерять голову Силова, в которой еще много тайн. Сгодится. Силов себе на уме: памятные рудные точки у него явно есть на примете. Есть! Думает, что если покажет все, то его ценить не будут. Так понял Силова Анерт. Берёг как мог. Выдал удостоверение, рекомендовал использовать на геологической службе: «Федор Андреевич Силов, хуторянин из Широкой пади близ п. Св. Ольги, в 1914 и 1915 годах служил в моей партии. Он оказался человеком весьма смышлёным и трудолюбивым. Вместе со своими братьями производил все починки сельскохозяйственных машин (слесарные, кузнечные и столярные работы), хорошо знаком с горными породами и ру-

дами и их поисками и разведками, умеет обращаться с простым и горным компасом и наносить наблюдения, почему может быть весьма хорошим мастеровым, десятником и т. п., посему вполне могу его рекомендовать на всякую подобную службу. Горный инж. Э. Анерт. 7.08.1915 г. СПб.».

Вспомнились события годовой давности: туманный Петроград, как на извозчике добирался до Путиловского завода, предъявил документы.

– Экая простота твой Анерт, – усмехнулся чиновник. – Он что, думает, у нас сельхозмашины чинят? Здесь, батенька мой, пушки льют, оружие для войны куют.

– Я могу ковать, слесарить...

– Тут он пишет о рудах, вот и пошлю тебя уголек разгружать из вагонов. Надеюсь, эта руда тебе известна? Ну и добре. Ша, завтра на работу. Сегодня подыщи себе уголок, мы квартир не даём.

Там-то и начало копиться зло, оттачивалось понимание. Десять-двенадцать часов на работе, два-три в очереди за хлебом, короткое забытье в холодной камерке – и снова работа. Чужая, нелюбимая. Одна мечта – всласть выспаться, но, как назло, не спится.

Федор поднялся, подшевелил костер, снова прилёг, чтобы заснуть. Вспомнились слова Ванина: «Силов спит, а рудные точки растут в его голове».

– Нет, Ванин, сейчас не рудные точки растут, а сила для борьбы копится.

Снова в то пекло на шесть месяцев. Должен выдюжить. Борьба нарастает. И всему тому виной война. Неужели человек рожден для войны, для насильственной смерти? Нет. Он рождён для любимой работы, для счастья. Генералы друг с другом меряются умами, а солдаты расплачиваются смертями.

Большой объем изысканий выполнил Силлов за лето 1916 года. С открытия полевого сезона дома был всего два дня, и снова в тайгу, на любимую работу.

Вспомнился приезд в родной хутор. Отец встретил суровым взглядом, набычился, даже руки не подал, спросил:

– Есть слушок, что ты стал большевиком. Так ли это, ответствуй!

– Стал, ну и что дальше?

– Я уже слышан о вашей программе. Станешь вместе со своим Лениным грабить мой хутор, сводить крепкого мужика на нет? Мои дела по боку? Так я тебя понимаю?

– Так, но чуть не так. Ленин говорит, что земля тому, кто на ней работает. Ты работаешь на земле, тебе и жить. А вот помещики, – здесь их, правда, нет – тем придется отдать свои земли. Укоротим их разбой. Да и хапуг надо чуть попривередничать.

– Значит, я хапуга? – побагровел Андрей Андреевич.

– Догадлив. Значит, что-то водится за тобой. Пока не поздно, сделайся чище. И только.

– А если останусь каким был, ты моим хутором будешь

править?

– Народ будет править, ежели не одумаешься.

– Так, значит, хочешь отца и всю Россию пустить на ветер?!

– Нет. Сделать ее лучше, чище. Так что думай, тятя. Дай срок, и Россия встанет на ноги. Окрепнет так, что ни один гад не посмеет на нее напасть. А пока сидят эти недоумки, дела не будет.

– А мы восстанем супротив вас! – загремел Андрей Андреевич.

– Зря. Ить вас немного наберется. Вся Россия в окопах, вся при оружии, будет чем вас усмирить.

– Так, значит, точно быть революции?

– Точно. И кто будет путаться под ногами, тех в порошок перетрем.

– Вот ты, вот ты как заговорил, сынок! Знать, война, и верно, дело худое, ежели из тебя сделала большевика. Хватить бы тебя за патлы! Погожу. Одно скажу, что ты большевик не по убеждению, а по несчастью. Вот учитель Иван Масленников⁴² – тот большевик по убеждению, с пелёнок, а ты просто

⁴² Масленников Иван Сергеевич (1885–1921) – житель Ольгинского уезда Приморской области. Учитель в поселке Ольга. Член РКП(б) с 1919 г. В марте 1917 г. был избран депутатом Владивостокского Совета. В 1919 г. арестован белогвардейцами и заключен во Владивостокскую тюрьму. В 1920 г. после свержения генерала Розанова был освобожден, назначен уполномоченным ДВР по Ольгинскому уезду Приморской губернии. Арестован белогвардейцами в Ольге в ноябре 1921 г., вывезен во Владивосток, где был зверски убит.

пришей кобыле хвост, – пытался уязвить сына отец. – Придет время, и тебя за половинчатость к стенке поставят твои же друзья.

– Убеждение не приходит само по себе. Мог я остаться и не большевиком. Война, верно, стала тому причиной. Я избрал себе тропу и не сверну с нее. А ты тоже подумай, какой тебе тропой идти, когда выйдешь на расстань. Мнишь ты себя богачом, а ты не больше как сморчок. Даже твой Крупенской, Бринер – и те сморчки, супротив Морозовых и Путиловых. Все вы букахи-таракахи. Вот и думай, куда ногой ступить, чтобы не промочить ее. Убежденность? Не будь войны, то наш таёжный народ жил бы и дальше, считая, что он у бога за пазухой, война многим мозги просветлила. А случись заварушка, многие встанут на сторону мира, а его могут дать большевики, ибо только они не погрязли в разных сговорах и сделках. Ты в тайге можешь остаться один. Жамкнут тебя, и был таков. Ты знаешь наших тайгарей – вошкаться не будут. Сам такой же.

– Что прикажешь делать, товарищ большевик?

– Думать. Начни с того, что наш общий друг Крупенской кровно обидел твоего сына. Сунулся я к нему во дворец, а он и на парадное не пустил: грязен, вонюч, хам и таежная свинья. С этого тоже начинается большевик. От капелек делается человеком. А что мы дали Крупенскому, ты больше меня знаешь.

– На порог не пустил? – мотнул бородищей старый Си-

лов. Его чистое, не по-стариковски молодое лицо исказилось гневом. – Не пустил? – пудовые кулаки грохнули по столу. – Врёшь!

– При встрече сам спросишь его. Счас снова укатил в Японию.

Надолго замолчали.

Даже когда Федор уходил в тайгу, Андрей Андреевич не вышел провожать его, насупленный, злой, ходил по двору, никого не подгонял. Что-то в нем надломилось. Он не считал себя равным с генералом, но и не думал, что сын его, он сам в глазах генерала не больше как подъярёмные кобылки, хамы. Глаза прищурены, крутые желваки ходят на скулах.

Федор внутренне улыбался: отец думает, отец оскорблен. Может быть, впервые в жизни он осознал отношение к себе как к ничтожеству и, встретив Анерта, потребовал от него объяснений.

– Ответствуй мне, Эдуард Эдуардович, мой сын, а это значит, и я, нашёл тысячи рудных точек, открыл десятки богатых месторождений, а какая нам будет от этого слава? А? Вот он и сейчас уходит делать то же, что делал много лет.

– Вы о чём, Андрей Андреевич? О славе, о бессмертии? Ну что, я отвечу, как ответил бы вам любой честный дворянин: не будет вам ни славы, ни почестей. Почему? Полагаю, потому, что вы мужики. Пусть талантливые, но мужики. Да, вы много делаете и сделали для России, так убеждал вас и я, и Крупенской, и Ванин. Но всё, что открыл твой сын, всё, что

сделал ты, когда будут разбирать наши заслуги перед Россией, припишут Крупенскому, Ванину, Анерту, наконец. Мы открыли, мы разведали, а не вы, мужики. Нас будут помнить в веках, а не Федора или Андрея Силовых. Я вот пишу книгу «Богатства недр Дальнего Востока», в ней раза два будет упомянуто имя твоего сына, не больше. Остальное открыли мы: Ванин, Анерт и иже с нами. Всё! Мы, геологи, – народ ревнивый. Мы тоже, как и все первооткрыватели, не прочь поставить себе при жизни памятники в тайге на века. Покажи мне такого дурака, который бы отказался от первооткрывательства! Нет таких и не будет. Твой сын – проспектор, а ты наш помощник. Вы из серых кобылок, а мы горные инженеры. Большая рыбка всегда пожирает малую. Будь твой сын ученым, его имя давно бы гремело на всю Россию, на весь мир. У него глаз и нюх на камни. Но это поможет нам быть известными. На то и живут проспекторы, чтобы нас прославлять.

– Хорошо пояснил. А я-то, дурак старый, тем и жил, что, мол, не забудет меня Россия.

– Сразу забудет, как только понесут вас на погост. Генералы воюют, а не солдаты. Генералы побеждают, а не солдаты. Генералы будут праздновать победы, а не солдаты. Солдаты – ничейные люди, как и вы. Толпа, серая масса. Генералы будут праздновать победу, а солдаты расползутся по своим лачугам, чтобылизать раны. Это правда, и правда голая, Силов. Близок тот час, когда и ты, и твой сын будете скри-

петь зубами, изнывать душой и никому не докажете, что вы что-то открыли, что-то сделали. Ответом довольны?

– Премного доволен, – затаённо усмехнулся Андрей Андреевич. – Великий вы человек, Эдуард Эдуардович, такое, убей меня, никто не скажет. Или вы по-дворянски заносчивы, или вы так смелы и умны, что вам сам чёрт нестрашен. М-да... А ежели я прикажу сыну больше не искать руды, тогда как?

– Он будет искать. Он будет их нам показывать, потому что честен, да и сейчас работает на казну.

– Я ему посоветую находки свои не показывать вам.

– Опять же, честность не позволит ему обманывать нас.

– А где же ваша честность?

– Я уже все объяснил вам, Андрей Андреевич, больше не задерживаю, – кивком головы отпустил старика Анерт.

Анерт встретил Федора, дал ему инструкцию, где было написано: «Осмотреть месторождение серебро-свинцовой руды в Сухой пади, системы речки Арзамасовки, снять планы выходов рудных жил... Взять пробы... Определить падение и простираание, а также мощность серебро-свинцовой руды. Снять планы всех выработок, которые велись около села Щербаковка...»

И ни слова о плавиковом шпате, ради которого отзывался в эти края Силов, лишь строго взглянув, спросил:

– Есть слушок, что ты связался с большевиками?

– Говорят, зря не скажут.

– Не смей! Мы люди вне политики. Наше дело – искать руды, руды и только руды. Пусть политики занимаются политикой, а мы – делом.

– Волк не пойдет в собачью конуру, он будет искать волчью.

– Непонятно.

– Позже станет понятно.

Андрей Андреевич встретился с Ваниным и обратился с тем же вопросом. Ванин ответил:

– Я понимаю вас, Андрей Андреевич. Каждый человек хотел бы что-то оставить после себя: имя ли доброе, славу ли громкую. Но вы сможете оставить лишь добрую память, помогая России.

– А ежели изменить этот строй, может быть, там мы не будем забыты?

– При чем тут строй? – поморщился Ванин. – Душу первооткрывателя никаким строем не изменишь. Можно сменить сотни государственных систем, но нельзя изменить шкурнические начала человека. Для этого нужны века, тысячелетия, чтобы человек сделался чище, не столь бы пекся о своей славе, о бессмертии, если хочешь знать, эфемерном бессмертии.

– О себе не говорю, но вы хоть одно месторождение называли именем моего сына?

– Нет. Я ни одного не назвал и своим именем. Зачем? Анерту не нужна слава, и я без нее проживу. Кому надо нас вспомнить, те вспомнят.

– А вы, Борис Игнатьевич, изворотливее будете Анерта.

– Почему же?

– Обходите острые углы. Анерт будет откровеннее вас. Но суть-то одна. Прощайте! – поклонился Андрей Андреевич. А в душе – кипение, в сердце – зло.

Федор Силов вышел из тайги, выполнив задание Анерта, чтобы получить другое. Отец встретил его добрее, с какой-то грустью в глазах, еще непонятной Федору.

– Вот что, сын, ты прав, что мы нужны этим брандахлыстам, как серые кобылки, и не больше. Я прикажу тебе не искать больше руд. Хватит, сделал ты много, пусть другие сделают столько же.

– Пустое это, тятя. Ежли повадилась собака за возом бегать, то уж не отвадишь. У меня ажно тело зудится, когда я зря сижу дома. Искать камни – это тоже охота, только еще более приятная. Никого не убиваешь, а находишь – радуешься.

– Но знай, что твои начальники нигде не упоминают твое имя.

– Я знаю об этом, тятя, давно переболел этой пустяковой славой. Соль не в этом, а в радости первооткрывателя. Каждый день сулит тебе новую находку, и ты бежишь и бежишь за ней. Это хорошо, в душе песня. И пусть они не помнят нас. Придет час – и мы их забудем. Главное, надо знать, что всё, сделанное тобой – сделано для России! И не нудись за себя и меня.

Федор получил новую инструкцию, где Анерт писал: «Вам

по той же программе осмотреть месторождения молибденового блеска около устья Сяо-Чингоуцзы, в верховьях реки Ванчина железную руду, месторождение серебро-свинцовой руды по Лязгоу, в трех верстах от деревни Соколовки. Анерт. Начальник Южно-Уссурийской партии Засучанского края».

Ушёл Федор, а Андрей Андреевич долго ворочался на печи. Как ни уляжется, всё жёстко, хотя под боком перина, под головой пуховые подушки. Этот гордый таежник не мог примириться с той правдой, которую получил из рук Анерта, Ванина. Думал: «Как это я, Силов, который гонял, рвал и метал, сам надрывался, чтобы сделать больше и для себя, и для России, вдруг оказался в нетях? Меня просто грабили, обманывали. А может быть, не обманывали, ведь и не спрашивал ни о чем Крупенского, Ванина. Значит, заблуждался? М-да. Что делать? Рассчитать рабочих, что продолжают работать, какая бы там ни шла война, на Крупенского, на императрицу Марию? Нет. Тогда просто вышвырнут с хутора и обесславят. Из этих лап тигровых так просто не вырваться. Может быть, прав Федька, что изжили себя наши министры-капиталисты, и царь тоже? Встать на сторону большевиков? Дело несложное. Абы в дело, абы к месту, и новой власти нужны будут руды, золото, серебро. Ни одна власть без того не проживет. Надо сказать Федору, чтобы придержал часть своих находок для новой власти, ежели она будет. Да и ванинские карты при случае прихватить не мешает. Особливо надо молчать о на-

ходке в Лудёвой пади⁴³. Сгодится. Ежли всё будет народно, то и мы будем народны – всё наше...»

Далеко уходил в своих мечтах Андрей Андреевич, даже липким потом покрывался. Демократия – значит, свои рудники, свои дворцы. Полный разворот рукам и душе. Хорошо. С хрустом чесал волосатую грудь. Ванина пока не надо трогать, а будет шумок, тогда под крики и выстрелы спровадить, карты его захватить. Эти люди так просто своего не отдадут, пусть они либералы аль живоглоты – все с одного поля сжаты. Карты Ванина – это шальные деньги. Свой рудник в пади Лудёвой, рудник у Щербаковки, железоплавильный завод у горы Белой. Хватит сыновьи труды продавать за бесценок. Всем хочется пожить широко и ладно, свое имя оставить потомкам. Как ни клянут Бринера, а это он вдохнул жизнь в Тетюхинскую долину, он заставил всех зашевелиться, открыть свои кошельки. Нужны будут и Силовы. Федора – на выучку. Дело должно пойти. И тогда видно будет, что и как.

Своими мечтами поделился с Федором. Федор ответил:

– Глупые задумки. По-твоему выходит, что большевики для того затевают революцию, чтобы снова жили разные бринеры?

– Но ведь и большевикам не обойтись без бринеров? Кто им будет добывать свинец и серебро? Кто без ваниных и анертов, да и без тебя, будет руды приийскивать?

⁴³ Лудьё (Лудео) – с 1972 г. река Кавалеровка.

– На первых порах, может быть, и не обойтись, потому как народ безграмотен. Но дальше нам с Бринерами будет не по пути. Это уж точно. Об этом нам говорят наши учителя, на это настраивают народ. Новая власть даст грамоту, даст новых инженеров. Бринеры же всячески будут стараться держать рабочего в серости.

– Вот здесь ты, сын, не прав. Тот же Бринер уже создал рабочие школы, потому что и ему нужны грамотные рабочие, чтобы грамотно работать на американских машинах.

– Но дальше того, чтобы работать грамотно на машинах, Бринер не пустит рабочих. У каждого монастыря свой устав. И нас господин Бринер не пустит в свой монастырь.

– Так, так... Выходит, что нам без бунта не обойтись?

– Нет, тятя, не обойтись. Он будет, он должен быть, чтобы вытянуть Россию за уши из серости и грязи. Большевики говорят, что мы не пойдем по пути Америки.

– А ежели всё же пойдем? – щурил хитрющие глаза Андрей Андреевич.

– Такое сделать проще: убрать царя, поставить на его место президента вместо Государственной Думы, коя уже провалилась, – Учредительное собрание. И живи, Россия, крепни, Россия. Это – половина мер, которая ничего не даст рабочим и крестьянам. Я тоже жил до Питера этими думами, большевики их перетрясли. Перетрясай и ты.

– Может быть, и перетрясу, буду ли я с большевиками или с кем другим, но с Россией навсегда останусь, с новой Рос-

сией.

Восток начал сереть. Так и не уснул рудознатец, мешали думы, воспоминания. В чем-то и отец прав: ежели убрать сразу всех бринеров, морозовых, то анархии не миновать. Значит, надо как-то сойтись с ними. Но как?

Федор поднялся, еще раз посмотрел на сопки, чтобы навсегда запомнить их изгиб. Если придется побывать здесь еще, то уж не заблудится. Даже не попил чаю, пошел на тропу, чтобы выйти к обеду в Улахинскую долину, в Каменку. Денек-другой пображничать у староверов. Он в последнее время часто думал о делах России, о том, что творилось в мире, и даже здесь невольно закрадывались мысли об этом. Под ногами шорох опавшей листвы, от которого шарахались в стороны звери. Под ногами то, что месяц назад цвело и благоухало. Всё стало навозом, тленом, прелью. При таком сравнении поёжился. И он, Силов, скоро может стать таким же тленом, каким стали уже миллионы людей. Не хотелось. Надо успеть найти новые рудные точки и передать свои находки в надежные руки. Что греха таить, не всё он передал Ванину и Анерту. И не передаст. Придут к власти большевики, тогда все карты откроет. А пока погодит.

Арсё и Журавушка обрадовались приходу Силова. Затащили его в пристройку, где жил Арсё, сгношили стол, поставили туес медовухи, выпили, и потек неспешный разговор.

– Что Петроград? Каменная тайга. Заблудиться запросто

можно. Народ там живет разный. И в этой разности всё переплелось: одни за царя, другие против, десятки партий. Ежли всех слушать, то можно и голову потерять, потому как каждый говорит от имени народа. А народ-то кто? Это мы, вы, рабочие. Вот кто народ. И каждый норовит на его хребте выскочить в верха, покататься, а потом отринуть за ненадобностью. Большевики – те с народом. У них всё просто, без завихрений: бело, значит, бело, а не чёрно. Другие же крутят, вертят, и пока скажут суть, такое наговорят, голова кру́гом. Не попади я в Питер, то, может, до се был бы помощником царю и его двору.

– А мы давно супротивники царя, – с порога заговорил услышавший последнюю фразу только что вошедший Со-нин. – Но слиняли. Пошли за царя. Ну, здрав ли ты, Федор Андреевич? Добре. Наливайте и мне. Меня не бойся, я снова пошел супротив царя и войны. Наши хотели меня смерти предать, вернее, командир Бережнов хотел. Народ с ним не согласился. За что? Назвал я себя «большевиком Христовым».

– Таких не бывает, Алексей Степаныч. Есть просто большевики – социал-демократы. Христа они не признают.

– Пусть не признают, суть не в том. Но они супротив войны, царя и его плотогонов. Я их признаю, пусть и они меня признают. Будет бунт, я в то верю. Ну убрали мы царя, народ почал править миром. Так? Но ить народ – это стадо, а тому стаду нужен пастух, наставник, значит. Добрый наставник,

ладный пастух. Есть ли у вас такой?

– Есть, Алексей Степаныч. Хороший пастух. Сам я его не видел, но кое-что читал. Ладно и складно пишет.

– Все пишут ладно и складно, говорят еще складнее, но спать приходится на жестковатой постели. Мягко стелют, а... – развел руками Сонин. – Хочу спросить больше. Вот, к примеру, убрали мы царя – он пустоголов, – а что же дальше? Куда будем девать рачкиных, мартюшевых, бережновых? А? Этих кровососов народных? Понятно, что вы хотите убрать кровососов покрупнее, а что же делать с этой мелочью?

– Вот этого сказать не могу. Как-то не задумывался.

– Ну, тогда ты ненастоящий большевик, как и Шишканов. Тот начал плести, что, мол, с такими людьми надо говорить, воспитывать, то да сё. Дураки. Эта-то мелочевка и не даст вам ходу. Они ить тоже стрелять умеют. А их в тайге нашей много. Так что же делать с мелочевкой-то?

– Не знаю.

– Ну ин ладно, потом узнаешь, что они и почем. Пошел я. Думал, ты настоящий, а ты еще так себе. Хочешь быть настоящим, то зри в корень. Вот мне бы поговорить с вашим Лениным, тот, говорят, настоящий. Денег бы не пожалел, поехал бы в Питер, чтобы душевно поговорить, правду настоящую узнать. Эх ты, охламон, под Лениным ходишь, а дела не знаешь! Ленин отсюда далеко, ежели что начнется, то кто нас поведёт? Ты? Так ты дело-то по-настоящему не знаешь. Наломаешь дров. Зряшно сгубишь народ. Понимаешь аль нет?

– Понимаю, – пристально посмотрел на Сонины Силов.

– Все вы ненастоящие! Негде мне повидать настоящего, чтобы все познать, душу свою наизнанку вывернуть. Где? Тебя спрашиваю, Силов! Знай, где они, то поехал бы в Питер, поговорил бы, все смерил, уж потом бы сук рубил. А то здесь ничего толком не знаешь, блуждаешь, как говорится, в трёх соснах. Так можно и умом трёкнуться. А ты черт-те что: назвался большевиком, а ни в зуб ногой.

В сердцах хлопнул дверью, ушёл. Ушёл со своей болью, со своим душевным стоном.

Федор тоже недолго бражничал. Начал спешно собираться, чтобы бежать домой. Побратимы пытались его удержать, мол, завтра выходим в тайгу, подбросим на конях до «кислой воды»⁴⁴. Не удержали. Ушел. Ушел, чтобы через день-другой уехать в Петроград. Узнавать, учиться, чтобы стать хоть чуть, да настоящим большевиком.

⁴⁴ «Кислая вода» – место выхода вод минеральных источников типа нарзан на поверхность.

2

В эту душевную расстань, в эту предзимнюю слякоть и распутье вернулся в Божье Поле с фронта Федор Козин. Этот отвоёвался: хром, рука подвешена на грязном бинте, похудел, посерел, ко всему кашляет, будто болен чахоткой, смалит табачище. Раньше не курил. Постарел, будто ему не за двадцать, а за сорок.

Сбежались сельчане на подворье Козиных, которое запустилось и захирело без хозяина. Ждут, когда начнет рассказывать о войне фронтовик. А он молчит, будто оглушённый. Посматривает на людей, а в глазах слезы, крупные мужицкие слезы. Ждут и того, что, может быть, Козин видел кого из своих? Кое-кто продолжал думать, что фронт – это вроде деревенская улица, где можно каждый час встретить друга или недруга.

Козин молча начертил на грязи линию воображаемого фронта.

– Каждый вершок этой линии – тысяча вёрст. Можно ли запросто встретить там своего человека? А?

Замолчали. Раздумывают.

– И на этом вершке каждый час гибнет тысяча человек, собрать ту кровь – не вместится в речку нашу.

– Тогда Расскажи о войне! – подался вперед староста Ломакин.

Ведь Козин – первый фронтовик за эти два года. Кто, как не он, должен знать правду?

– Война – это обычная работа, только чуть труднее, чем у пахаря. Кровей много, смерть всегда стоит за спиной. На всякой работе есть роздых, а там его нет.

– Где тебя так исковеркало-то? – пытал за всех Ломакин.

– На Австро-Венгерском фронте шли в наступление, кое назвали позже Брусиловским прорывом. Потешились ладно, почитай, четыреста тыщ взяли в плен. А уж побили сколько, то не обсказать. По людским телам катили пушки. Надрывались с дружкой Петром Лагутиным, ну с тем, что обучал нас охоте. Устин Бережнов тоже был с нами. Так те сабли свои в ножны не вставляли. Бережнов – кавалерист, а мы батарейцы. В кровях тонули по колено. Все это по ночам мерещится. Тела, тела, тела, кровь и кровь. Страхотно.

– Сколько же это будет, четыреста тыщ-то?

– В нашем Божьем Поле двести душ женского и мужского пола. Значит, таких деревень можно было бы построить две тыщи. Целое таежное государство.

– Домой-то надолго?

– Это будет ведомо фельдшеру и воинскому начальнику. И судьбе тож.

Козин, уже сидя за столом, когда чуть выпил спирту, разговорился. А в глазах те же слезы. Не пристало мужику плакать, но что делать, ежели они текут и текут – непрошенные слезы.

– Видели мы, как германцы газом траванули наших. Что было! Господи, обсказать – и то страхотно. На земле валялись люди, как сутунки на речных косах. Другие еще бежали, куда-то бежали, будто хотели убежать от смерти, а она за ними. Потом ветерок крутнул в сторону германцев, и те попали под газ. Тоже навалили люду своего тысячи. И мы, наша «дикая дивизия», озверели. Отнес ветер газ, а мы следом. Казаки секли германца, спасу нет. Верст сорок гнали и рубили. Дороги, обочины дорог, поля – всё в трупах. По канавам кровь текла, как вода в распустье. Тягостно вспоминать. Не знаю, что думает люд честной, куда его затягивает коловерт? И куда затянет? А ить затянет! Сгинут и люди, и государства... Как тут у вас? Вижу, мирно, будто в глухом колодце сидите.

– У нас много лучше, но и здесь война всех подкосила, – начал рассказ Ломакин. Солдатки стали злее тигриц аль медведиц. Будешь зол. В пятнадцатом всё водой снесло – и хлеба, и овощи на полях. Голод у солдаток, а никто не чешется. Собрала твоя мать солдаток – и в Ольгу. Драку учинили с казаками. За наших ольгинские солдатки вступились, наводнение-то и их не обошло, там и пермские поднялись – и пошла писать губерня. Казаков загнали в их контору. Обложили, как медведей в берлоге, едва пристав упросил, чтобы выпустили его дать телеграмму в город. Пришёл корабль, с ним вице-губернатор Суханов⁴⁵. Во всё вник, во всё разобрался,

⁴⁵ Суханов Александр Васильевич (1853–1921) – статский советник, в течение

подкинул мучицы, зерна, семян, крупы. Ожили. Марфу как зачинщицу подержали чуток в каталажке, но вскорости отпустили. Потом они же взяли в шоры нашего купца Розова.

– Розов купец? – удивился Козин.

– Купе-е-ц. Да еще какой! Вона сам идет. Кормилец солдаток. Заставили стать кормильцем. Коней дает на пахоту. Заартачился было, но солдатки пригрозили дом сжечь, сдался.

Вошел Розов, его было не узнать: борода лопатой, усы закручены, одет в дорогой костюм, обут в хромовые сапоги со скрипом, золотая цепь через живот, который заметно выпирал, при шляпе, с тросточкой в руке. Козин не удержался и захохотал: чисто буржуй, которого он как-то видел на карикатуре в газете.

– Чего ржешь? – насупился Розов. – Сказал бы спасибо, что ваших от голодухи спасаю.

– С того и ржу, что вырядился ты, будто царя встречать. А у Козина и завалящего креста нет. Зря старался. Эх, господин Розов, а ить мужицкая-то лопотина⁴⁶ тебе куда больше к лицу, чем этот маскарад. Сидит все это на тебе, как на корове седло. Правду говорит народ, что на войне один худеет, а другой жиреет. Всех бы вас «розовеньких» взять, да на штык, чтобы люд чуток вздохнул. Не против германца вое-

ряда лет исполнял обязанности вице-губернатора, неоднократно исполнял обязанности губернатора Приморской области, был гласным городской думы. Отец Константина Александровича Суханова.

⁴⁶ Лопотина – одежда.

вать надо, а против вот таких, как ты, господин Розов.

– А землю германцу отдать?

– Корова ты яловая, землю отдать! А ты видел ту землю? Нет. Она уже кровями захлебнулась! Не дуй мне в ухо! – взревел Козин, подавшись к Розову.

– Я што? Я так, к слову, – попятился Розов.

– Как заговорил! Давно ли вместе лямку тянули? У кого-то в заднице засвербило – затеяли войну. Всех бы вас на одни вожжи – и на сук! Германскому мужику эта война тоже уже в горле застряла костью. Дарья, принеси стул купцу. Не обижайся, злы мы все стали.

– Да уж не обижаюсь, война и ангела сделает чёртом, – отступал Розов. – Всем иду на уступ, коли что...

– Идёшь на уступ, только всегда твой уступ начинается с рёва бычачьего, – проговорила Марфа, скромно угощая гостей.

– Как бы ни было, я за вас и за Россию радею. Недавно бросил на войну пять тыщ. Раньше о таких деньгах и не мечтал. Теперь и такое могу.

– Лучше бы солдаткам роздал, – проговорил Козин.

– Нельзя, царь из милости просил, не откажешь.

– А чего не бросать? С нашего пота нажиты. Дурак был Безродный, людей убивал, кровь лил, душу свою маял, а этот чисто гребет деньги лопатой. Умней других оказался, – вмешался Ломакин. – Всю долину, и дальше долгами опутал. Шныряет, не спит, деньги делает. Куда ты девать их будешь,

когда усопнешь?

– Тебе на гроб чутка завещаю, – начал огрызаться Розов.

– Гад, а не человек!

– Без ножа каждого режет!

– Таким место в проруби!

– Хватит, бабы, галдеть! Вдруг опять не даст коней аль еще чего там.

– Утихомирим!

– Вишь, Федор, каково мне с ними жить? Для всех душа нараспах, а они меня же костерят почем зря. Пусть я гад, но где вы найдете такого купца, кой бы жил без разбоя торгового? Нету такого дурака. Был один дурак – энто Иван Пятышин из Ольги, но и того упёк на каторгу Андрей Силов. Да и сам купец ходил в холщовых штанах. А может быть вера такому? Нет. Купец должен иметь вид, дородность и осанку. Один берет ножом, а другой тароватостью. Ведь я корюсь вам до той поры, пока не вырвусь в большие купцы, а уж там, вот вы где у меня будете! – сжал волосатый кулак Розов. – И не пикнете! Потом узнаете, кто был для вас отцом и благодетелем! – с запалом, но как само собой разумеющееся, говорил Розов.

– Не пужай, пужаны. Знаем, с чего начал, но вот не знаем, чем ты закончишь.

– А где Гурин? С его ведь овец начал господин купец, – перебил перебранку Козин.

– На войне. Был слух, что ранен, лежит в лазарете, будто

шрапнелью его посекло.

– Значит, и он побывал в том пекле, еще одним злоумышленником станет больше, – уверенно проговорил Козин. – Там зло быстро копится. Еще быстрее светлеют мозги. Ладно, вы уж не обессудьте, но мне пора на печь, кости ломит от окопной сырости, а тут еще и над тайгой мокреть.

Разошлись сельчане по домам. Лишь староста на чуток задержался.

– Ну, рассказывай, как там и что?

– Что рассказывать? Война там, чего больше. Я раньше думал, что родня, друзья, как говорится, на всю жизнь – это самые близкие люди. Там понял, что родней может быть и неблизкий человек, да такой родней, что только за него и болеешь. С Петьшей Лагутиным породнились. Как он там? Хочется убежать к нему, при случае защитить, свой дух ему отдать, душу новую вставить.

– Ладно, все это хорошо. Не крути, о деле говори. Как нам быть, к чему готовиться? Верить перестал?

– О деле? К революции надо готовиться, она не за горами, она за плечами. Всё на пределе, всё готово враз вспыхнуть. Готовить боевые дружины, патронами и винтовками запасаться. Полыхнет революция, а мы тут как тут.

– Вот это дело! Неужели начнется переворот?

– Как пить дать. Сама буржуазия к тому готова, а уж мы и подавно. Но, как говорят большевики, это преддверие революции, наша революция впереди. А пока война, голод и

разруха. Солдатам пули вместо хлеба. Солдаты перестали верить их превосходительствам и царю. Петьша Лагутин за одно только упоминание царя ударил подносчика снарядов под дых, едва тот оклемался. Дела царя и его генералов никудышные. Будь сила у царя, то он бы всем крамольникам головы посёк. Но тогда надо сечь большей половине армии. Гудит фронт, уж не столь от боев, сколь от споров и разговоров.

Ехал я сюда с одним большевиком, некто Никитин, он сказал, что и здесь уже закручиваются дела. Будто Костя Суханов⁴⁷, сынок вице-губернатора Суханова, создал во Владивостоке тайный кружок «Молодая Россия», кой шумел за прекращение войны. Но будто в тот кружок попали три провокатора и завалили всё дело. В августе на массовке их всех парестовала жандармерия. Сейчас всё заново надо гоношить. Звал меня в помощь. Обещал устроить на работу, я не отказался. Вот оклемаюсь – и в город, чтобы быстрее кончать войну и делать свою революцию.

– Значит, ты большевик?

– Всякий понимающий человек должен быть только большевиком. Только недоумок может остаться в стане врага. А наш враг – это буржуи, кои куют деньги с нашей крови, это помещики, кои живут нашим трудом, вся сволота, что наживается на этой войне.

⁴⁷ Суханов Константин Александрович (1894–1918) – русский революционер, большевик, политический деятель, участник и один из руководителей революционного движения на Дальнем Востоке.

Стукнула щеколда, открылась калитка, во дворе показался Федор Силов. Как всегда, при винчестере и с котомкой. С той же хитроющей улыбкой в глазах. Вошел в дом.

– Бог в помощь беседующим и страждущим! – поклонился друзьям.

– Федор Силов? Какими судьбами? Какими ветрами? – обнял его Козин.

– Теми же, что носят людей по земле, гуляют над сопками. Прослышал, что ты пришел, и завернул. Ну, рассказывай, как там и что?

– Всё так же. Слышал, ты пристроился в Питере? Скоро назад?

– Скоро. Дарья, ходи сюда, подарунок занес детишкам.

– Не часто ли подарунки заносишь? – усмехнулся Козин.

– Пустое, в год по заказу. А ты откуда прознал, что в Питере?

– Каждый на виду и на юру⁴⁸. Пока шел сюда, всё обсказали. И такое слышал, будто тебя от фронта спас Крупенской, мол, за его спиной прячешься. Да и братья тоже от фронта увильнули.

– На каждый роток не накинешь платок. Спешу вот снова туда. Пока ты воевал, девчужка и мальчонка подросли. Ну, ничё.

– Спасибо, дядя Федя, – поклонились дети.

– Чем я рассчитывать буду с тобой? В прошлом году

⁴⁸ На юру – у всех на виду; на открытом месте.

деньгами одарил, нонче тоже, – застенчиво улыбнулась Дарья.

– На том свете угольку под бок подсыплешь, чтобы сквознячку не было. Не люблю я сквозняков-то. Спешу в Петроград. Дела, похоже, круто заворачиваются. Учиться надо, тезка, шибко учиться, чтобы и здесь делать революцию. И все же как там солдаты?

– Худо. Ждут мира, но его не будет. Мечутся, большая половина хоть завтра в революцию.

– Ну и хорошо, ну и добре. Шишканова не встречал ли?

– Тот весь в революции. Солдаты вокруг него колготятся.

– Ну, тогда до свидания. Потопал дальше. Тороплюсь на пароход. А наговоров не слушай. Воевать за правду вместе придется.

Ушел Силов в ночь, дело привычное.

– Хороший он человек. Тоже спешит в революцию. Может быть, она и нужна, но боюсь я одного, Федя, что трудно будет расшевелить здешний народ. Тяжек он на подъем. Живет каждый тем, что, мол, моя хата с краю. Таких, как Силов, немного можно набрать. Он сегодня подарунок Марье, завтра – Дарье, и всё без корысти. А ты ляп – и обидел человека подозрением. А он ни одна здесь и не ночевал. Всё спешит, всё торопится.

– Ладно, ежели обидел, то прощения попрошу. Но ты на нашего мужика не клевети. Запахнет жареным, то подымет-ся. Конечно, заводские парни надежнее наших. Воевал я с

ними: дружны, языкасты, дерзки. Ладные парни. Терять им нечего. А мужик сидит на земле, боится, как бы ее не отняли. Да и зад будет трудно от земли оторвать. Но я уверен, что оторвет. Нас, солдат-мужиков, наберется больше, чем рабочих. А каждый солдат – это уже большевик, почти большевик, – поправился Козин.

– Может быть, и так, но как только доберется до дому, так и обмякнет, забудет о войне, – заметил Ломакин.

– Я не обмяк, другие тоже не обмякнут. Конечно, здесь зла поубавилось. Но мы его не выживем своей мягкотелостью. За тоску по дому, за смерть друзей, за зуботычины и подозрения – не забудем вражинам.

– Рабочему люду, и верно, терять нечего. Был я на руднике Бринера, – продолжил разговор Ломакин. – Как только там живы люди? Мы живём, мы дышим, а там заживо гниют. Голод, в бараках холод, спят вповалку на нарах, тут же дети копошатся. Вошата́, духота, грязища. Все смотрят на пришлого, как на кровного врага. Не пришел ли ты отнять у них работу, заплесневелый хлеб изо рта вырвать? Ропщет народ, но Бринер начхал на тот ропот. У него казаки, он дает фронту свинец. Чуть что – крамольника под арест, на каторгу, а его места ждут другие, чаще манзы. Эти тише и покладистее. Был даже бунтишко, казаки нескольких человек застрелили, и всё стало на свои места. И другое, недавно встретил на тракте Силова Андрея Андреевича с Широкой пади. Так он первый спрыгнул с вершной, первый же и руку подал, еще и

сказал, мол, ежели будет беда, чтобы заходили, чем сможет, тем поможет. Я ажно поперхнулся от удивлённости. Выходит, Силов умней Бринера?

– Может, и так. Но у Бринера казаки, а у Силова ограда хуторская. Бринер может убежать в город, а Силову бежать некуда. Вот и линяют люди, другую личину на себя надевают. А потом, есть люди побогаче Силова, но тоже идут за революцией, за большевиками. Взять Суханова Костю: отец вице-губернатор, а он на росстань⁴⁹ с отцом пошёл, потому что честный человек и нет у него сил смотреть на измывательства над народом. Если Силов честный, то найдет себя и свою дорогу.

– А Розов?

– Что Розов? – хмыкнул Козин. – Этот, как милый, будет работать на революцию. Расскажи, как это он успел прорваться в купцы?

– Был помощником у Дряхина, что заменил Безродного. Пил с ним, но голову не терял, а тот терял. Под пьяную лавочку заставил Дряхина подписать на себя завещание, потому как он один был как перст, тот Дряхин. Подмахнул, а через неделю нашли утопшим в Голубинке. Копал то дело пристав, но не докопался. Так и стал Розов купцом.

– Выходит, и верно, нельзя стать купцом без разбоя?

– Выходит так, Федя. Есть разговор, что и Бринер разжился с разбоя. Он был управляющим купца Шувалова. Шува-

⁴⁹ Пошёл на росстань – сделал выбор и пошёл по своему пути.

лов помер. Наследником остался один сын-полудурок. Ему бы лишь баб, яхты. Бринер все спроворил: и бабу, и яхту со матросами. Гуляй. Сам стал всем править. А потом благополучно утопил яхту, наследника и бабу, шуваловское же хозяйство себе прибрал. Был слух, что Шувалов раньше хунхузил, даже пытался русских грабить. А кто Бринер? Есть сказ, что он из голландских купцов-пиратов, грабил проходящие суда. Словом, немец обмишулил русского разбойника.

– На фронте тоже нами командуют немцы, может, с того и бьют нас. Как ты ни говори, что любишь Россию, а кровь-то немецкая. Знать, Германия ближе к сердцу. Да и царица-то двух слов по-русски связать не может. Около неё пророком крутится поп Распутин. Бабник, сводник, а на поверку сволочь. А та дура смотрит ему в рот, верит его предсказаниям. Э, что говорить! Продают Россию оптом и в розницу! Гады! – грохнул кулаком по столу Козин. – Каждый тянет одеяло на себя. А земля большая, ладная, продать есть что.

За околицей провыла собака, Федор Козин вздрогнул, подался на вой. Уж не Черный ли Дьявол голос подает? Обмяк. Нет, у Черного Дьявола вой гуще, тоскливее. Спросил Ломакина:

– Ничего не слыхал про Черного Дьявола?

– Канул в тайге, – заторопился домой. Не укорил Козина, что тот не доверил им пса.

Федор не задерживал гостя. Вышел в ночь и долго слушал тишину, забытые голоса тайги, деревенские звуки, тоже уже

забытые. Тосковал по Черному Дьяволу, по тихому прошло-
му.

3

Начались затяжные осенние дожди. Редкая осень в этой тайге, чтобы с дождями, недобрая осень. Плачут окна, зябнут деревья под дождем. Дым из печных труб низко стелется к земле, тает в этой мокрети. Тайга серо-рыжая, потемневшая, насупилась и насторожилась.

Не любил Степан Бережнов осень, тем более такую слякотную. Родился он осенью, годы жизни отсчитывал по осени. А прожитый год – это безжалостная отметина в жизни. Даже день своего ангела не справлял. Страшился Бережнов смерти. А со страхом шла тоска, тоска по несбыточному, тоска по утраченному. Еще больше тосковал, когда подводил итог удачам и потерям. Потерь было больше, чем добрых дел, суета, чаще злобная. Понимал, что жизнь прожита зря. А как прожить годы, что еще остались? Как? Пойти за Шишкановым, Силовым и их братией? Нет. Царь смутил сердца людские, война перемешала народы. А большевики принесут еще худшее, страшное – революцию и за ней гражданскую войну. Это уж точно. Ни Бережнов, ни Хомин, ни Андрей Силов, ни Вальков не согласятся отдать свои земли за спаси Христос. Значит, война, война против бедных. В тайге их наберется немного, но их много на западе. Запутается народ, запутают его большевики так, что никто не разберётся. Но и держать руку царя нет смысла. Смешно помогать

упавшему. Они, цари, вечно укоряли раскольников. Да что укоряли! Прочь гнали как бунтарей, инакомыслящих. Обвиняли их в косности, глупости.

– А царишко-то, и верно, туп и глуп, – сам с собой заговорил Степан Бережнов. – Аль не поймет, что бит, что война проиграна? Солдат зол, народ в накале. Цены на жратву растут, а заработки падают. Катится наша Россия в пропасть, и некому, что ли, подсказать царю, что и как. Я тоже не от ума гоношу какое-то «войско». Жамкнут, и мокрого места не останется. А что делать?

Может быть, прав Алексей Сонин, который недавно кричал на сходе: «Дурни, за кем тянетесь? Царь – дурак, а наш командир еще дурнее. Надо держаться тех, кто супротив царя и его недоумков. Большевиков держаться. Мы были супротивниками царя, ими и должны быть. Обмякли, по головке царь погладил. Не идти надо на ту наживку, а первым выходить на царя войной. Мы должны притулиться к тем мильёнам, что идут против царя. «Войско Христово!» Дураки! Поверните свою рать не за царя, а против! Я буду с вами, другие будут с вами!»

– Стоит ли брать тебя с собой, тезка-наоборот? – шепчет Бережнов, водит пальцем по запотевшему окну. Обвисли его плечи, замочалилась борода. – Напиться, что ли? Нет, надо трезво разобраться в этой правде-неправде, сумятице, распутье... – Косит глаза в сторону, будто уже видит черту небытия, голос дьявола слышит. Никого там и ничего там

нет за той чертой. Дьявол – это от хмельного, от тяжких дум. Нет ни дьявола, ни Бога. А тогда кто и что есть?

– А ничего и никого там нет, – громко ответил себе Степан Бережнов. Даже оглянулся, не услышал ли кто?

Впервые вслух сказал Бережнов то, что вынашивал годами. Вот еще бы насмелиться и сказать эти слова братии, то-то было бы шуму! Нет, не поймут братья и сестры его откровения. Как не поняли или не захотели понять Макара Булавина. Да что Булавина, они отринули деда Михайло, учителя и пророка. А ведь каждый черпал из его уст и доброту, и знания. Каждому дед отдал частицу души своей. Нет, устроятся безверия, отринут, как отринули тех правдолюбцев. Сумасшедшим наставником назовут. Есть за что: дьявола в хмельном бреду гонял, срамные песни пел, все мелочи припомнят, что накопила жизнь. Все! Пока при власти, не посмеют, а потом всё в одну кучу свалят, и тогда смерть – и физическая, и духовная.

Неужели все люди, кто грамотен, кто чуть мыслит, к концу жизни вот так же приходят к безверию? Может быть... Что было непонятно еще вчера, сегодня видно, как на ладони.

– Поди, хватит воду мутить? – спрашивал себя Бережнов. – Честно признайся, что был неправеден. Что, человек – бог? Добро – бог? По-макаровски? А? Но тогда надо уходить в пустыню! Утерять власть над братией? Нет, без власти, пусть она и малая, я не жилец. Познал её сладость, познал её неповторимость. Сразу пасть, как плохой всадник с

горячего коня? Нет!

...И снова терзался:

– Нет! Нет! Без власти душа захиреет, тело умрет. Только власть, только сила власти держит нас в узде. А как же царь? Ить он, ежли у него отберут власть, должен бы пулю пустить в лоб. Должен, ежли он человек при уме и при силе.

Вот и Мартюшев познал сладость власти. А что творится с Хоминым? Оба хунхузят с хунхузами. Третью осень хунхузят. Прижали. Те в ответ, что не хунхузят, а воюют с хунхузами. Десятки людей свалили на дезертиров и хунхузов. Чем оправдались, когда их хотел прижать Бережнов? Боем с бандой Кузнецова, с которым на самом деле не поделили тропу разбойную. Сказали, что хотели уничтожить банду. Зиновий Хомин снова стрелял в отца, но промазал на этот раз. Осталось на тропе с десятков убитых с той и с другой стороны. Были и раненые, но, чтобы не тащить их через тайгу, добили.

Мир спутался в огромный клубок, как его распутать? Что есть правда? Где она?

– Хватит раскисать! – приказал сам себе Бережнов. – Надо наперво взять свата Алексея за хрип, потом Мартюшева и Хомина. Ежли и не построю Выговскую пустынь, то хоть многим насолю. Войско не распускать, готовить к новым схваткам. Братию надо приструнить. Заставить её пасть к ногам, из милости просить прощения. Отринули – так не раз еще попробуют за обиду, – распрявился, глаза блеснули волчьим огнем. – Я вам устрою Варфоломеевскую ночь!

Приказал Красильникову и Селедкину явиться к нему. Пришли. Что-то наказал, они поспешно ушли.

Позвал наставника Мефодия Журавлёва. Ему сказал:

– Вы отринули меня как человека и как командира нашего войска. Вы не верите мне. А я уже говорил, что, ежели солдат не верит генералу, то тот должен застрелиться или, на худой конец, подать в отставку. Стреляться, по нашим законам, грешно, значит, я подаю в отставку. Передайте это народу, пусть выбирают себе нового командира. Аминь.

Мефодий с легкой усмешкой выслушал Бережного:

– Передам. Народ примет твою отставку.

Бережнов шел домой и думал: «Что творю? Будь бог, то он тотчас же наказал бы меня. Значит, его нет. Пусть нет, я могу и не верить, но другие должны верить. Я их заставлю поверить. А дьявол, что блазнит меня? Пустое, я сам его придумал, это от болезни душевной. Нет бога, нет дьявола, есть я – человек, коий должен вершить делами, как божескими, так и мирскими: миловать и карать. Властвующий может и не верить, но веру в людях крепить обязан. Сам не верь, но народ заставь верить в то, во что ты давно не веришь. Аминь».

Всю ночь люди видели свет в молельне: это молился Степан Бережнов, показывая свою веру в бога, свое прилежание к Творцу. А на заре, когда люди спали сладко и крепко, тишину разбудили выстрелы, даже взорвалась граната. Заполыхали дома Алексея Сониного, Мартюшева, Журавлёва, всех тех, кто не столь крепко верил в бога, кто шархался с од-

ной стези на другую. Как частые и тихие громы, отгремели выстрелы, затихли. Бандиты, или кто еще там, напали на деревню, угнали табун коней и скрылись, лишь оставили редкие следы на мокрой от дождя траве. Дать команду, чтобы преследовать бандитов, было некому. Журавлёв тушил свой дом, Сонин – свой, Мартюшев – свой. Бережнов же был в отставке. Бережнов молился. Даже когда пожар готов был перекинуться на его дом, он лишь посмотрел в окно, продолжая моление.

Дома догорали. Сухие, под краской, сторели, будто порох. Бережнов сделал последний поклон, вышел из молельни, пропахший воском и ладаном, пришел на пожарище. Перекрестился и промолвил:

– За грехи наши шлёт нам бог эти наказания. Но ничего, дружно, со всепомощью построим новые. Однако надо кое-кому и задуматься. Аминь! – Повернулся и ушел в дом.

Народ загудел, народ зашумел, начал ругать Сониного за его богохульные разговоры, Журавлёва – за его плохое наставничество, мол, так просто принял отставку командующего, так тайком именовал себя Бережнов. Отринули самого верующего, самого святого человека, коий живота своего не жалел во имя веры в бога. Гнать Мефодия из наставников взашей, гнать из деревни Алексея Сониного! Будя, побулгачил, посмушал народ. Уже кое-кто добирался до шеи Сониного, другие тырчками гнали Журавлёва, ругали Мартюшева за его бандитизм. Ругали тех, кто оказался погорельцем.

Бережнов через щелочку в занавесках наблюдал за толпой. Вот она повалила к его дому. Пала на колени, здесь же стоял на коленях Журавлёв, Мартюшев, только не было видно Сонины. Тот вырвался из рук братии, взял винтовку и ушел в тайгу. С ним ушли Арсё и Журавушка. Ушли они, как думал Бережнов, по следам банды, чтобы отомстить дезертирам. Раздались крики, чтобы Бережнов вышел к народу. Не шёл. Пусть от криков перейдут к мольбам. Он, как царь Иоанн Грозный, долго не выходил к народу. За просьбами начались стоны и мольба. Вышел. Вышел насупленный, вышел грозный. Посмотрел на народ из-под кустистых бровок, тихо проговорил:

– Ежели просите, я готов порадеть за народ, но с тем уговором, чтобы всё сказанное мною тут же исполнялось. Как я понял, Журавлёв не осилил место наставника, кое я ему доверил, дабы не отвлекать себя от укрепления дружины; снова буду наставником. Второе: вы должны тотчас же изгнать из деревни богохульника Алексея Сонины и тех, кто пойдет за ним. Третье: мои слова, мои дела, и вы этому верьте, идут от бога, во имя веры в бога. Ежели согласны, то я готов снова служить вам верой и правдой.

– Согласны! Делай с нами, что хошь, но оборони нас от хунхузов!

– Веди, как раньше вёл, все дела наши, будь наставником и командиром.

– Добре, все в молельню, все дадут клятву на Святом Пи-

сании. Клятву в праведность дел моих, клятву на верное служение мне.

Это уже были заявления царя, а не наставника. Но люди пошли за Бережновым, люди отдались в его власть, испугались кары божьей, бандитов, да мало ли еще кого... При Бережнове никогда не было нападений на деревню, редки были пожары. А тут стоило отказаться от всего, и случилась беда. Народ во власти Бережнова.

Изгнать Сонины? Все за изгнание. И даже заявление бабы Кати, что она тоже уйдет, пойдет за мужем, не остановило людей, которые лишались великой лекарки. А где же сам Сонин? Баба Катя ответила:

– Пошел по следам хунхузов.

Арсё не терял следа, скоро нашли дезертиров спящими на берегу Улахе. Открыли пальбу, меткими выстрелами перебили половину отряда. Бежало десять человек. С ними ушли Кузнецов, Зиновий Хомин. Это главари банды. Старый и малый – сдружились.

Одного раненого привели в Каменку, он на допросе, который учинил наставник и командир Бережнов, сказал:

– Кто-то нам заплатил большие деньги, чтобы мы напали на деревню и подожгли дома Сонины, Журавлёва, Мартюшева. Приходили, как нам сказал Кузнецов, Селедкин и Красильников. Мы просьбу исполнили, а вы за что напали на нас? Говорили же, что не нападете!

– Куда ранен? В руку? Добре. Счас я тебя вылечу. Вот

настой, сразу глотни весь стакан лекарства, и все пройдет, – сурово приказал Бережнов. – Это я просил ваших сделать доброе дело. Пей.

Выпил, тут же полезли глаза из орбит, перехватило дыхание, язык стал большим, немым. Пытался закричать пленник, но голос пропал. Настой борца сделал свое дело. Умер. Бережнов вышел к народу, сказал:

– Умер от отравной пули. Сказал, что напасть на деревню их просил Алешка Сонин с дружками, да они перепутали дома.

Сонин улыбнулся, спокойно ответил:

– Напасть их за пять тыщ рублей просил Степан Бережнов, и дома они не попутали. Кузнецов каждый дом знает. Отравил свидетеля. Но царей не судят, они могут казнить и миловать. Пошли, Катя, пошли в тайгу, там и будем жить. Ты, Саломка, тоже с нами. Отравителю не могу оставить свою дочь. Пойдешь ли?

– Пойду, тятя.

Бережнов не держал невестку, которая ненавидела его. Ушли. Все видели, как навьючил на кобылу свой скарб Алексей Сонин, приторочил к седлу винтовки для бабы Кати и Саломки, третью взял сам, тронул коня и пошел в сторону Сихотэ-Алинского перевала. Кто-то вздохнул и сказал:

– Он-то бы черт с ним, а вот Катю-то жалко. Многие помрут без ее догляда. Журавлиха тоже лекарка, но никудышная.

Ушли в осень, ушли в неизвестность.

Снова взял власть в свои руки Бережнов, кого надо, приструнил. Мартюшеву сказал, что если он не оставит худое дело, то его он просто прикажет убить в тайге, а нет, то дома отравит. Исаку Лагутину и Мефодию Журавлёву, хоть и жаль было дружков, для поучения всыпал по двадцать розог, отлучили на месяц от братии, наложили епитимью: поклоны, не спать с бабой и пост – вода и хлеб, – дабы дух быстрее смирился.

Выполнили всё, как приказал Бережнов. И он снова воспрянул духом, укреплял по своим деревням дружины, создавал подобные и в тех деревнях, где ему верили, где его поддерживали мирские. Кузнецову через Красильникова и Селедкина дал наказ, чтобы в эти долины носа не показывали – будут биты. Всё.

Кажется, всё, но нет, Бережнов понимал всю шаткость своей власти. Понимал и то, что братия, даже его братия, лишь отступила, затаилась, а вот когда снова выступит, этого знать не мог. Видел, что люди мало верят в его затею – таежную пустынь. Но молчали.

А тут еще травили душу эти надрывные письма от Груни: «Устинушка, дружок милый! Который раз я шлю тебе низкий поклон, но всё попусту. То ли нет тебя в живых, то ли мои письма не доходят до твоих рук. Кланяются тебе мои подружки-каторжанки...

О, знай ты, как мы тут живем, то не раз бы дрогнуло у тебя

сердце! И порют нас, и секут нас наши же каторжанки-палачихи. В прошлом году бежала я с Бодайбо. Еще раз судили, добавили пять лет. Теперь буду на каторге пятнадцать лет. Не жди меня. Я уже давно не твоя, а жена каторги. Ни жизни, ни мечты. Один стон и крик. Зачерствела я, задубела. В сердце ни любви, ни жалости. Вчера задушили в камере каторжанку-доносчицу. Прощай!..»

И так письмо за письмом, где Груня рассказывала о себе, о своей страшной жизни, а иногда обращалась и к отцу Устина:

«... Я часто думаю, умом прикидываю, может ли жить на земле такой человек, как вы... Пришла к мысли, что может. Ведь жил же Безродный, убивал людей из винтовки, страшный и злой был человек. Вы это делаете без выстрелов... Но не знаю, кто из вас страшнее. Думаю, что оба страшны. Хотя там смерть, а здесь медленное умирание. Есть ли в этом разница? Кажется, нет. Вы у меня отняли душу, человечность, сделали меня зверем. Смотрю я на своих товарок: копаются они во вшивом белье, спорят, ругаются и по делу, и без дела. И тоже все стали страшны. Вчера подруга убила подругу. Тяпнула по голове поленом, а та и дух испустила. Я сижу и завидую убитой. У нее уже всё позади: отчаяние, муки душевные, телесные. Не страшусь смерти. Духовно мы все мертвы. А разве можно жить без души? Подумайте!

Вы боитесь, что я отобью от вас Устина? Нет и нет. Я стала грязной черной бабой. Сама себе противна. А Устин – свет-

лый родничок, и мои уста не посмеют его опоганить. Пишу я ему, потому что не с кем словом перемолвиться. Но я ни разу не написала, что люблю его, мол, жди и прочее. Нет и нет. Устин для меня потерян навсегда... Любовь к нему загасла, как только я выстрелила в Баулина, стала убийцей. Еще хотела верить, что люблю. Но всё напрасно. Зря душу рвала...»

И вот последнее письмо: «Господин Бережнов, простите, что докучаю вам. Больше некому. Прослышала я от наших, что Устин на войне. Жив ли? Пишу с Сахалина. Наше начальство сменило гнев на милость, выслало нас на вечное поселение в город Александровск. Зачем? Вот об этом-то хочу рассказать.

Прибыли мы на Сахалин – остров стона и слез. Выгрузили нас с парохода и поставили рядами, как ставят кобылиц на ярмарке. Пошло по рядам тюремное начальство. Супротив меня остановился начальник тюрьмы. Этаким сивый старик. Глянул раз, два, хмыкнул. Открыл рот, в зубы заглянул, за сиськи поцапал. Отвернулся, не пришлась. Одна сиська оказалась больше другой. Выбрал двух курносеньких и толстеньких баб, будто бы для работы по дому. Вторым заходом пошли купцы, тоже из бывших каторжан. На меня налетел рыжий детина, как ворон на падаль. Этот даже в зубы не стал смотреть, за сиськи цапать, а сгреб и поволок домой. По нраву пришлась. Потом я узнала, что этот купец был бывшим палачом тюрьмы, коий сек и вешал нашу братию. Здесь все бывшие. Теперь я законная жена купца-палача Смулина.

Человек он знатный, ладно обворовывает каторжан. От него даже собаки с ревом убегают в подворотни, а люди на колени падают и тоже спешат скрыться с глаз.

Этот палачина нежно любит меня, сам себе портки стирает, а я, как барыня, хожу по базарам, магазинам, тычу в рожи жуликам базарным не просто рукой, а зонтиком японским.

Когда-никогда хохочу до слез над собой и над своей судьбой. От одного палача спас Черный Дьявол, попала в руки другому. Часто думаю: не попадись вы злым роком на моей тропе, не встретить я Устина, который с побратимами спас меня от Тарабанова, что бы было со мной?..

Теперь я жена палача, от коего шарахаются люди и собаки. А потом хотела вам напомнить о тех деньгах, что вы украли у меня. Не забыли вы о них?»

Бережнов ответил: «Не забыл. Лежат за божничкой. Когда прикажете вернуть – верну. Бережнов».

Трудный и непонятный человек Степан Бережнов. И чем дальше, тем больше его не понимают люди. Пример тому пятнадцатый год: наводнение, голод. Бережнов открыл свои амбары, раздал хлеб беднякам и голодающим, ни с тех, ни с других копейки не взял, своим – ни зернышка. Своей властью приказал открыть общественный амбар, который принадлежал членам братии, и семенное зерно раздать беднякам. Когда Переселенческое управление выделило зерно для пострадавших, он первый поехал в извоз. Сотни пудов хорошей пшеницы из Спасска вывез, тоже за спаси Христос.

А те же бедняки, те же мужики начали поговаривать, мол, это Бережнов делает ради того, чтобы в случае выборов голосовать за него.

Хомин – тот понятен. Он продавал хлеб втридорога. У него тоже были запасы хлеба лет на десять, если кормить только свою семью. Продал до зернышка, оставил семью без хлеба. На репе проживут. От неё, как он их уверяет, сила и здоровье.

У многих бедняков пали лошади. Бережнов всех своих коней, что паслись на выгонах, послал пахать им пашни. Это уже шестнадцатый год. Хомин и Вальков на пахоте сотни людей вогнали в долг неоплатный. Бережнов никого не сделал должником. А когда пришло время выбирать нового старшину, то он отказался. Снова избрали Мартюшева.

Добро и зло уживались в Бережнове.

В прошлую осень были убиты манзы на тропе. Пятнадцать человек кто-то расстрелял в упор. Сонин и Арсё доказали, что это дело рук Хомина и Мартюшева. Нашли гильзы от винтовки Мартюшева – она чуть раздувала патронник, и берданочный патрон от хоминского ружья – у того тоже была отметина на гильзе (в патроннике была ржавчина).

Бережнов не отрицал причастность этих двух к делу убийства манз, но ответил на все доводы:

– Убиты манзы. Худо. Но крик поднимать не след. Придет срок, мы и с этими сделаем, что сделали с Тарабановым – моление и смерть.

– Но они еще будут убивать! – возмутился Лагутин.

– Будут. Свое найдут. Манза, как ни говорите, – инородец.

Потому молчок, ежели самим хочется жить.

Еще тогда Бережнов требовал изгнать из деревни Сонины, свата своего, как возмутителя спокойствия, который лезет не в свои дела.

Теперь Сонин ушел. Был слух, что он построил ладный дом, не на зиму или две, а на долгие годы на речке Павловке, назвал будущее селение Горянкой⁵⁰. Будто плюнул под ноги Бережнову Арсё и тоже ушел к Сонину. Зиму промыкался Мефодий Журавлёв, а к весне конями перевез свое хозяйство в Горянку. Сонин объявил войну Бережнову, прислал письмо, где писал, мол, кто появится в его владениях, тот будет тут же убит без суда и следствия. И выходило, что война была объявлена всей братии. Охотники перестали ходить в верховья Павловки, ведь заполошный нрав Сонины знал каждый, да и стрелять он умел.

В тайге объявились беглые каторжники, будто бы они бежали с Сахалина. Построили зимовье, добыли оружие и начали жить тайгой. Бережнов послал к тем беглецам своих наушников, они донесли, что каторжников пятеро, но всего три ружья. Рваны и косматы. Приказал их перестрелять. Красильников и Селедкин выполнили «божье» дело.

⁵⁰ Горянка – авторский топоним, в реальности – хутор Лужки (ныне село Нижние Лужки Чугуевского района Приморского края). Река Павловка – до 1972 г. река Фудзин.

Поговаривали, что в поселении Сони́на собираются большевики, которые готовятся учинить революцию, и что их поят и кормят Журавлёв и Сонин. Бережнов собрал свою дружину, задумал пойти в Горянку и разбить Сони́на. Но все дружинники наотрез отказались идти воевать с Сониным, мол, хватит и того, что изгнали праведного мужика, оставили всю округу без лекарки, люди умирают, а лечить болящих некому.

Здесь Бережнов еще раз почувствовал, что его власть шатка. Согласился с дружинниками, чтобы позже прижать их.

Прошли слухи, будто Зиновий Хомин ушел из банды и готовит других, чтобы напасть на Ивайловку, убить отца, забрать его богатство. Но это были лишь слухи. Зиновия видели вместе с Кузнецовым. Хомин за голову сына, которого ославил дезертиром и предателем, прибавил сумму, обещал выплатить две тысячи рублей. Но Хомину не верили, требовали деньги вперед. Хомин же не верил охотникам за черепами.

А окна плакали осенью. Гудел ветер. Бережнов думал, Бережнов искал брода в этой коловерти, но видел, что его нет и не будет. Впереди война, и война народная, которая, как половодье, затопит всю тайгу, сметет всех заполошных и инакомыслящих, оставит тех, кто найдет верный путь в том огне.

Но пока в деревне тишина, деревню мочалит дождь. Пробежит баба, накрыв голову мешком, прошлепает босый

мальчонка – и снова безлюдье. Все сидят по домам, у каждого свой настрой, свои думы. А за всем этим растерянность и безнадежье перед будущим. Дорого бы дал Бережнов, чтобы узнать будущее, узнать думы людские. Но это никому не дано...

В тайге мокреть, промозглость. Изюбры, косули, кабарожки, кабаны замерли под деревьями и тоже мокнут. Ни прилечь, ни разогреться быстрым бегом. Холодно и голодно тигренку. Один. Хватит ходить за матерью, тигрица всё, что знала сама, передала тигрятам. А случится бескормица, ночами будут ходить к людям и воровать у них коров, коней, собак. Но при этом надо быть очень осторожными, бояться человека с железной палкой, своры собак, когда за ними идет человек. Учила обходить больших медведей-шатунов. Остальных же брать, есть, не бояться.

По лезвию сопки трусили волки. Они были сыты, мышковали, теперь спешили уйти от непогоды в свое логово. Их было шестеро. Этих волков вел Черный Дьявол. Вел уже новое племя. Те волчата давно ушли, лишь светло-серый волк остался при стае. Он давно покорился Черному Дьяволу, но при этом ждал своего часа. Должен настать тот час, когда он порвет горло Черному Дьяволу, припомнив все обиды и унижения.

Тигренок затаился за выскорью. Ветер дул от него, волки не должны учуять его. Черный Дьявол поравнялся с тигром. Тигр прыгнул. Прыжок был точен. Пес оказался в лапах страшного зверя. И, будь на месте Черного Дьявола другой волк, он неминуемо погиб бы. Потеряв голову от страха, не

оказал бы сопротивления тигру. Но это был Дьявол. Он вывернулся из когтистых лап, еще нашел в себе силы рвануть тигренка за пах, разрезал клыками, как ножом, живот так, что вывалились внутренности. Отскочил в сторону и упал, истекая кровью. Час для светло-серого волка настал. Метнулся на Дьявола, чтобы впиться мощной пастью в его горло. Но за отца заступились волчата. Они дружно навалились на противника, смяли его, отбросили в сторону, начали рвать острыми клыками кожу. Волк покатился по жухлой траве, вскочил и побежал. Его никто не преследовал.

Волчица, которая раньше боялась даже свежих следов тигров, не обращая внимания на возню волчат, бросилась на тигра. Схватила за кишки, довершая начатое Дьяволом дело. Тигренок бросился следом за волком, путался в своих же кишках лапами.

Черного Дьявола окружили волчица и волчата, начали слизывать с его кожи кровь, зализывать раны. Подталкивали мордами, чтобы Дьявол встал и шёл в логово.

Тигренок забился под валежину. Он погибал. Долго будет умирать, если никто не поспешит оборвать ему жизнь.

Прилетели сороки, начали трещать, звать соседей, чтобы и они посмотрели на умирающего тигра. За ними прилетел ворон. Сел на дерево и прокричал: «Каррык! Каррык!» Дал кому-то знать, что видит хорошую добычу.

И он пришел, пришел огромный, бурый, косолапо пере-ставляя ноги. Медведь не был голоден, желудей и кедровых

пишек хватало. Но разве можно пройти мимо умирающего, оставить добычу мелким зверькам? Притом тигра, которого этот гигант не замедлил бы и здорового-то порвать. Он тигров ненавидел.

Медведь не спешил. Он дважды обошёл валежину, где затаился тигр, дыбя шерсть на загривке, чмокая губами, встал в отдалении. Он сразу понял, что тигрёнок обречён, это было видно по заполошному страху в его глазах. Не спешил нападать, фыркал, тянул губы, ворчал. И вот нацелился. Боком, всей своей мощью налетел на тигрёнка, отбросил ударом груди валежины, навалился на умирающего, но еще сильного зверя. Начал ломать, как кутёнка. Рев качнул сопки. И те, кто сиротливо дремали под елями, и те, кто шли на охоту, враз вздрогнули, насторожились и очертя голову бросились прочь от этого жуткого рева.

Тигренок не рвал медведя, только слабо кусал. С перебитым позвоночником еще пытался сопротивляться. Со стоном упал. Медведь придушил тигренка. Косолапо отошел в сторону, слизывая с морды кровь. Стало тихо-тихо, лишь капли хлюпали по листве – то плакали вершины деревьев холодным дождем. Моросило небо.

Шло время. Шла своим размеренным шагом таежная жизнь. Трудная, где каждый шаг может быть последним, каждый день – последним днем. То, что зверь убивает зверя – это закон природы, право сильного. И здесь, над этой тайгой, черным хвостом промелькнули миллионы лет, в кото-

рые многие народы и племена не трогали тигров, волков, считая их своими предками. Не трогали, и в тайге не делалось меньше изюбров, кабанов и другого зверья. Но вот пришли другие люди, которые не говорят, что они произошли от тигров или волков, а говорят, что их создал бог. Эти люди принесли не стрелы и копья, а дальнобойные винтовки. И сразу всё нарушилось в тайге. За полстолетия были перебиты почти все красные волки. Реже стали попадаться тигры, ушли в глухие леса барсы, убегали от людей рыси. Они сразу же отказались от единоборства с людьми, предпочли жизнь вдали от людского глаза, чего не захотели сделать красные волки. Серые волки еще будут жить, очищать тайгу от слабого и хилого. Но люди так или иначе разомкнут цепь, замыкающую природную систему. Погубят себя и тайгожителей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.